Алина Астальская

КАК СТАТЬ ВОЛШЕБНИКОМ

НЛП для младшего школьного возраста

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пятиклассник Янеш Петровский во сне путешествует по волшебным местам, перенося в обычную жизнь необычные знания и умения. В невероятных приключениях и опасностях ему помогают пушистые помощники волшебницы Люсинды… Сны мешаются с явью, миры обмениваются дарами, волшебное там становится реальностью здесь. И наоборот.

- Алина Астальская
  - Предисловие
  - •
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII

Алина Астальская

НЛП для младшего школьного возраста

КАК СТАТЬ ВОЛШЕБНИКОМ

Предисловие

Нейро-лингвистическое программирование сегодня весьма популярно. Кто-то его использует в бизнесе, кто-то в медицине, педагогике, одни ищут новые теоретические выкладки, а другие — применяют их на практике. Но любой, столкнувшийся с NLP, становится немного другим.

Впрочем, существуют люди, и их становится все больше, для которых NLP стало не просто знанием, а образом жизни.

Для меня и моих друзей первая встреча с NLP произошла в конце 80-х. Тогда наши дети были еще младенцами. С тех пор прошло десять лет. И если для нас нелперское виденье мира было искусственно привитым, и многие моменты техники ставили в тупик, мы с чем-то соглашались сразу, что-то было принять гораздо труднее и требовало личностных усилий и изменений, то с детьми было все по-другому. Для них все эти идеи были весьма органичны и непротиворечивы. Им не потребовалось десять лет, чтобы NLP иметь как образ жизни, они были таковы изначально.

И мы с интересом, иногда с радостью, а иногда и с волнением наблюдали за этим феноменом, «феноменом нелперских детей», как окрестил его один знакомый психолог.

И наблюдая, насколько наши дети восприимчивей, контактней, толерантней (список можно продолжать дальше), мое родительское сердце наполнялось гордостью и радостью за них.

И однажды я стала свидетелем такого разговора. Мой семилетний сын объяснял соседской девочке, как добиться своего при помощи «ложного выбора». Девочка никак не могла взять в толк, как именно это происходит.

— Давай еще раз, это же легко, — уговаривал ее сын.

— Если бы у меня была такая мама, как у тебя, мне тоже было бы легко, — сердито ответила девочка.

Не знаю, что именно она тогда имела в виду, но слова запомнились. Нашим детям, наверно, действительно повезло с родителями. А как быть другим, чьи родители пока не столкнулись ни с NLP, ни с нелперами?

Именно так и родилась идея этой книги. И если читать ее вместе с детьми (или с родителями?), то детская чистота восприятия в сплаве со взрослой умудренной опытностью дадут потрясающие результаты в понимании, наслаждении и эффективности ваших жизненных усилий.

Еще хотелось бы добавить несколько слов благодарности учащимся, студентам Киевской детской академии искусств, и прекрасному коллективу педагогов театрального факультета, с

кем мне пришлось некоторое время сотрудничать как психологу. И если дети подтолкнули меня начать эту книгу, то именно Валентина Игоревна и Александр Самсонович Заболотные вселили уверенность, что в моих силах и закончить начатое. Им так же хочется сказать «спасибо».

Киев, 1993 г.

— Знаешь, чем отличаются дети от взрослых? Дети еще не знают, как надо и поэтому могут все. Взрослые уже знают и поэтому могут только так, как нужно.

— Утро вечера мудренее. Зато вечер — раньше.

Из высказываний на тренинге.

Когда вам почти десять лет, то вряд ли вы хотите укладываться спать во время. Ведь еще столько интересного хочется успеть сделать! Вот и Янешу тоже нисколько не хотелось отправляться в постель. Но мама, загадочно улыбаясь, сказала, что поделится с ним одним секретом, когда придет поцеловать его на ночь.

Что бы вы сделали в ответ на такое предложение? Ясно, что. Вот и Янеш мигом закончил свои занятия и рысью направился в ванную.

Вы, наверное, незнакомы с Янешем? Давайте исправим это досадное упущение. Итак, Янеш — обычный мальчишка, который живет с папой и мамой в самом обычном городе. У него темно-серые глаза, нос в конопушках, рот, всегда готовый открыться, когда Янеш что-то внимательно слушает. Он не толст, но и не худ. Не велик, но и не мал. В общем, такой же, как и многие другие мальчишки. В меру шаловлив, в меру послушен. Он уже не верит в сказки, но еще верит маме, которая их рассказывает. И где-то в глубине души ему очень хочется, что бы все это оказалось правдой.

В общем — мальчик, как мальчик. Такой же, как и вы, а может — как ваши знакомые.

Учится Янеш в пятом классе и считает себя вполне взрослым и самостоятельным. Правда, это не всегда так, но… Кажется, он уже лег и слышен ровный мамин голос:

— Сегодня, — сказала мама, — необычная ночь. Сегодня всем, кто уснул вовремя, приснится что-то необычное. Я не знаю, что приснится тебе — может быть что-то таинственное и загадочное, может быть то, о чем ты мечтаешь… И я не знаю, о чем именно ты мечтаешь сегодня, но ведь ты-то знаешь… Может быть, ты хочешь изменить что-то вокруг себя. Или захочешь

измениться сам… И тебе непременно приснится, как это происходит. И оно, что бы это ни было, начнет происходить сразу, как только ты заснешь.

И Янешу стало так интересно, что же ему приснится, что он тут же уснул.

И приснилась ему волшебница, которая прикоснулась к нему своей волшебной палочкой и сказала:

— Здравствуй, Янеш. Меня зовут Люсинда, я — волшебница. И пришла к тебе, чтобы исполнить твое заветное желание. Но скажи его поскорее. Сегодня необычная ночь и мне нужно успеть еще ко многим детям.

И она раскрыла Книгу Заветных Желаний на чистой странице. Задумался Янеш. Что бы ему больше всего хотелось? Много-много Лего? Это было бы классно! Только жалко тратить на простое Лего желание. Может, пожелать стать самым умным или там, самым сильным? В общем, были, были у Янеша желания. И даже много желаний. А вот выбрать одно было очень сложно. Не верите? Попробуйте сами. Попробуйте быстро выбрать одно, самое заветное желание и вы поймете, почему задумался Янеш.

Что же все-таки пожелать? Волшебница уже нетерпеливо ногой притопывает… О! Придумал!

— Хочу быть волшебником! — радостно сказал Янеш.

— О!? — удивилась Люсинда, а потом добавила, — тебе кажется, что волшебником стать так легко? Нет, голубчик мой, этому нужно прилежно учиться. Ну ладно. Что сказано, то и записано. Я беру тебя в ученики. До встречи, — добавила она и, захлопнув книгу, исчезла.

А Янеш уснул еще крепче и больше ему ничего не приснилось.

Вот так все и началось.

Глава I

На следующую ночь, как только Янеш уснул, снова в сон к нему пришла волшебница и спросила:

— Ты не передумал? Все еще хочешь быть волшебником?

— Конечно! Как хорошо, что ты пришла, — обрадовался Янеш.

— Тогда пойдем, — Люсинда взяла его за руку, и они понеслись куда-то по сверкающему извилистому коридору, и вдруг оказались на большой площади, где толпился народ.

— Где мы? — почему-то шепотом спросил Янеш.

— Во внутреннем Королевстве. Это центральная площадь.

— А почему здесь так много народа?

— Сегодня день обмена Карт Мира, — ответила Люсинда и добавила, — пойдем вон к той беседке, и я расскажу тебе все по порядку. И пока они пробирались к увитой розами беседке, до них то и дело доносились обрывки чужих разговоров.

— Надоела карта развлечений… А я хочу карту богатства. — Да там же разбойники!.. — Ищу карту собаки… А мне нужна карта…

И Янеш, на ходу вертя головой, чтобы больше увидеть и услышать, уже просто сгорал от любопытства.

Зайдя в беседку, Янеш удивился — она была совсем пустая, даже сесть не на что. Красиво, конечно, но не на ногах же стоять! Кто же слушает стоя? Если ты стоишь, значит, сейчас пойдешь…

И волшебница Люсинда, как бы угадав его мысли, спросила:

— Как ты думаешь, чего здесь не хватает?

— Здесь должны быть скамейки, — сказал Янеш.

— Скамейки? Я бы предпочла кресло, — проговорила она и взмахнула палочкой.

Невидимый голос произнес:

— Заказ принят.

И не успел Янеш оглянуться, как появилось большое мягкое кресло для Люсинды и деревянная скамейка для него.

Усевшись, Люсинда начала свой рассказ:

Рассказ волшебницы Люсинды о Картах мира.

Давно это было. Жили в одной стране люди, которые хотели все знать и все уметь. Конечно, можно было бы пойти в школу, потом еще учиться, и когда-нибудь, наверное, узнать абсолютно

все. Но людям этим не хотелось тратить время на учебу. Они говорили: «Если мы будем всю жизнь учиться и учиться, то когда же мы будем жить? Ведь когда мы все узнаем, мы будем старенькими, и жить останется совсем немного».

Так они говорили, да и думали тоже так. И вот однажды в их краях оказался волшебник. И тогда все люди собрались на площади и стали его просить выполнить одно-единственное желание. Одно на всех. Удивился волшебник. Ведь где бы он не появлялся, к нему приходили люди, и каждый старался выпросить что-то для себя. А здесь — целая страна просит исполнить одно-единственное желание. Согласился волшебник и попросил сказать, что же им нужно.

Тогда вышли старейшины и сказали:

— Пожалуйста, сделай так, чтобы мы все стали знать и уметь все сразу.

Очень огорчился волшебник, услыхав такие слова, но обещание было дано. Еще раз спросил он их — все ли они обдумали, желая? Все ли хотят этого? И люди подтвердили, что они обдумали. И никто не отказывается узнать и научиться всему сразу. Да и кто бы отказался от этого? Ты бы отказался?

Вздохнул печально волшебник, взмахнул пачкой, пробормотал заклинанье и исчез.

А люди, стоящие на площади, вдруг почувствовали, что они все знают и умеют, но вместо того, чтобы разойтись по домам и заняться своими делами, они вдруг стали падать на том же месте, где стояли и засыпали глубоким-глубоким сном. И вскоре вся площадь спала, и со стороны казалось, что все эти люди умерли.

— Что же с ними случилось? — не выдержал Янеш.

— Тебе приходилось, наверное, рассматривать различные карты? Не те, в которые играют, а другие, где города и страны, реки и горы?

— А, знаю, — сказал Янеш, — у нас есть Атлас Мира. Но при чем здесь карты?

— А вот при чем. Помнишь, там одна и та же страна изображена разными способами?

— Помню. На одной карте нарисованы горы, реки, и вообще, природа.

Люсинда слегка пошевелила палочкой и прямо перед ними в воздухе повисла нужная карта.

— Да, а на другой?

— На другой города и раскрашенные области, мама говорила, что похоже на лоскутное одеяло.

— Правильно.

И появилась еще одна, рядом.

— А еще?

— А еще карта со значками, что в каком городе делают, а еще, где какие дороги…

— Молодец, все запомнил.

Она опять шевельнула палочкой, и чуть ниже первых двух появились еще две карты с нужными обозначениями.

— А теперь представь, что все эти карты соединились в одну. Здесь, и как ты говоришь, природа, и дороги, и области, и еще какие-то значки.

И пока она это произносила, карты подползли друг к дружке и наложились, перемешавшись.

— Ого! — сказал Янеш, — и точно, соединились. Но ведь теперь ничего нельзя разобрать.

— Правильно, информация (т. е. все знаки и буквы) стала такой плотной, что ничего не разберешь, все в куче, как у некоторых людей на полочках шкафа — хочешь рубашку вынуть, а она в брюках запуталась, которые в свитер закатаны. Смешно? Или у тебя тоже так бывает? Нужно вынуть что-то одно, а потянешь, и вываливается вся куча…

— Вот и в головах заснувших людей так же оказалось. Они стали знать и уметь все сразу, все вперемешку и все перепуталось так, что ничем нельзя воспользоваться.

— А почему же они уснули? — снова спросил Янеш.

— Попробуем разобраться. Ты читать любишь? Да, и можешь подолгу сидеть с книжкой. Но потом наступает такой момент, когда читать больше не хочется. Ты устал принимать информацию. А если будешь продолжать читать, то получится, что глаза еще бегут по буквам, по словам, а сам уже засыпаешь. Так?

— Ой, точно, — засмеялся Янеш.

— Вот так и те люди. Информации вдруг стало так много, что мозг отказался работать, отключился. Вот они и уснули.

— А что было дальше?

— Дальше?

О том, что было дальше.

Прошел год, и еще один, и еще целых десять. Многое изменилось за это время. Только люди все продолжали спать там, где уснули. И вновь оказался в тех краях тот же самый волшебник. И увидев спящих людей, печально вздохнул,

вспоминая, как было дело. Разбудил он одного человека и тот ему поведал следующее:

— Как только исполнилось наше желание знать и уметь все сразу, так и заснули мы. За ночь наши мозги отдохнут, утром просыпаемся и опять все знаем и умеем, и опять наши головы устают, и снова мы засыпаем. Придумай, как же нам теперь жить, — сказал так человек и тут же уснул.

— Да, натворил я дел, — сказал сам себе волшебник и стал думать, как теперь этим людям помочь. Ведь даже самый могущественный волшебник не может просто так взять и отменить свое волшебство, особенно, если оно записано в Книге Заветных желаний. День думал, и ночь думал, и еще день думал, сам чуть не уснул, но все-таки придумал.

Пробормотал он заклинание, взмахнул палочкой, и все люди забыли на время все, что они знали и умели. А потом волшебник дал каждому маленький фонарик и объяснил:

— Это не просто фонарик. Это фонарь Внимания. Вы забыли все, что знали и умели, но с этой секунды то, на что направлен свет вашего Внимания, сразу же вам вспомнится, а если пристально освещать своим вниманием что-нибудь, то вы будете узнавать об этом предмете все больше и больше.

Обрадовались люди, стали светить друг на друга своим Вниманием, узнавать знакомые лица, то-то было счастья! Три дня и три ночи веселились не переставая и узнавая заново такие знакомые, но, увы! забытые вещи.

На четвертый день волшебник собрался уходить, и все вышли проводить его. Оглядел он всех и сказал:

— Я дал вам Внимание и три дня наблюдал за вами, доделывая и совершенствуя его. Теперь вы сами можете включать и выключать его по своему желанию.

Вдруг кто-то попросил:

— Пожалуйста, придумай что-нибудь, а то не удобно нам этот фонарь Внимания держать в руке. Руки ведь нужны для дела.

— Хорошо, — ответил Волшебник. И в тот же миг все фонарики очутились у людей в головах, и свет их струился у каждого из глаз ровными ясными лучами.

— И еще, — добавил Волшебник, — тренируйте свое внимание, чтобы не прыгал луч с одного предмета на другой. Иначе вы будете смотреть, но не видеть.

Затем взмахнул своей палочкой и исчез.

А люди с тех пор подолгу освещали своим Вниманием все, о чем желали что-то узнать, потому что они все еще хотели знать и уметь все.

— Вот здорово, — сказал Янеш, — мне бы такой фонарик!

— А он есть и у тебя, — промолвила Люсинда, — только ты им, наверное, не пользуешься.

— Наверно, — согласился Янеш, — мама тоже говорит, что я невнимательный. А как им пользоваться?

— Нужно на внимание обратить внимание, — засмеялась. Люсинда, — это значит, внимание нужно заинтересовать. Послушай еще раз это слово: ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ, то, что за интересом. А интерес может быть разный. Например, если папа принес домой какой-то сверток, то как же хочется посмотреть, что там такое! И не играется, и не гуляется, и не читается, и не рисуется, а все думается, что же там такое. Так? Значит ты заинтересован, и внимание твое как бы привязано к этому предмету.

И можно представить, что-то, что тебе хочется узнать, как бы окутано туманом твоего интереса и Внимание притягивается, как магнитом, этим туманом и своим светом его рассеивает и освещает все, что тебе необходимо.

Так люди и создают себе свои Карты Мира.

— А зачем они нужны эти Карты? — спросил Янеш.

— Чтобы знать, что есть дальше и чтобы ориентироваться.

— А разве нельзя просто посмотреть вокруг и узнать? — недоверчиво спросил Янеш.

— Хорошо, посмотри вокруг, что ты видишь и знаешь? — предложила Люсинда.

— Ну, мы вот в беседке, а там площадь, а дальше дома какие-то.

— А дальше?

— А дальше уже не видно, но можно пойти посмотреть.

— А можно посмотреть и не ходя, — улыбнулась волшебница и достала из рукава карту, свернутую трубочкой, — Вот смотри: вот наша площадь, вот беседка, а вот и улица…. А что это обозначено крестиком? — перебил ее Янеш.

— О, это Лавка обмена Карт Мира, нам как раз туда, — ответила Люсинда, поднимаясь. — Пойдем, остальное расскажу по дороге.

И они пошли по мощенной булыжниками улице, крепко взявшись за руки, чтобы не потеряться в уже поредевшей, но все еще многолюдной, толпе.

— Карты Мира помогают не только ориентироваться, — продолжала свой рассказ Люсинда, — они еще помогают экономить внимание, направлять его на что-то определенное, а не на все, что тебя окружает. И еще, Карты мира помогают узнавать то, что ты уже знаешь. Например: если перед тобой стоят четыре

ножки, накрытые мягкой крышкой на высоте твоих коленок, то это….

— Конечно же, это табуретка или пуфик, — сразу угадал Янеш.

— В любом случая это то, на чем сидят. И в твоей Карте мира, и в моей это так и мы не будем долго думать, что же это такое и что с этим делать.

— А разве это не для всех так? — удивился Янеш.

— Конечно, нет. У некоторых в их Картах Мира вообще нет такой вещи, другие наш пуфик используют по другому назначению. Для дративара Менга это лучшее лакомство, — засмеялась Люсинда.

— А что такое дративара Менга?

— Не что, а кто. Дративар Менг — такое существо с ушами — крыльями и тремя грустными глазами на стебельках.

— Такого не бывает, — неуверенно сказал Янеш.

— Нет в твоих Картах Мира, — опять улыбнулась волшебница, — но это не значит, что нет вообще!

— К сожалению, — добавила она, — люди часто привыкают пользоваться одной Картой Мира. Конечно, это удобно, но и ограничивает.

— Я не хочу быть ограниченным, — воинственно засопел Янеш.

— Успокойся, не будешь. Нужно просто иметь много Карт и менять их при необходимости. Так, кстати, можно превращаться в кого угодно, ведь когда меняются твои Карты, меняешься и ты сам.

— Ух, ты! — восхищенно воскликнул Янеш, — а давай прямо сейчас превратимся в кого-нибудь?

И заметив, что волшебница не в восторге от этой идеи, принялся выклянчивать:

— Ну, давай, ну, пожалуйста, ну что тебе стоит, ну хоть на чуточку, ну ведь так интересно!

— Смотри-ка, похоже, в твоих Картах Мира сказано, что если будешь ныть и клянчить, то можно получить то, что хочется, — удивилась Люсинда. И, улыбнувшись, заметила, — а в моих Картах Мира обозначено, что нытики превращаются в лягушек на целых десять лет.

Янеш сразу же замолчал.

Тут оказалось, что они уже пришли. Над дверью лавочки крупными змеистыми звездочками сияла надпись:

«Лавка Обмена Карт Мира».

А пониже, буковками помельче, значилось:

«Не навязывай, а показывай. У каждого своя Карта Мира».

и еще ниже и мельче:

«Другой — потому другой, что у него другая Карта Мира.

Кому не понятно — посвети вниманием».

Янеш хотел было удивиться, как на таком маленьком кусочке поместилось столько всего, но Люсинда толкнула двери, и они вошли внутрь.

За прилавком, заваленным всякими свитками, стоял дративар Менг.

— Что угодно? — спросил он, учтиво кланяясь, — волшебнице Люсинде мое почтение. К сожалению, мне пока нечем пополнить вашу великолепную коллекцию, но для молодого человека есть много интересного.

— Нас интересуют Карты для ученика волшебника, — улыбаясь, промолвила Люсинда.

— А может лучше для пиратов или разбойников, или скажем, принца или звездолетчика? — с робкой надеждой предположил Менг.

— Пираты и разбойники не надобны, принцы не по чину, звездолетчики не ко времени, — покачала головой Люсинда.

— Эх, чего уж! — вздохнул Менг и, натужно хлопая ушами, взлетел к самой верхней полке, подцепил лапой свиток, скрепленный сургучом, и грузно шлепнулся обратно. Уши обиженно повисли.

— Самое лучшее отдаю, любимые! — запричитал он и тут же хитро подмигнул Янешу средним глазом.

Янеш все еще остолбенело молчал, пришибленный увиденным.

— А взамен чего дадите? — спросил Менг ворчливо.

Люсинда вопросительно посмотрела на Янеша. Янеш задумался. Что же отдать? Легко, думаешь вот так сразу взять и придумать, от чего можно отказаться?

— О, вспомнил! Могу отказаться от нытья, — решил Янеш. И не успел он это произнести, как Менг заулыбался своей зубастой пастью, и протянул к нему лапу. И Янеш с удивлением увидел, что держит в руках какие-то свитки, и вот один уже даже протянул дративару. Тот ловко подхватил поданный свиток, попробовал на зуб и зажмурился от удовольствия. Потом развернул, быстренько просмотрел, тихонько бормоча себе под нос:

— Так, маме ныть начиная с букв «ну», папе ныть на улице за садиком, так… Так… Великолепно! Вот уж порадую Проглотух с Бамбиора, для них это лучшая музыка! А у них выменяю пенье камней и сопение зимнего сплюха…

Не слушая разглагольствования довольного дративара, Люсинда подхватила свитки «Карт Мира для ученика волшебника», взмахнула палочкой и, взяв за руку все еще не пришедшего в себя Янеша, вышла из лавки. У дверей Янеш обернулся сказать «до свидания» и увидел, как Менг с хрустом откусил уже вторую ножку от вызванного волшебницей пуфика.

Глава II

— Просыпайся, Янеш!

— Мам, ну еще чуточку!

— Во-первых, я тебе не мама, — сказала волшебница Люсинда, — а во-вторых, ты и так во сне, так что просыпайся. Ну вот… Такой сон не досмотрел! — продолжал бурчать Янеш.

— Может мне уйти? — с улыбкой спросила Люсинда.

— Нет, нет! — всполошился Янеш, — я мигом!

И вот они, держась за руки, уже неслись во Внутреннее Королевство и вскоре приземлились… вернее, Люсинда уютно прикреслилась, а Янеш пребольно прискамеился на свою деревянную скамейку. На этот раз в беседке кроме их сидений находился небольшой столик с изогнутыми ножками. Янеш смотрел на него во все глаза — столик никак не мог устоять на одном месте — он приплясывал, подгибая то одну, то другую ногу. Выходило это презабавно, свитки вчерашних карт для ученика волшебника, тоже мелко подрагивали. И глядя на эти карты, Янеш припомнил сон, который Люсинда не дала ему досмотреть и вздохнул.

— Что ж так тяжко? — насмешливо спросила Люсинда.

— Эх, попутешествовать бы! — мечтательно потянулся Янеш. И видя, что Люсинда развернула одну из карт на все еще приплясывающем столике, добавил:

— Оказаться бы, например, вот здесь, что ли! — и с этими словами, не глядя, наугад ткнул пальцем в карту.

Невидимый скрипучий голос тут же произнес:

— Заказ принят.

И все закружилось у Янеша перед глазами, и какой-то вихрь подхватил и понес, свет померк, потерялся верх и низ и единственным ощущением был таки чувствительный пинок взбрыкнувшего со страху танцующего столика.

Когда Янеш очнулся, то понял, что стоит он ногами вверх, головою вниз, упираясь указательным пальцем в землю. На этом пальце, собственно говоря, он и стоял. Поняв это, Янеш тут же свалился мешком на зеленую травушку, но не ушибся, а только зажмурился, решив не подниматься и даже не шевелиться, а подождать, не произойдет ли еще чего. Полежав так некоторое время, он приоткрыл сначала один глаз — ничего, потом приоткрыл второй, а потом глаза сами открылись вдруг очень и даже очень широко, потому что… Да потому что, небо, под которым он лежал (а что там, наверху? Ну, наверно ж, небо!), небом-то и не было. Вернее, ой нет, тут уж не до верности! Все,

что было там, где должно быть нормальное, обычное небо, было разделено на три примерно равные части прямо у Янеша над головой. И только одна из них выглядела обычным небом. Небо, как небо — голубое, с белыми облачками, с птицами, с маленьким серебристым самолетиком. Вторая же часть была заполнена разными звуками, шумами, пением, говорением, ревом, шепотом и шелестом, шуршаньем и щебетаньем, перемешанным в какой-то неугомонный гул. А неба — не было! И вообще было все как-то странно. Вроде бы было солнышко, своими лучами греющее так приятно, но тут же острыми струйками чувствительно сек дождь, и ветер, неся массу разных запахов, лохматил волосы, и все было там, наверху, таким тяжелым, что казалось, вот-вот упадет. Янеш боязливо отодвинулся и на всякий случай снова закрыл глаза.

— Так и будешь здесь валяться? — раздался рядом знакомый голос.

— Ой, Люсинда, как хорошо, что ты пришла! — буквально взвыл от радости Янеш.

— Как же, пришла! Оказалась, скажи уж лучше, — сварливо ответила Фея и тут же, насмешливо фыркнув, добавила:

— Твое поведение отвратительно: тычешь в карту пальцем куда попало — а вдруг кому в глаз! Желаешь оказаться сам не зная где — а вдруг кому в пасть! Впрочем, и это не худший вариант, — и фея опять фыркнула. У нее, наверное, было смешливое настроение. Потом, посерьезнев, добавила:

— Ты бы поосторожнее с желаниями. Они ведь могут и сбыться. И более того, они действительно сбываются, только иногда не сразу. Иногда семечко желания должно сначала прорасти, потом зацвести, а уж только потом дать свои плоды. А когда, наконец, желание исполняется, оказывается, что оно уже никому не нужно и уже совсем не желанно. Так люди и губят свои желания. Желания перестают им доверять — конечно, кому хочется быть не нужным! — и уже не торопятся исполняться.

— Расскажи мне об этом поподробнее, — попросил Янеш.

— В другой раз, — пообещала Люсинда, — а сейчас давай посмотрим, где мы находимся, если уж мы здесь оказались.

И она развернула свиток с картой прямо на траве. Янеш придвинулся поближе, на этот раз засунув руки в карманы для верности.

— И где же мы?

— О, мы сейчас находимся в самом центре. Здесь сходятся границы трех королевств: Визуалов, Аудиалов и Кинестетиков. Правда, сами себя они называют проще — королевство Глядачей и Слухачей. А страна Кинестетия имеет три области: там живут

Нюхачи, Вкусачи и Щупачи.

Все они — люди, но миры у них настолько разные, что даже небо над одной страной не такое, как над другой.

Пока Люсинда и Янеш беседовали, рассматривая карту, со всех сторон к ним приближались всадники с разноцветными флажками и гербами своих королевств на щитах. И как только всадники съехались достаточно близко, они стали ругаться, даже не поздоровавшись. Янеш с удивлением смотрел на них, а Люсинда продолжала:

— Вот, видишь? Это посланцы разных королевств. Миры у них не совмещаются и поэтому они не могут договориться.

— А зачем они здесь?

— Наверное, из-за нас. Но, боюсь, мы так ничего и не узнаем, если не вмешаемся.

И они вмешались. И как раз вовремя, потому, что словесная перепалка посланцев уже грозила перейти в перепалку на палках, то есть, на мечах. Правда, мечи у них были как раз деревянные, но об этом позже.

Оказалось, что в старинных сказаниях всех трех королевств есть пророчества, что прекратятся все войны, и наступит долгожданный мир и взаимопонимание, когда на месте, где сходятся границы трех королевств из ниоткуда возьмется кверхногий волшебник и перевернется с головы на ноги, и весь мир перевернется вместе с ним и все, наконец-то, наладится.

И тогда это место объявили святым и под страхом изгнания запретили там появляться кому бы то ни было. И самые глазастые смотрители, самые тонкослухие слушатели, самые остроносые нюхачи, самые языкастые вкусители и самые чуткие дрожатели пальцев денно и нощно следили за святым местом, чтобы не пропустить долгожданного волшебника. И стоило Янешу появиться, воткнувшись указательным пальцем в самую, что ни на есть середину святого места, как его тут же увидели, услышали, унюхали, увкусили и ощутили дозорные всех королевств. И вот они здесь. В ожидании чуда и пусть уважаемый волшебник поторопится, потому что дела в королевствах приходят в упадок и непременно быть войне.

— Но я же не волшебник, — сказал Янеш.

— Как это не волшебник? — удивились посланцы. — Ты взялся из ниоткуда? Никто не мог пройти сюда не замеченным. Явился кверхногим? А потом перевернулся? Так и сказано в пророчестве. И, пожалуйста, переверни наш мир, мы так долго ждали этого часа.

— Да не волшебник я, — закричал Янеш, но почувствовав насмешливый взгляд Люсинды, добавил, — я только ученик.

— О горе нам, горе! О, бедные мы, несчастные! — зарыдали хором посланцы, — Ой, кто же нам теперь поможет? Ой…

И они продолжали вопить так громко, что даже очень воспитанная волшебница Люсинда недовольно поморщилась. Но тут же, как будто что-то придумав, улыбнулась, призвала всех к молчанию и сказала:

— Конечно, Янеш только ученик. Но если в ваших книгах написано, что волшебство случится, то значит, так оно и будет.

Ужасно обрадовавшись, посланники даже стали пританцовывать от радости. А Люсинда продолжала:

— Волшебство совершится, но его нужно хорошенько приготовить, а на это нужно время.

— Приглашаем быть гостями нашего королевства, — воскликнул посланец с глазом на щите.

— Нет, в наше королевство! Нет, к нам! — закричали остальные, и опять чуть не подрались.

Но волшебница Люсинда взмахнула палочкой и в тот же миг рты у посланцев оказались заклеенными пластырем, и руки пластырем же приклеены к туловищам.

— Мы придем и погостим по несколько дней в каждом королевстве, — сказала Люсинда, строго глядя на них и дергая за руку Янеша, который давился от смеха, стараясь при этом сохранить серьезный вид. Уж больно комично выглядели посланцы с заклеенными ртами.

— Мы придем позже, сейчас нам необходимо наметить план изменения вашего мира. А вы езжайте, — добавила Люсинда и опять взмахнула палочкой, и все пятеро оказались сидящими на своих конях, которые только этого и ждали. И вскоре их топот замер в отдалении.

А Люсинде и Янешу тоже надо было двигаться, ибо солнце на видимом куске небес явно намеревалось уйти на заслуженный отдых до завтра, и ночевать во чистом поле на границе границ никому не хотелось.

— Куда сначала пойдем? — спросила Фея.

— Пойдем, куда глаза глядят, — философски ответил Янеш.

— Ну, раз куда глаза, то значит к глядачам.

И пошли они в сторону предзакатного неба. Сначала они шли молча, но вскоре Янешу надоело молчать, и он осторожно спросил:

— А что мы будем искать в этом королевстве?

— Знаки, — ответила Люсинда.

— А какие?

— Если бы знать. Кстати, до тех пор, пока ты не сотворишь великое чудо примирения, все остальное волшебство имеет силу

только на границе границ.

Эти слова заставили Янеша призадуматься и замолчать надолго.

Люсинда предложила прибавить шагу.

— Быстрее не могу, — сказал уставший Янеш.

Тогда Люсинда резко остановившись, круто развернула его назад. И Янеш не увидел, а скорее почувствовал, как нечто огромное, мохнатое и страшное надвигается на них сзади.

— Нет, кажется, могу, — пробормотал Янеш, и они побежали вперед по едва заметной тропке.

Нечто потихоньку отставало. Но стоило нашим путешественникам замедлить шаг, как они опять ощутили приближение своего преследователя. И опять они бросились бежать, и повторялось это снова и снова. Измученные и подгоняемые надвигающейся темнотой и чем-то страшным, Янеш и Люсинда наконец увидели впереди мелькающий свет фонаря над крыльцом одиноко стоявшего домика.

Со всех ног они бросились на этот спасительный свет, и не прошло и нескольких минут, как Люсинда уже стучала в дверь маленьким деревянным молоточком, свисающим на затейливой цепочке с гвоздя над дверью.

Чей-то тонкий голос из-за двери произнес:

— Предстаньте пред очи мои, — и они предстали.

Обладательница голоса — маленькая тощенькая старушонка внимательно их осмотрела и, видимо, осталась довольной. Она предложила им присесть, и спросила, не хотят ли их прекрасноглазия увидеть на столе еду. Люсинда с Янешем переглянувшись, кивнули.

Когда перед ними на столе появились различные кушанья, старушка сказала, что она с удовольствием посмотрит, как ясные гости будут кушать.

Да, предложение подкрепиться было здесь странным, но еда оказалась на удивление вкусной, и дважды просить себя ясные гости не заставили.

После ужина, Люсинда так ярко обрисовала хозяйке то, как они очутились здесь, не упоминая, правда, о том, почему это они так запыхались, что та, прослезившись, вдруг полезла в огромный кованый сундук. Нырнув в него, почти наполовину, она долго что-то перебирала и, наконец, вытащила маленькую шкатулку.

Янеш с Люсиндой придвинулись ближе. Старушка поднесла шкатулочку ближе к свету и открыла ее. Внутри, на бархатной подушечке, лежал изумительной красоты Хрустальный Глаз. Вдоволь полюбовавшись его сияньем, старушка вновь закрыла шкатулочку.

— Существует давнее поверье, — сказала она, собирая посуду, — что когда-то, давным-давно появились первые люди. И трудно им жилось, пока не нашли они в одной из темных пещер драгоценный дар — в огромной чаше из камня лежало много красивых вещей. Пять братьев подошло к этой чаше, и каждый вынул по одной вещице. Это оказались глаз, ухо, нос, язык и руки. Много было там еще всяких вещей, но как только пятый брат достал себе нечто, так затряслась земля, и огромные камни стали валиться сверху. Кинулись братья к выходу, крепко сжимая находки. Все остались живы, и каждый принес диковинки в свою семью.

А диковинки оказались не простые — волшебную силу имели великую. Там, где оказался Глаз — все люди стали ясно и далеко видеть. Обладатели Уха — могли расслышать писк комара на вершине дерева. Хрустальные Руки принесли дар прикосновения — стоило только прикоснуться к чему-нибудь, как сразу узнаешь все об этом предмете и не глядя на него.

— А нос и язык? — спросил Янеш.

— И Нос, и Язык тоже наделили своих обладателей способностями, не сомневайся, — ответила Старушка и продолжила, — Дела у людей пошли лучше и лучше, ведь с помощью волшебных предметов они научились легче понимать окружающий мир. Но беда подкралась незаметно. Каждый год они собирались все вместе и праздновали самый длинный день в году. Веселый был этот праздник и ярмарка, и карусели, и даже фейерверк, а уж танцев и песен — до упаду.

И в те стародавние времена собрались все на этот праздник и вдруг поняли, что так изменились их интересы, да и уклад жизни, что трудно общаться друг с другом. А началось все с малого — с приветствия, да разговоров. Видишь ли, мы, глядачи, когда здороваемся, не подходим к собеседнику близко — даем всего себя рассмотреть, да и сами разглядываем. Посмотришь эдак-то — вот уже половину новостей и увидел. А уж потом разговоры-разгляды — показчик, так бывало руками картинки плетет — любо-дорого глядеть.

А у этих, у щупачей, например, все не так — бросаются друг на друга и ну по спине хлопать, да гладить, — и уж не отходят: то пылинки сдувают, то травинки счищают, то пуговицы крутят, да так близко стоят, что всего-то и не увидишь. Да и у слухачей не лучше — руками они слабо показывают, а слова то хоть у них и похожие, но говорят они их странно, хоть и красиво. Иногда, бывало, засмотришься, а он уже о чем-то другом лопочет, да все не по-нашему.

Да, начался разлад давно, а уж нынче мы и вовсе друг друга

не понимаем… — и старушка, вздохнув, опустила ложки в миску с водой, собираясь их полоскать. Но вода вдруг запузырилась. Старушка ойкнула и села прямо на пол, а ложки, выскочив из воды, прыгнули к ней на колени. Над миской поднялся столб пара, а может быть и дыма, и вдруг раздвинув его, как занавес, высунулось рыльце дративара. Пошевелив глазками, он огляделся и склонил голову в сторону Люсинды:

— Многоуважаемая Люсинда, — начал он, — Первый министр Внутреннего Королевства срочно хочет Вас видеть. Дело государственной важности.

Люсинда нахмурилась. А туман, переливаясь через край миски, уже начал клубиться у ее ног, медленно поднимаясь все выше и выше. Янеш вдруг понял, что еще немного и туман ее полностью скроет, и она исчезнет.

— Ты пойдешь? — спросил он.

Фея кивнула.

— А я? — снова тихо спросил Янеш.

— Я вернусь за тобой, а пока пришлю помощников, — ответила фея и, глядя на дративара, добавила, — перенеси сюда Торстура и Мусьмочку.

— Нет, сначала тебя, — заупрямился дративар и мигнул всеми тремя глазами по очереди.

— Приготовились, — произнесла фея и начала окутываться туманом, сквозь который все слабее и слабее слышались ее слова:

— Я вернусь за тобой, пушистые помогут… Ищите знаки… Получиться…

И она совсем растаяла. Туман втянулся в миску. Старушка встала. Опасливо косясь на то место, где только что исчезла Люсинда, она подошла к столу и заглянула в миску. Там, кроме воды, ничего уже не было. Зачем-то подняв ее, Старушка окинула взглядом стол, но и там тоже ничего, кроме скатерти, не было. Поставив миску на стол, Старушка нагнулась за ложками. Вода в миске вновь запузырилась. Старушка опять села на пол, видно привычка у нее такая была. А из тумана с мявом прыгнула маленькая белая кошечка, а следом за ней с огромным достоинством вылез Толстый, Огромный, Рыжий, Сверкающий Торчащими Усами, Рысь. ТОЛСТУР, то есть.

Вообще-то, он был кот. Рыжий. Толстый. Не такой уж и огромный. Но ему нравилось — Рысь, Сверкающий Усами. И ему никто в этом не перечил — рысь, так рысь.

Он почесал лапой за ухом, прошелся вокруг Старушки, отираясь об нее пушистым боком и мурлыкнул:

— Хозяюшка, рыбки не найдется?

— Ну ты наглое создание, — восхитилась старушка.

— Я не только наглый, я еще и ласковый… — продолжал обхаживать ее Торстур, — а рыбку страсть как люблю…

Старушка засмеялась и встала.

— Дам, дам и тебе дам и этой беляночке.

— Мусьмочка я, — вежливо сказала белая кошечка. Была она небольшого росточка и очень изящная — тонкие лапки, длинный хвостик, зеленые глазищи.

Старушка вновь захлопотала по хозяйству. Поставив по мисочке перед пушистыми помощниками, она вспомнила о шкатулке, которая все еще стояла на столе, и, убирая ее, пробормотала:

— Убрать с глаз долой, пока Незримый не прознал, не к ночи б его поминать…

— А что это — Незримый? — спросил Янеш.

— Да кто его знает, — молвила старушка, — его и не видел-то никто. Незримый он. Но страшный до ужаса. Говорят, охотится он за волшебными вещами, потому их и прячут, берегут, как зеницу ока. Ну да здесь в Одноглазье его давно уж нет.

Янеш вздохнул. Нехорошие подозрения смутно клубились в его голове.

— А зачем ему волшебные вещи? — полюбопытствовал Торстур. Он, кстати, уже управился с рыбкой и теперь тщательно вылизывался.

— Тот, кто всем завладеет, будет непобедим, — ответила старушка, запирая сундук.

Янеш опять вздохнул и беспокойно завозился. Старушка подозрительно на него посмотрела.

— Ой, неспроста ты вопросы энти задаешь, — покачала она головой, — видел, поди, чего?

Янеш кивнул.

— Наверно, это он, Незримый. Мы от границы когда шли — так странно было…

— Нашел-таки, окаянный, — огорчилась Старушка.

В это время кукушка на часах хриплым голосом начала куковать. Одиннадцать.

— Что деется, что деется-то, — бормотала Старушка и проворно вытаскивала из все того же сундука заплечный мешок, куда тут же начала сноровисто складывать припасы. Шкатулка с Хрустальным Глазом была завернута в рушничок и уложена на дно этого небольшого, но, казалось, бездонного мешка.

— Ничего, ничего, до полночи он сюда не явится, — приговаривала она — а там вас уж будет и не видать, а я усну — он меня и не заметит.

Видно было, что Старушка не на шутку струхнула, но

пыталась держаться. Она вытащила несколько свечей из ларца, подала Янешу, который уже надел мешок. Ему совсем не улыбалось бежать куда-то на ночь глядя, да еще одному, без Люсинды. Помощники, правда, были, но что могут эти пушистые! Янеш готов был заплакать, но держался. Утешать все равно не кому.

Старушка тем временем скомандовала Торстуру:

— Ну-ка, подсоби, — и взялась за край стола. Торстур ловко подхватил стол с другой стороны и рывком поднял его.

Под столом оказался каменный люк, прикрытый потертым половичком. Торстур подхватил могучей лапой железное кольцо, и легко поднял всю крышку.

— Ого, какой ты сильный, — с уважением сказал Янеш.

— Ага, а еще ласковый и наглый, — насмешливо отозвался кот.

— Ну, глядите в оба, — напутствовала их старушка, — старайтесь уйти как можно дальше, перейдете через Сверкающий ручей, тогда уж и отдыхайте. Незримый ручьи и речки не любит — перейти через них не может, ему придется обходить и крюк делать большой, вот вы и выпадете из поля его зрения. Ну, удачи вам. Может, свидимся.

Первой в открытый проем метнулась Мусьма — только хвостик мелькнул. Затем, слегка побаиваясь и крепко вцепившись в горевшую свечку, спустился по каменным ступеням Янеш. Быстро задвинув тяжеленную плиту, за ними последовал и Торстур.

Это был старый, явно заброшенный подземный ход, хорошо сохранившийся и пыльный. Пахло мышами. Янеш запоздало подумал о том, что не спросил — куда ведет этот ход. Пушистые уже ушли вперед, и ему ничего не оставалось, как следовать за ними.

Они долго шли молча. Ход извивался, но боковых ответвлений не было, или они были за дверями, которых хватало и которые были заперты. На одном из поворотов Мусьма вдруг пискнула:

— Мышь! — и рванулась вперед, но тут же разочарованно вернулась, — она за дверью!

— Как же ты ее увидела? — удивился Янеш.

— А я и не увидела, — засмеялась Мусьмочка, — я ее услышала и унюхала. Она же шуршит и вкусно пахнет.

— Интересно, а когда вы с Люсиндой убегали от Незримого — он вас видел? — поинтересовался Торстур.

Янеш задумался. А действительно, видел ли их Незримый? Наверно, нет. Если они бежали, то он не прибавлял хода, но когда

они переходили на шаг, то через некоторое время он начинал двигаться быстрее. Шумели они одинаково, значит дело тут не в слухе. Он их чувствовал. И чем был ближе, тем сильнее ощущал их присутствие, поэтому и скорость прибавлял. Все это Янеш выложил пушистым помощникам.

— Наверное, так, — отозвался Торстур, — и вот почему Старушка не сомневалась, что он нас найдет.

— Значит, он нас и под землей чует, но достать не может, как я ту мышку, — добавила Мусьма.

Тут туннель вдруг расширился, и они оказались в большом круглом зале. Янеш зажег еще одну свечу от небольшого огарка, что нес и который сейчас прикрепил на какую-то полочку перед входом в зал.

— Зачем это? — спросил Торстур.

— Я читал, что все путешественники оставляют метку, когда в пещере ход разделяется.

— Но это же не пещера.

— Старушка сказала, что мы выйдем. Значит, в этом зале есть продолжение хода. И если не будет метки, то мы можем перепутать направление и возвратиться обратно.

Теперь пушистые посмотрели на Янеша с нескрываемым восхищением.

Освещаемый уже двумя свечками зал оказался не слишком большим, но имел много дверей, а выхода не было. Приятели решили обойти вокруг, толкая каждую дверь. Все они были заперты.

— Можно, конечно, их сломать, — медленно сказал Торстур, — но на это уйдет много времени, а его у нас нет. Если бы знать, какая именно дверь нам нужна…

Янеш задумался. О чем-то похожем он уже читал, но как же тогда герои вышли из положения?

Тут горячий воск капнул ему на руку. Янеш вздрогнул и сразу вспомнил.

— Вспомнил, — вслух сказал он, — сейчас.

И стал медленно обходить зал, совершая какие-то странные движения перед каждой дверью.

— Ты чего это? — удивленно спросила Мусьмочка.

— Это я сквозняк ищу, — ответил Янеш, — там, где пламя начнет колебаться, там и выход. Нашел!!

Пушистые подбежали. Да, действительно пламя свечи заметно отклонялось в сторону. Торстур поднажал дверь рыжим плечом, та сначала было поддалась, а затем треском распахнулась в обратную сторону, сбив кота с ног и придавив к стене.

Янеш заорал, Мусьма метнулась в темноту. И было от чего. Посреди дверного проема висела чья-то голова — пасть ее была оскалена, глаза горели зеленым огнем.

Янеш продолжал орать, но ничего не происходило. Ну, весит себе голова, ну, глаза горят зеленым пламенем, делов-то! Янеш сконфуженно замолчал, откуда-то не слышно явилась Мусьма, за дверью, выбираясь, ворочался Торстур.

— Подними меня, — попросила Мусьма. Она осторожно обнюхала сначала голову, затем ремни, на которых она висела.

— Во мне великая мудрость, — прочитала она на ремне.

— Ох уж и мудрость, — ворчливо произнес Торстур, — все бока отдавили. На это много ума не надо.

Мусьмочка, стоявшая на плече Янеша качнулась и, удерживая равновесие, слегка коснулась передней лапой носа этой «мудрой» головы.

Дверь заскрипела и с огромной силой захлопнулась, втолкнув внутрь Торстура, и прищемив ему шерстку на конце хвоста. Янеш чуть не упал, а Мусьмочка от неожиданности скакнула прямо на голову.

— Ух ты! — сказала она и потянула за маленькое колечко на самой макушке головы, которое можно было заметить, только заглянув сверху, что впрочем, она и сделала.

Голова разинула пасть еще шире, и какой-то рычажок вытолкнул из нее небольшой сверток.

Это было так неожиданно, что все растерялись, и этот сверток благополучно шлепнулся на Торстура.

Тот взвыл и стал стегать себя по рыжим бокам толстым пушистым хвостом. Так он злился.

Еще бы! Вас никогда не прищемляли дверью дважды? Нет? А тут еще и швыряются чем-то! Янеш это понимал, потому и сказал примирительно:

— Идти пора, — и подняв злополучный сверток, сунул его в карман.

Ступени вели наверх. Пахнуло свежим воздухом. Выход был близок.

Мусьмочка резво побежала вперед, на разведку, сзади, стараясь не особенно-то шуметь, двигался Янеш. Торстур шел последним, и все еще был недоволен. Они вышли в ночь.

Выход оказался запрятанным в весьма колючих кустах на склоне оврага, по дну которого бежала крохотная речушка. Наверно, это и был Сверкающий ручей. Выбравшись из этих цепких кустов, Янеш подумал, что вход в подземелье здорово спрятан — вряд ли у кого будет желание забираться в эти чертовы колючки!

Усталость брала свое. Хотелось спать. Но нужно было еще перейти эту речку-ручей. Напившись и умывшись, чтобы взбодриться, Янеш снова надел мешок на плечи. Мусьмочка умильно посмотрела на него — мочить лапы ей не хотелось. Рыжему купаться тоже не нравилось, но он был гордым и потому отвернулся.

— Забирайтесь на плечи оба, — предложил Янеш. Дважды просить не пришлось. Легко взметнулась почти невесомая Мусьмочка. Торстур, тоже прыгнувший легко, весил гораздо больше.

Янеш уже был у воды, выискивая, где бы перейти, как вдруг почувствовал уже знакомый озноб. Мурашки побежали по спине. Пушистые тоже почувствовав неладное, взъерошили шерсть и напружинились. Незримый был совсем близко. Янеш крикнул:

— Держитесь! — и ринулся в воду.

Ручей вроде был и не велик, но ледяная вода доставала до колена. Хотелось бежать, но Янеш сдерживался, понимая, что если он побежит, то может поскользнуться и упасть. Пушистые перебирали лапами от напряжения, стараясь удержаться на скачущих плечах, что тоже ужасно мешало.

Наконец, Янеш выбрался на другой берег и, не останавливаясь, полез вверх по склону. Пушистые спрыгнули и карабкались рядом.

— Хорошо иметь четыре ноги, — пробурчал Янеш, глядя как ловко передвигаются Помощники.

— А кто тебе мешает? Давай на четвереньках, — бросил Торстур. И Янеш, опираясь руками, стал передвигаться куда быстрее.

Не прошло и нескольких минут, как они выбрались наверх, и очутились среди каких-то деревьев с сияющими в темноте белыми стволами. Напряжение спало. И на этот раз удалось уйти от Незримого. Янеш снял мешок и сел в густую, пряно пахнувшую траву, потом лег. Земля была теплой. Мусьмочка свернулась клубочком возле живота, Торстур растянулся во всю длину за спиной и, согреваемый ими, Янеш закрыл глаза.

Глава III

И стоило ему закрыть глаза, как его тут же завертело, закрутило, понесло куда-то через сверкающую пустоту. Янеш вдруг понял, что он падает… Он закричал… и проснулся.

Оказывается, находится он в своей постели, в своей комнате, у себя, опять же, дома. Янеш с облегчением вздохнул. Он — дома.

За завтраком, размазывая любимую овсянку по тарелке, Янеш спросил:

— Ма, знаешь, где я был ночью?

— М-м-м? — отозвалась мама с полным ртом.

— Я был в стране глядачей. Знаешь, кто это?

— Кто?

— Это люди такие. Они не слушают и не нюхают, только смотрят. И говорят смешно.

— Я их, наверное, знаю, — сказала мама, — хочешь, когда доедим, кое-что покажу.

Янеш кивнул. Они с мамой быстро покончили с едой, а папа все еще пил кофе и читал свою газету. Если утром папа читает газету — значит, сегодня суббота, это Янеш точно знал.

Мама достала со шкафа небольшой плакат (таких плакатов на ее шкафу было еще много), и повесила на ручку двери.

Присев, Янеш стал рассматривать его. Там было вот что.

ВИЗУАЛЫ

Мыслят образами, используют визуальный вариант языка, то есть говорят:

предвидеть, замечать, обозрение, блестеть, отражать, прояснять, смутное представление, прольет свет, без тени сомнения, смотреть скептически, светлое будущее, темное прошлое, смотреть сквозь розовые очки, посмотри, вижу, вид, на мой взгляд, хорошо выглядишь, покажи, с точки зрения, и т. д.

При разговоре речь быстрая, голос достаточно высокий, громкий, при возбуждении высота и громкость усиливаются вплоть до визга.

Любят жестикулировать, размахивать руками.

Одеваются броско, ярко, заметно, любят «хорошо выглядеть».

Дыхание легкое, чаще поверхностное.

Предпочитают держать дистанцию между собой и объектом внимания, чтобы лучше его рассмотреть.

— Понял, что это значит? — спросила мама.

— Не очень, — честно сознался Янеш.

— Смотри, — сказала мама, — если кто-то смотрит прямо и как бы насквозь, то он в это время думает, представляя свои мысли, как картинки или как фильм, он свои мысли смотрит.

— А если вверх и влево?

— Значит, он вспоминает, как что-то выглядело.

— И тоже в картинках?

— Конечно.

— А если направо — и вверх?

— Тогда он собирает образ, составляет, конструирует его из знакомых кусков. Фантазирует или придумывает.

— Кстати, — продолжила мама, — если хочешь, что бы визуал тебя понял сразу, говори с ним визуальным языком. Например, пойди к папе и напомни, что он тебя хотел сводить в зоопарк.

— А что, папа тоже этот, как его? Визуал? — удивился Янеш.

— Тоже, тоже, — рассеяно сказала мама. Она уже листала какую-то книгу.

— Так значит, глядачи у нас тоже живут? — не отставал Янеш.

— Живут, живут. Ну, смотри, папу правильно спроси, — и мама снова уткнулась в книгу. Ничего не поделаешь — суббота.

Янеш вернулся к папе. Тот все еще делал вид, что пьет кофе, и читал газету. Газету он читал взаправду, а кофе прихлебывал из уже пустой чашки. Хлебнет, почувствует, что в рот ничего не попало, отставит чашку, еще почитает, а потом возьмет и снова хлебнет.

— Пап, папа, — подергал Янеш его за рукав.

— Угу, — сказал папа.

— Пап, ну ты же обещал в зоопарк!

— Да, да, — сказал папа рассеянно и добавил, — сейчас.

От нечего делать Янеш стал убирать посуду со стола — это за ним иногда водилось. Делал это Янеш со вкусом, то есть громко. И даже слишком. Но папу не проняло и это. Он все еще читал и пил кофе из пустой кружки.

Тогда Янеш решился на эксперимент. Он достал из холодильника пакет с молоком и, улучшив момент, плеснул папе в его кофейную кружку. Затем быстро вернул молоко в холодильник и сел напротив, затаив дыхание. Молоко папа терпеть не мог, это все знали. Янеш ждал. Папа читал газету.

Вот он в очередной раз нащупал кружку, поднес ее ко рту, глотнул и… продолжал читать дальше!!!

— Вот, блин! — с восхищением подумал Янеш, — папа пьет молоко! Ну, дает!

И тут он вспомнил.

— Пап, смотри, — сказал Янеш, — ты обещал мне зоопарк показать.

И, о, чудо! Папа оторвался от газеты.

— И в самом деле. Иди, одевайся.

— А, ты?

— И я. Мужчины должны хорошо выглядеть, — сказал папа и встал со стула.

— Ну, блин, получилось! — мысленно радовался Янеш, одеваясь. Ему понравился этот способ разговаривать с визуалами. Хотя, подумалось ему, кажется, это вообще единственный способ с ними разговаривать.

Зоопарк Янешу понравился. Правда, он смотрел больше на людей, чем на зверей. Янеш искал визуалов. Он внимательно приглядывался, выискивая глазами тех, кто размахивает руками, жестикулируя. Кто при этом говорит очень громко и быстро, и еще использует те самые визуальные слова: наблюдать, смотреть, видеть, воображать, сцена, обзор, показывать, появляться, и так далее.

Вскоре Янеш смог настроиться так, что стал отличать визуалов в толпе легко и свободно. Тогда он решил пойти дальше — он начал заговаривать с ними.

— Смотрите, смотрите, — говорил он и показывал на какого-нибудь зверя, — он тоже на нас смотрит!

Или:

— Пустите, мне не видно!

И незнакомые взрослые смотрели вместе с ним и пускали его ближе к клеткам.

Это было так классно! Он был для всех своим!

— Может и впрямь для всех, — подумалось Янешу.

— Надо проверить, — ответил он сам себе.

Янеш выбрал себе для эксперимента тетеньку, с виду не злую, но и не визуальную. Как бы случайно оказавшись рядом, он сказал:

— Смотрите, какой смешной суслик!

— Это не суслик, а бурундук, — ответила тетенька и спросила, — ты, что, один здесь или с кем-то? Ты не потерялся?

— Нет, я с папой, — ответил Янеш, — вон он стоит.

Да, эксперимент удался. Но один раз не в счет. И Янеш обратился к усатому дядьке:

— Глядите, глядите, как он полез!

На что усатый ответил:

— Шел бы ты, мальчик! — и вздохнул.

Янеш счел за лучшее ретироваться.

И уже идя с отцом домой, довольный и усталый, он думал, что наверное все глядачи — визуалы сговорились между собой по каким признакам узнавать своих. Какие пароли произносить. И Янеш был очень горд этим знанием и чувствовал себя, как разведчик на чужой территории. И только одна мысль не давала покоя — как же там пушистые? И сможет ли он когда-нибудь опять попасть туда, в страну глядачей?

К вечеру эти мысли совсем измучили Янеша, и сразу после ужина он отказался от любимого сериала и сказал, что хочет спать. Папа с мамой понимающе переглянулись, устал, мол, ребенок за день, находился.

Но ребенок устал не ногами — мысли одолевали ребенка. И от их непривычного количества клонило в сон.

Янеш еще помнил, как мама зашла поцеловать его на ночь, как поправляла одеяло. А потом все пропало. Янеш повернулся, чихнул и…проснулся.

Глава IV

Проснулся он, когда солнце уже светило вовсю. Пушистые убежали охотиться на мелькавших в траве мышей, а Янеш не спеша спустился к ручью, напился, сделал вид, что умылся и полез было в карман за платком, чтобы вытереться. В кармане рука натолкнулась на что-то твердое, и на свет был извлечен тот самый сверток, что выпал из «мудрой» головы в подземелье. Янеш раскрыл его и увидел небольшой металлический диск с какими-то рисунками и кусок хорошо выделанной кожи со знаками.

Рассмотрев все это внимательно, Янеш понял, что это карта тех самых стран, где им придется проходить.

Наохотившись и основательно подкрепившись, вернулись пушистые и тоже стали рассматривать карту и диск, на котором было вот что.

— Это те самые знаки, что мы искали с Люсиндой, — сказал Янеш.

— А что это значит: «среди глаз безглаз»? — проворчал Торстур.

— Наверное, это условие такое. Видишь, здесь на диске у человечка глаза завязаны? Он без глаз. А среди глаз — это значит в стране глядачей. Они ведь все понимают через глаза, — рассуждала умненькая Мусьмочка.

— Разве это плохо? — удивился Янеш.

— Не плохо, конечно, но однобоко. Они поэтому и не могут меж собой договориться. Ну, что готов? Завязывать глаза?

— А почему это мне?

— Видишь, на диске человек нарисован? А мы не люди, мы — Пушистые!

С этим было сложно спорить. И Янеш покорно дал завязать себе глаза той самой тряпицей, в которую был завернут сверток. Тряпица легла весьма удобно, будто для этого была предназначена.

— Погодите, — вдруг сказал Янеш, — снимите с меня эту тряпку, я же еще не позавтракал!

— Действительно, — спохватился Торстур. И он попытался снять с головы Янеша повязку. Но не тут-то было. Древняя тряпочка держалась, как влитая. Янешу это очень не понравилось. Да и кому бы понравилось?

— Значит, обратной дороги нет, — глубокомысленно изрек Торстур.

— И как же я теперь? Я же голодный!

— А ты что, глазами ешь? — ехидно осведомилась

Мусьмочка.

— Нет, ртом. — засмеялся Янеш.

— Ну так и ешь ртом. Вот твой мешок, — и она ловко поддела белой лапкой завязку.

Янеш засунул руку внутрь и достал что-то мягкое на ощупь. Понюхал. Пахло вкусно, пирожками. Собственно это и был пирожок. С капустой. За ним последовал еще один и еще. Когда Янеш вынул руку в четвертый раз, раздалось тихое хихиканье. Тогда Янеш осторожно понюхал то, что держал в руке. Пахло вкусно, земляникой и чем-то еще. Он уж хотел было откусить, но тихое хихиканье перешло в откровенный хохот.

— Ой, не могу, — заливалась Мусьмочка, — он и мыло съест.

— Не, не съест, только покусает, — задыхаясь от смеха, вторил ей Торстур.

Янеш швырнул мыло опять в мешок и сердито сказал:

— Все, наелся. Пошли.

И они пошли. Вернее — пушистые пошли, а Янеш тут же врезался в ближайшее дерево. Звук был — что надо. Гулкий такой. Янеш аж присел от неожиданности.

Мусьма озадачено посмотрела на него и мурлыкнула:

— Забудь про глаза. Ногами смотри. Чувствуешь, вот тропинка? Если шагнешь с нее — будет трава. Она совсем другая на ощупь.

Теперь дело пошло лучше. Иногда Янеш, правда, сбивался, но тут же возвращался на тропинку, которая пролегала вдоль ручья, который насмешливо журчал и подпевал птичкам, которые весело щебетали где-то на деревьях, под которыми проходил Янеш, который обо всем этом и думал.

Солнышко уже начало основательно припекать, когда раздалось вдруг гулкое топанье, и чей-то голос сердито произнес:

— Стой, кто такие?

Янеш обернулся, но ничего, конечно, не увидел. А кто бы мог увидеть с завязанными глазами? Зато было отчетливо слышно сопение. На эти звуки Янеш и двинулся. Помощники шли рядом, едва касаясь ног пушистыми боками. И вскоре носы всех троих уловили запах чесночной похлебки и сапожной ваксы. Запах был столь густ, что Янеш счел за благо ближе не приближаться.

— Кто такие? — еще раз повторил голос, — и что надо?

— Открой глаза пошире. — важно произнес Торстур, — это же сам кверхногий волшебник.

— Так он же еще мальчишка, — недоверчиво произнес голос.

— Это он притворяется, — нашлась Мусьмочка, а Торстур сурово спросил:

— Хочешь, он сейчас драконом притворится? Это у них, у

волшебников, запросто. Голодный дракон — это то еще зрелище…

— А чего это — голодный-то?

— А завтракали-то мы рано, а солнышко уже к обеду, — решил вмешаться Янеш.

— А чего это волшебник с завязанными глазами? — все продолжал выспрашивать обладатель сердитого голоса.

Торстур наступил Янешу на ногу.

— Не обязательно видеть, что бы знать, — нашелся Янеш, — вы вот на мосту стоите, утром похлебку чесночную ели и сапоги ваксой чистили… А теперь вот в затылке чешете, — засмеялся Янеш, услышав новые звуки.

— Ну да, ну да… Вы, стал быть волшебник, а я смотритель моста. Всевидовские мы… Голодные, стал быть, ну да. Во Взглядоград идете, стал быть? Ну пойдемте, посмотрим, чего старуха моя на обед покажет. И ваших голодных драконов, стал быть, тоже возьмем. Идемте, стал быть, глядарь волшебник.

Обе идеи, и про Взглядоград, и про обед — были восприняты с должным вниманием, и подошвы их ботинок весело застучали по деревянной мостовой деревни Всевидовки.

Весть о глядаре волшебнике разлетелась во мгновение ока, и когда компания вошла к смотрителю, их уже ожидало совсем не малое количество народа.

Старуха на обед показала щи, кашу и яблочный пирог. Да и остальные всевидовские пришли не с пустыми руками: кто принес рыбы, кто блинчиков, кто сладкой наливки.

От наливки наши путешественники отказались, а остальное угощение уплетали за обе щеки. Ну и о разговорах, само собой, не забывали.

Выяснилось, что завтра во Взглядограде его сиятельство Окотан IV дает бал в честь кверхногого волшебника. Потому и не удивителен их приход — дорога-то во Взглядоград одна и та через Всевидовку проходит. Дивно другое — почему глядарь волшебник не по мосту шел, а по берегу, хотя все знают, что из Одноглазья — одна дорога. И откуда тогда они шли, если не с хутора? И почему это на глазах у волшебника повязка? Ведь не слеп же он?

— С позволения глядаря Волшебника отвечу, — опять вылез вперед Торстур, пока Янеш усердно жевал очередной кусок пирога.

— Так вот, глядари и глядарки. Волшебник наш вовсе не слеп, а что повязка, так этим он вам хочет кое-что показать.

— Показать, показать. Смотри-ка, — загалдели вокруг.

— А показать он вам хочет, — продолжал Торстур, — то, что

можно видеть без глаз. Вот, например, пусть вот эти глядари поставят перед глядарем волшебником свои кружки с наливкой, а он вмиг распознает, где чья.

— А вдруг я не смогу, — подумал Янеш и чуть не подавился.

— А ты по запаху, по запаху, — тихонько мурлыкнула Мусьмочка, как бы угадывая его мысли.

Янеш взял первую кружку. В нос шибануло чем-то кислым.

— И как это можно пить, — опять подумал Янеш и пошел по кругу, принюхиваясь. Да, скажу я вам. Это была та еще работенка. Запахов разных было много. Все сидели почти не шевелясь, и тишина стояла такая… Янеш шел все дальше, и вдруг откуда-то повеяло той же кислятиной. Янеш остановился. Покрутил головой и повернул налево. Запах усилился. Сомнений быть не могло! Это здесь. Янеш протянул кружку вперед, и она уперлась в чей-то живот.

— Смотрите-ка, смотрите-ка! Он и впрямь без глаз видит, — зашумели в толпе.

— А еще… И мою кружку… Я тоже хочу… — доносились обрывки фраз. Остальное тонуло в общем шуме.

— Тихо! — рявкнул Торстур. Все испугано притихли.

— Некогда нам рассиживаться, — продолжал Торстур. — Идти пора. А на прощанье вам волшебник подарок сделает…

— Подарок, гляди-ка, подарок, — опять загомонили всевидовские.

— Ну, рыжая скотина, — подумал Янеш, — вот выберемся отсюда, я тебе покажу подарок!

Но делать было нечего — народ ждал. Янеш пошарил по карманам — ничего. И тут его осенило. Протянув руку вправо, он ухватил кого-то за рукав.

— Иди сюда и вставай спиной ко всем. Ты будешь водить. Теперь кто-нибудь, например, вот ты, — и Янеш наобум ткнул пальцем в толпу, — прикоснись к его плечу и вернись на место.

Здоровенный детина в полосатых штанах и босиком хлопнул стоящего по плечу. Взметнулось облачко пыли.

— Теперь повернись и покажи, кто тебя стукнул.

— Я же не видел, как я покажу? — удивился водящий.

— А ты угадай, — подсказала Мусьма.

Водящий, не долго думая, показал на толстого мужика в сапогах. Все засмеялись.

— Нет, как можно угадать? — с притворной печалью сказал Торстур, — никак нельзя. Вот если бы уши с утра помыть и пользоваться ими… А так — нет, никак нельзя, — и он демонстративно пожал рыжими плечами.

Мужик поскреб в затылке, видать, задело его за живое.

— Давай еще раз!

Он снова отвернулся. Народ перешептывался, выбирая, кому идти.

— Дяденька, вы глаза-то не закрывайте, — заботливо шепнула Мусьма, — вы налево их скосите, — и она показала как.

— А зачем? — удивился мужик.

— Слышно лучше будет, — терпеливо объясняла Мусьма, — Вы слушайте, как идет: сапоги скрипят или босиком, или еще как. А когда повернетесь — увидите, кто в чем и угадаете.

— Смотри-ка, — опять удивился мужик, но глаза скосил. Тут к нему подошел старый дедок и похлопал по плечу.

— О, знаю! — обрадовался мужик. — Михалыч — это ты. Только ты у нас ногами шаркаешь.

— Смотри-ка, угадал, — загомонили вокруг.

— Дайте и мне попробовать, я тоже покажу…

— Нет, мне.

— Сейчас водит Михалыч, — громко объявил Янеш, и все послушались. Игра продолжалась. Глядари и глядарки быстро вошли во вкус. Они бурно переживали, размахивали руками и азартно заключали пари.

Янеш подобрал свою котомку и поманил пушистых к выходу. Никем не замеченные, они вышли из деревни и направились в город.

Глава V

Во Взглядоград они прибыли без особых приключений. Дорога пролегала меж двух полей зрения, на одном из которых зрела пшеница, а на другом — какие-то непонятные овощи. Им повезло — сердобольный возница на телеге с фруктами подвез их прямо к городским воротам. Их уже ждали и с почестями провели во дворец Окотана IV. И пока они шли по людным улицам, толпа становилась все больше и больше — каждому хотелось хоть одним глазком взглянуть на волшебника, что спасет мир.

Все было хорошо, пока не подошли ко дворцу. Стража, пропустив Янеша, отказалась впустить приотставших помощников.

— Зверям не положено!

— А где вы видите зверей? — басом спросил Торстур и поднялся на задние лапы.

— Мы — свита волшебника, — надменно сказала Мусьма и сунулась ближе к дверям.

Стражник почесал затылок.

— Без штанов не положено — нашелся второй страж, и они снова скрестили алебарды.

— А, нам, Котам, штаны не положены. — буркнул Торстур.

— Смотри-ка, — удивилась стража, — А вы случайно с нашим королем Окотаном не в родстве?

— В дальнем, — опять буркнул кот.

— По материнской линии, — добавили Мусьмочка.

— Ну, тогда милости просим, — стража взяла на караул. И пушистые «родственники» Окотана важно вошли. Двери закрылись. Всю важность как рукой сняло и они, задрав хвосты, бросились догонять Янеша.

Они нашли его в огромном зале, окруженного множеством придворных. Мусьма вспрыгнула Янешу на плечо, Торстур потерся боком об ногу. Мальчик улыбнулся. Он уже начал волноваться. Легко, думаете одному, да еще с закрытыми глазами.

Бал должен был вот-вот начаться, ожидали только Окотана IV. Но вот заиграли фанфары. Король шел по залу, все кланялись, расступаясь перед ним.

Янеш напряженно прислушивался.

— Расслабься и улыбнись, к нам идет король, — тихонько шепнула Мусьмочка.

Вот он подошел к Янешу:

— Король Окотан IV приветствует тебя и просит быть гостем.

— Волшебник Янеш тоже приветствует Вас, Ваше высочество, — не растерялся Янеш, — и принимает Ваше предложение.

— Пойдем, — сказал Король, — присядем вон там и посмотрим танцы и фигуры.

Янеш покорно пошел, тихонько вздыхая. Еще бы! Все как сговорились: посмотрим, да посмотрим. А как тут посмотришь, если глаза завязаны?

— Уже пришли, повернись налево и садись, — опять подсказала Мусьма.

Распорядитель объявил первый танец. Пары заняли свои места. Но Янеш напрасно ждал музыки. Притоптывая и шаркая ногами, танцующие раскланивались, поворачивались и менялись местами. Наверно это было грандиозное зрелище, и даже Король прекратил пыхтеть и следил, затаив дыхание. И вот танец закончился.

— Понравилось тебе? — спросил Король и тут же поняв свою ошибку, смущенно покашлял.

— Интересно, — вежливо ответил Янеш. — Жаль только, что без музыки.

— А что такое музыка?

— Разрешите, я покажу, Ваше Высочество? — встрял Торстур.

Король милостиво кивнул. Кот рысью метнулся к распорядителю, и ему тут же была вручена блестящая труба. Он протер лапой мундштук, галантно раскланялся, вздохнул и заиграл, смешно раздувая рыжие щеки.

Но никто и не думал смеяться. Все стояли, как завороженные и только музыка лилась рекой. Это была очень нежная и грустная мелодия, и Король даже всплакнул.

Торстур, наконец, остановился. Опять раскланялся.

— А теперь, что-нибудь более веселое.

И заиграл польку, затем вальс, гавот, полонез… Танец сменялся танцем, кот бодро трубил, народ веселился во всю, а Король с Янешем, удалившись, степенно беседовали.

— Погости у меня, съездим на охоту, поглядим выступления актеров, потом будет ярмарка. Ты любишь ярмарки? Там есть на что посмотреть.

— Ярмарка — это здорово, хорошо бы побывать, — отвечал Янеш и тут почувствовал, как кошачьи когти впились ему в плечо, — но, к сожалению, мы торопимся. Как-нибудь в другой раз.

Тут к Королю торопливо подошел гонец. Лицо его было озабочено. Поклонившись, он протянул свиток. Король развернул его, быстро пробежал глазами и нахмурился.

— И давно?

— Час назад возле крепостной стены.

— То есть вот-вот будет здесь… Позвать ко мне главного смотрителя, — велел Окотан.

Какое-то время Янеш стоял и слушал, всеми забытый. И вдруг в животе у него громко заурчало. Король даже подпрыгнул от неожиданности.

— Что это?

— Это? — смутился Янеш, — это мой живот. Вообще-то уже почти ночь, а ели мы рано утром.

— Извини, мой друг, извини, — сказал Король и приказал накрыть для них стол в зеленой зале.

— И Главный Смотритель пусть идет туда, — добавил Окотан и продолжил, — дела Государственной важности.

В плечо опять впились коготки.

— Если Вы не возражаете, Ваше Величество, прикажите за Торстуром послать, — вежливо попросил Янеш.

Величество не возражало, и вскоре Торстур присоединился к их компании.

Наверно, стол был накрыт превосходно. По крайней мере, пахло очень вкусно. И на вкус еда была ничуть не хуже, хотя Янеш и пожалел, что не видит, что же именно они едят. Впрочем, с едой было быстро покончено, а разговор продолжался:

— А репелентом посыпали? — спрашивал Король.

— Посыпали, но помогает ненадолго, он передвигается с места на место, стараясь проникнуть во дворец.

— Да, давно его не было, и вот опять.

— Складывается впечатление, Ваше Величество, что его сюда что-то притягивает.

И тут у Янеша по спине пробежали мурашки. Теперь он понял, о ком идет речь, и уж точно знал, что именно притягивает его сюда.

— Незримый? — с надеждой, что все это не так, спросил он.

— Он самый, будь он неладен, — ответил Окотан и встрепенулся, — что, уже встречались?

Янеш молча кивнул и добавил:

— Это он нас ищет, а притягивает его вот что, — и, покопавшись в своем мешке, он вынул шкатулку и открыл ее. Хрустальный Глаз заискрился, засиял, разбрызгивая сотни зайчиков по стенам залы. Все восхищенно замолчали. Старший Смотритель очнулся первым:

— Неосторожно это. Прячьте скорей, пока он не прознал.

Янеш послушно закрыл шкатулку и убрал ее в мешок.

— Откуда это у тебя? — спросил Окотан.

— Из Одноглазья. А еще вот, — и Янеш достал карту и диск, которые выпали из «мудрой головы».

— Так-так, — сказал Король, рассматривая карту, — через Серые топи и дальше в горы… Гляди-ка и Бдящая стража указана. Да, сидит там нечисть какая-то… Опять же, никто ее толком и не видел, стражу эту, но загадки она загадывает. Отгадаешь — проходи, а нет — поворачивай обратно. И не обойти — топь кругом.

— А еще Незримый там лютует, видно со стражей этой в родстве в каком, — добавил Смотритель.

— Вот, блин, — подумал Янеш, — еще и глаза завязаны. Но вслух сказал:

— Идти все равно надо, — и сложил карту и диск в мешок. Король сладко зевнул и потянулся.

— Вот завтра утром и двинетесь. А теперь — отдыхать. Комнаты вам уже приготовлены. Пойдемте. Уже скоро полночь.

Но отдыхать им не пришлось. Часы стали бить двенадцать, и все вдруг ощутили наплывающую тяжесть. Это приближался Незримый.

— Вот, блин, — опять подумал Янеш. — Снова бежать и опять ночью. И повязка эта чертова.

Ему было страшно. Впрочем, не ему одному. Тем более, Незримый надвигался со стороны единственной двери.

— Да, — сказал Торстур, выглядывая в окно, — высоковато. А еще выход есть? Ну, может потайной какой, а?

— Есть! — радостно воскликнул Смотритель. — Незримый совсем голову заморочил. Вот, — и он ткнул в завитушку у камина. Задняя стена отъехала в бок и открылась маленькая ниша.

— Это лифт. Скорее.

Мусьмочка впрыгнула первая, Торстур завел Янеша и дверь начала закрываться.

— А мешок? — вспомнил Янеш.

Но все в комнате уже оцепенели от близкого присутствия Незримого. Дверь продолжала закрываться.

Торстур уперся в нее лапами. Мусьмочка метнулась за мешком и еле успела протиснуться обратно. Дверца с лязгом захлопнулась, и площадка стала быстро подниматься вверх, параллельно дымоходу.

— Хитро придумали, — одобрил Торстур.

Тут площадка остановилась, раздался скрежет и открылся люк наверху. Площадка двинулась дальше и выдавила их крышу, как крем из тюбика.

— Люблю крыши, — сказал Торстур. — Стой пока тут. — И

видя, что Янеш занервничал, добавил, — Не бойся. Места тут много и ограждение высокое, каменное, не свалишься.

И они с Мусьмой растаяли в ночи. Но не на долго.

— Представь себе, — сердито сказал Торстур, появляясь, — у придурка точно мозги заклинило. Знаешь, куда он нас отправил? Это башня. Думаю, для обозрения. Но выход тут только один. Мы в ловушке.

— Вот, блин, — в который раз подумал Янеш. Он прислушался. Что-то матерчатое трепетало на ветру.

— Интересно, зачем тут флаги? — задумчиво произнес он.

— Какие флаги? — спросил Торстур и задрал голову. — О! Ты высоты боишься?

— А что, прыгать будем?

— Нет, летать! — И кот снова куда-то исчез. Зато появилась Мусьмочка, прыгнув сверху прямо на плечи.

— Иди прямо, теперь повернись налево, теперь стой, достань из мешка веревку.

Янеш послушно выполнял ее команды. Он опять почувствовал надвигающуюся тяжесть — это Незримый вновь был где-то рядом. Мусьмочка ловко обвязала Янеша вокруг пояса, прицепив зачем-то к заду небольшую дощечку.

— Подожми ноги.

Янеш выполнил и это, и оказалось, что он сидит как на качелях.

— Интересно, зачем? Впрочем не важно, — мысли текли все ленивей. Незримый был совсем близко.

— Теперь упрись руками и толкай. Сильней, сильней, еще… еще и подожми ноги.

Янеш толкнул руками какой-то брусок и вдруг почувствовал, что падает…

— А-а-а! — заорал он.

— Тише, и не дрыгайся, — раздался откуда-то голос Торстура, — мы летим, а не падаем. Сиди спокойно!

И Янеш понял, что он и впрямь сидит и уже не падает, а летит и встречный ветер приятно холодит лицо.

— Ух, ты! А что это?

— Да Бог его знает, но не велосипед, это точно.

— Ох и красиво тут, — сказала Мусьма, — Луна большая и все видно. Вот мы над дорогой летим через лес.

— А мы не врежемся? — забеспокоился Янеш.

— Нет, мы высоко. Отсюда лес — как щетка. Жаль, что тебе не видно.

— Зато слышно, — откликнулся Янеш. Голова у него была ясной, а от всех этих приключений спать нисколечко не хотелось.

— Мы что снижаемся? — спросил Янеш чуть позже.

— Да, но это не страшно, лес уже кончается, а дальше какое-то поле. — ответил Торстур.

— Не поле, а Серые топи, — поправила его Мусьмочка. — И хорошо бы перелететь через Бдящую Стражу.

— А что это — Бдящая Стража? — с тревогой спросил Янеш. Ему уже начали надоедать все эти приключения. Видно ничего не было, а в голову лезли дурацкие мысли, и в животе было неприятно прохладно. Желая отвлечься, Янеш начал воображать себе всякую всячину.

Всячина первая:

— Хорошо бы расставить везде указатели, например: «Осторожно, приключения!». Или «Короткие веселые приключения — 100 м.». И внезапно вспомнилось — «налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — сам пропадешь». Эта фраза, прозвучавшая в трагичных тонах, Янеша даже развеселила, он тихо хрюкнул от удовольствия и стал думать дальше.

Всячина вторая:

— И что бы каждый знал, во что он ввязывается, к каждому приключению прикладывать инструкцию. Например: «Инструкция по включению приключения». А еще лучше: «По выключению из приключения». Включиться любой дурак сможет, а вот что потом… Но додумать, что потом, ему не удалось — конструкция, на которой они летели, с размаху врезалась в какую-то невидимую стену и сползла по ней вниз. Раздался грохот.

— Не знаю, на чем мы летели, — сказал слегка обалдевший Янеш, — но грохнулись, как рояль с девятого этажа.

— Нет, с десятого, — из вредности добавила Мусьмочка. Этот «бамс» ее тоже порядком ошарашил. И тут раздался противный, громкий, похожий на лошадиное ржание, хохот. Янеш от неожиданности пригнулся. Потом прислушался. Это ржал Торстур. Он так смеялся. Отсмеявшись, он сказал:

— Знаете, где мы? На Бдящей Страже. Мы на нее упали.

— И что?

— Да ничего, — пожал могучим плечом Торстур. — Сейчас будут загадки загадывать.

И впрямь откуда-то снизу раздался голос:

— Хто там фулюганит? А ну спущайтесь!

Янеш удивился — ему-то казалось, что они уже спустились, очень быстро и очень громко при том спустились.

— А зачем? — нахально спросил кот.

— Как, зачем? — опять заскрипел голос снизу, — все, кто сюда попадает…

— И мы тоже попали? — перебил Торстур.

— Попали, попали, и…

— Раз мы уже попали, — опять перебил Торстур, — то и спускаться незачем. А поговорить хотите — сами сюда забирайтесь.

Снизу что-то заскрежетало и зашуршало.

— А куда спускаться? — тихо спросил Янеш у сидевшей на его плече кошки.

— На землю. Тут два огромных камня стоит, на них, как столешница на ножках, еще один лежит. Эти «ворота» и есть Бдящая Стража. А мы на ней, сверху.

Скрежет и шорох внизу прекратился — видно обладатель скрипучего голоса понял, что взобраться у него не получится. И сквозь пыхтенье снизу донеслось:

— Ладно, что уж. И так сойдет. Никуда вы не денетесь. — и неожиданно добавил, — с подводной лодки.

— Ого, — подумал Янеш, — у них тут тоже подводные лодки есть.

— Ты не пыхти, — хамовито продолжал Торстур, — давай загадки загадывай. Час поздний и дорога не ближняя.

— Ишь, скорый какой. А навсегда тут остаться не хочешь?

— Просто так, без загадок — это не по правилам, — строго сказала Мусьмочка, — не увиливай, загадывай первую загадку.

— Будет вам загадка. Вот: не слышу, не чую, руками рисую. Что это?

— О, это легко, — сказал Янеш, — это жители этой страны. Они не обращают внимание на звуки и запахи, зато, когда говорят — руками машут, как мельницы.

— А откуда ты знаешь, что руками машут? — подозрительно спросила Мусьмочка.

— Наверно, уворачиваться не успевал, — глубокомысленно произнес Торстур.

— Да, нет, — засмеялся Янеш, — в меня не попадали, но сквозняк был ощутимый.

— Ну, угадал? — спросил Янеш у невидимого стража.

— Угадал, угадал. А вот еще загадка. Почему в точке точек пальцем в землю, подошвами в небо?

— Урод потому что, — вдруг сердито сказал Янеш. — Тыкнул пальцем в карту у Люсинды и еще пожелал оказаться. Вот и болтаюсь тут между небом и землей.

— Не урод, а кверхногий волшебник, — наставительно произнес страж.

— А это он и есть, — сказал Торстур, указывая на Янеша, — видишь, сидит, переминается и сердитый. Наверное, ему надо

это…. позвонить.

И видя непонятливость стража, добавил:

— Ну, это, в кусты.

— Кустов тут нет, пусть по сотовому звонит, — предложил догадавшийся страж.

Что Янеш и сделал. И сразу же повеселел. Не даром его бабушка говорила: «Тяжело на душе — пойди и… позвони, сразу полегчает». Правда, дедушка смеялся, что тогда понятно, где именно находится душа. Но Янеш в такие тонкости не вникал по малолетству. Тем более, ему действительно легчало в такие моменты.

— Последнюю загадку давай! — потребовала Мусьма.

— У нас все по честному, — почему-то обиделся страж, — вот вам третья загадка:

— Не стоит он на ушах, а летает, и табуретку, как конфетку, сгрызает, и имеет три глаза сразу.

— Дративар Менг, — в один голос сказала наша троица. А Янеш добавил: — я у него в лавке карты менял.

— Тю, так вы что, с ним знакомы? — удивился стаж. — Так бы и сказали. Ну, ладно. Пропускаю, идите, куда шли, если сможете, — и он хихикнул.

И он был прав. Если сможете. Хорошо сказано. Ночь, темно не очень — луна еще светит, но все уже устали и слезть еще нужно, тоже проблема не маленькая. И до утра не останешься — Незримый не на много отстал. Вот и думай, как поступить. Затянувшуюся паузу нарушил страж:

— Может, загадку, какую новую загадаете?

— Запросто, — сказал Торстур, — а что нам за это будет?

— Договоримся, — обрадовался страж, — Если стоящая, и я не отгадаю, выполню одно желание, в пределах разумного, конечно.

— Хорошо, — сказал Торстур, — зачем нужна Ажартс Яащядб?

Страж думал долго.

— Черт его знает, зачем нужна эта, как ее там?

— Ажартс Яащядб, — услужливо подсказала Мусьма.

— Что, сдаешься? — спросил Торстур, — Я уже желание придумал.

— Ладно, говори, чего хочешь, — махнул рукой страж.

— Сможешь поднять нас на ту высоту, где мы были, пока не врезались?

— Запросто, — сказал страж, — и даже выше. А отгадка?

— Сначала подними, — сказала дальновидная Мусьмочка.

— Держитесь. От винта. Есть от винта, — сам себе

командовал страж. Зажигание, приборы, отсчет: три, два, один, старт, пуск, запуск, гол!!! — заорал он не впопад. Но летающая конструкция вдруг дернулась, и медленно набирая скорость, двинулась вертикально вверх. Как на лифте, даже уши заложило.

— Отгадку скажи! — донеслось до них снизу.

— Я и сам не знаю, — крикнул кот, — Ажартс Яащядб — это Бдящая Стража, прочитанная на оборот.

Стражник внизу улыбался, довольный новой загадкой, а наша компания в свете заходящей Луны, планировала над дорогой, которая вела прямо к горам.

Скоро вновь высота начала понемногу падать и вот, влетев в предгорье Вверхглядских гор, они плавно приземлились. Идти дальше не имело смысла и, устроившись на ночевку под раскидистым ближайшим деревом, друзья, наконец-то, уснули.

Глава VI

И снова Янеш проснулся в своей постели. И спать ему нисколечко не хотелось. Было хорошо лежать вот так и мечтать, как можно только по выходным, когда никто никуда не торопится. Было тихо. Родители любили в выходные поспать подольше, и беспокоить их можно было только в крайних случаях.

Янеш лежал и думал. Интересно, получается — заснул там — проснулся здесь, заснул здесь — проснулся там. А что, если, там уснул, а здесь не проснулся? Куда тогда попадешь? А вдруг — потеряешься?

Эта мысль взволновала его настолько, что валяться в кровати совершенно расхотелось. Нужно было срочно посоветоваться. Вот только с кем? Родители еще, наверное, спят. Потом будут завтракать, собираться — сегодня решили съездить к бабушке — им будет не до него.

А впрочем… К бабушке он мог поехать прямо сейчас — всего-то сесть на автобус.

И Янеш стал торопливо одеваться. Две минуты на умывание, две на обувание и готово. Ах, да! Взять деньги и написать записку. В записке было следующее:

> «Не хотел будить, поехал к бабушке. Взял рубль у мамы. Янеш».

По дороге к бабушке Янеш напряженно думал — он боялся потерять мысль. Впрочем, добрался он быстро и без приключений.

Бабушка, ожидая гостей, пекла воскресный пирог и очень удивилась, увидав внука.

— Ну, ну, заходи, — сказала она, — что это ты взъерошенный, будто гнались за тобой?

— Нет, бабуль, не гнались, я просто забыть боялся.

— Ну, ну, — опять сказала бабуля, — рассказывай.

— Вот, смотри, — сказал Янеш и испугался — вдруг она не визуалка. Но бабуля была само внимание, и Янеш успокоился и продолжал.

— Вот я засыпаю дома и оказываюсь во сне. А если засну во сне, то просыпаюсь дома. А вдруг я засну, а проснусь и не здесь, и не там? Что тогда?

— Интересная мысль, — сказала бабушка, улыбаясь, — но если ты не проснешься здесь, то проснешься в другом сне, только и всего.

— Но я не хочу в другом, — с отчаянием произнес Янеш, — я

хочу в своем!

— Ты видишь один и тот же сон, — поняла бабушка, — и боишься в него не попасть?

— Ну да! А еще я боюсь заблудиться во сне.

— Не бойся, — серьезно сказала бабушка, — Из сна всегда можно вернуться. Стоит кому-нибудь разбудить тебя здесь, и ты непременно вернешься. Таковы правила, — и она пожала плечами.

— Бабуль, расскажи мне про эти правила, — жалобно попросил Янеш.

Бабушка кивнула, сейчас мол, затем сноровисто поставила пирог в духовку и села напротив.

— Видишь ли, — сказала она, — у нас непременно должен быть выбор. Если мы не выбираем, а просто поступаем, как нужно, то делаем это автоматически, по привычке и не обращаем на это внимание. Но тогда и результат будет одинаковый — тут и выбирать нечего. Например, чтобы открыть дверь, ты должен достать ключи, вставить в замок и повернуть.

— А где же здесь выбор?

— Правильно, здесь ты не выбираешь. Тебе нужно открыть дверь — ты открываешь. А теперь представь — тебе нужно выбрать: открывать дверь или не открывать.

— Как это?

— Ну или представь что-нибудь другое, где делать не хотелось и не делать не получалось.

— Да, вот во сне мне очень хотелось… позвонить. И было негде — ни кустов, ничего.

— И как же ты?

— Все-таки позвонил. Но было очень неудобно.

— Вот-вот. Так у всех. Если выбирать только из двух вещей, то всегда чувствуешь себя неудобно, что бы ни выбрал. Поэтому хорошо, когда есть, по меньшей мере, три выбора, тогда ты действительно свободен.

И Янешу опять вспомнилось сказочное: «Налево пойдешь… Направо пойдешь… Прямо пойдешь…». И впрямь три выбора. А бабушка продолжала:

Поэтому в примере с дверью — ты можешь открыть сам, можешь позвонить, а можешь постучать, что бы тебе открыли.

— А могу вообще передумать?

— Можешь. И это уже будет четвертый выбор. А теперь пойди, позвони своим — пускай по дороге захватят хлеба к обеду.

Надо сказать, что у бабушки не было телефона — нужно было спуститься к соседке снизу, которую Янеш терпеть не мог. И поэтому идти ему однозначно не хотелось.

— Ну, бабуль, — надулся Янеш, — ты не оставляешь мне выбора.

— Хм, — удивилась бабушка, — Хорошо. Ты пойдешь сейчас или после того как вынесешь мусор?

— После мусора, — проворчал Янеш. — Сейчас пойти — один выбор, после мусора — второй. А третий? Что-то подсказывало Янешу, что третий выбор тоже существует. Ага! Третий выбор — вообще не ходить!

— Хитрая ты, бабуля, — засмеялся Янеш, — А можно, я вообще не пойду? Это ведь тоже выбор!

— Поздно, ты уже согласился, поэтому бери ведро и выметайся. На обратном пути зайдешь к Светлане Павловне и позвонишь.

Янеш нехотя встал. Интересно, как это у бабули получилось, что он не только позвонить согласился, но еще и мусор понес? Нет, Янеш любил свою бабушку и с удовольствием ей помогал. Но сегодня ему явно этого не хотелось, а все-таки он делает. Что-то тут не так. Надо будет поподробнее расспросить, решил он.

Когда он вернулся, оба пирога стояли на столе, и вкусный хлебный дух наполнял всю квартиру. Один пирог был с яблоками, другой — с вишнями и взбитыми сливками. Впрочем, Янешу нравились оба, выбирай — не выбирай.

— Бабуль, дай кусочек, — попросил он.

— Сейчас твои придут, и сядем за стол.

Такой расклад Янеша не устраивал. Пирога хотелось прямо сейчас, а когда все соберутся — лучше пойти на улицу. У него здесь было полно приятелей и ему не терпелось выяснить, кто из них визуален.

Решение пришло внезапно. Хитро посмотрев на бабушку, Янеш спросил:

— Бабуль, ты мне сначала от какого пирога отрежешь: от яблочного или от вишневого?

— От яблочного, — сразу сказала бабушка и тихо засмеялась.

— Молодец, быстро схватываешь. За такие успехи и от вишневого отрежу, — добавила она.

— Бабуль, а почему так получается? — жуя пирог, спросил Янеш.

— Видишь ли, ты предлагаешь на выбор две примерно одинаковые вещи, подразумевая, что можно и отказаться. Человек, чувствуя себя свободным (есть три варианта), делает выбор из двух предложенных вслух. Можно и немного по-другому. Например: ты съешь еще один кусок сейчас или когда приедут родители? Видишь, кусок здесь один и тот же, но время разное. Это тоже подходит.

— Спасибо, бабуль. Пироги очень вкусные, — сказал Янеш, вставая.

— Наелся? Ну, иди, погуляй.

И Янеш пошел.

Выйдя во двор, он увидел, как какой-то мальчуган отобрал у девчушки поменьше мячик и подкидывает его, не взирая на отчаянные попытки его владелицы отвоевать потерянное «сокровище».

— Отдашь сам или тебя стукнуть? — спросил грозно Янеш.

Мальчишка остановился, поглядел на Янеша, видимо сравнил его размеры со своими и отдал. Инцидент был исчерпан. Янеш остался доволен — ему не хотелось бы «стукать» этого мелкого, но девчонка была еще меньше, а Янеш не любил, когда обижали маленьких.

Потом он катался на качелях, играл с другими мальчишками в войну и в казаки-разбойники. В общем, всего не перечислишь. И день промчался незаметно.

Сегодня Янеш уже не волновался за оставленных во сне пушистых. Он знал — придет время, он ляжет спать и проснется рядом с ними в нужный момент.

Когда время подошло, все именно так и случилось.

Глава VII

Проснулся Янеш сразу, вдруг. Кругом было тихо и холодно. Видно, рассвет еще не скоро. Янеш с интересом прислушался — не понятно, что же его разбудило.

Но вот раздался легкий щелчок, потом негромкий треск, потом щелчки зазвучали громче.

Янеш поднялся. Потревоженный им Торстур лениво потянулся и опять свернулся в клубок, не открывая глаз. Янеш осторожно, ощупывая ногами землю, двинулся вперед. Вот он коснулся рукой чего-то. Это был большой довольно-таки камень. Янеш смелее оперся об него рукой. Раздался щелчок и Янеш вздрогнул. Он понял, откуда эти звуки. Это камни так потрескивали. Янеш замер и с интересом стал прислушиваться. Звуки раздавались все чаще и чаще. И уже можно было выделить общий ритм из этой какофонии. Сначала Янеш в такт шлепал ладошкой по гладкому боку камня, а потом запел, сочиняя слова на ходу:

Я слышу звуки.
Это рано утром
Щелкают камни,
Щелкают хором.
Если бы могли
Камни бы ходили.
А пока они
Только поют
И под эту песню
Хорошо маршировать.

Получалось не в рифму, но это Янеша вовсе не волновало. Он пел все громче и громче в том же духе. И когда понял, что уже ничего больше не может придумать, треск вдруг, как по команде, прекратился.

— Ты кто?

Янеш вздрогнул. За своим пеньем, он не слышал никаких шагов, и теперь ему было не по себе. Невидимый голос опять повторил:

— Кто ты и почему поешь с моими камнями?

— Я — Янеш, кверхногий волшебник, — с вызовом сказал Янеш и добавил, — твои камни хорошо поют.

— Ты им тоже понравился, — отозвался голос, — а почему у

тебя завязаны глаза?

— Таковы условия, — пожал плечами Янеш, садясь на камень.

— А ты кто? — продолжил он и подумал, что хорошо бы пушистые были рядом. С ними как-то спокойней.

— Я — то? — удивился голос — пел с моими камнями, а кто я не знаешь?

Янеш покачал головой. Ему вовсе не хотелось объяснять, что он здесь впервые и вообще, глаза у него завязаны. Тут раздалось шуршанье, как будто кто-то что-то волок по траве. Это был Торстур и волок он не что иное, как мешок Янеша. Мусьмочка впрыгнула на плечо, и Янеш почувствовал себя гораздо уверенней.

— А с кем это ты разговаривал? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Янеш, — я сначала пел вместе с камнями, а потом он пришел.

— Ну, ты счастливчик! — сказал Торстур, — и даже больше. Как поют камни, немногие слышали. Можно всю жизнь в горах прожить и ни разу не услышать. А ты не только слышал, ты еще и пел с ними, и камни тебе подпевали.

— А кто со мной разговаривал? Кто сказал, что это его камни?

— Если ты не придумываешь, то ты и впрямь счастливчик, — покачал головой Торстур. — Это Сплюх был, больше некому. Ладно, идти пора.

И они пошли. Вскоре дорога привела к реке, точнее к самому водопаду. Наверно, когда-то тут был веревочный мост, но сейчас от него остались только унылые обрывки.

— Нда, — сказал кот, но его «нда» потонуло в шуме водопада. Янеш присел на камень. Противно идти, не видя куда. Но еще противней, сидеть, сложа руки, когда друзьям нужна твоя помощь. Но чем он мог им помочь? И от сознания собственного бессилия Янешу стало еще противней.

— Пойдем, — сказал тихий голос, — и маленькая пушистая лапка прикоснулась к его руке. — Идем, не бойся. Будем спускаться. Просто переставляй ноги, здесь лестница.

И Янеш пошел. Спускаться действительно было легко — ступеньки, хоть и высокие, находились на равном расстоянии по отношению друг к другу.

В это время пушистые, ходившие на разведку вверх по течению, вернулись, но Янеша не застали.

— Ого, — сказал Торстур, куда же он делся?

Мусьмочка молча взобралась на ближайшее дерево и увидела дивную картину: маленькое пушистое зеленовато-серое существо

уводило Янеша, держа за руку, вниз. Янеш шел смело, а камни на склоне подскакивали, подставляя свои бока ему под ноги, чтобы он спускался, как по лестнице. Мусьма кубарем скатилась с дерева и метнулась вниз по склону. Торстур за ней, ничего не спрашивая.

Бежать было ужасно неудобно. Мелкие камешки выскакивали из-под лап, крупные камни угрожающе раскачивались, пытались заслонить собой выбранное направление, сбить с курса. Но не тут-то было. Пушистые были юрки и изворотливы. Последний рывок и вот Мусьма с разбегу впрыгнула на плечи Янеша, который чуть не упал от неожиданности.

— Я вас знаю, — сказало существо. — Вы кошки. Мой род всегда дружил с кошками.

— Мы тебя тоже знаем, — сказал запыхавшийся Торстур, — ты Сплюх. А куда мы идем?

— Да, — ответило существо, — я Сплюх.

И молча пошло дальше. Нашим друзьям ничего не оставалось, как последовать за ним.

Через несколько минут стала видна цель их маршрута — вход в пещеру. Да, если бы не Сплюх и его камни, вряд ли кто отважился бы спуститься сюда. Сплюх вел их дальше. Вот они зашли в темное отверстие пещеры, пошли по узким извилистым коридорам и оказались в огромном зале, слабо освещенном одной из стен. Она, эта стена, переливалась и искрилась, как живой поток. Собственно, это и был поток. Они находились в пещере под водопадом. Повязка на глазах Янеша затрепетала и вдруг соскользнула вниз, замерев на плечах.

— Ух, ты! — только и мог промолвить он.

Смотреть на мир было одно удовольствие. Даже в этой сумрачной пещере краски казались такими яркими, все детали, от огромных до крошечных, были видны отчетливо и с полной резкостью. Особенно его заинтересовала «водяная» стена. Она сияла нежным светом и, казалось, манила к себе. Янеш, как завороженный, подошел к ней и стал всматриваться. Бегущая вода стала замедляться и вот почти остановилась, и Янеш увидел свое отражение, которое слегка подрагивало. И тут пушистая лапка прикоснулась к его руке, Янеш оглянулся. И вода, несдерживаемая более его вниманием, полилась вновь, как и раньше. Янеш огорченно вздохнул. Вот так бы стоять и смотреть в эту водную гладь.

— Человекам не надо смотреть, — сказал Сплюх, — это зеркало Сплюха.

— А что будет, если смотреть? — спросил Янеш.

— Если человек сильный, сильнее потока, то может пожелать

оказаться в любом месте, где есть вода и шагнуть в зеркало, как только увидит себя, отраженного в заданном месте. И поток отдаст ему свою силу и доставит туда в мгновенье ока.

— А если слабый?

— Если слабый, тогда поток заберет его силу, и здесь появится еще один камень.

— А как узнать, есть у тебя сила или нет? — спросил заинтересованный Янеш.

— Только попробовав. Тогда и узнаешь, кто сильней: поток или ты.

Янеш призадумался.

— И многие пробовали?

— А кто его знает? — ответил Сплюх. — Те, у кого получилось, назад не возвращались, а те, у кого не получилось — тем более. Но камней с человеческий рост тут много, — и он махнул рукой в глубь пещеры.

Хорошо было сидеть здесь и разговаривать. Янеш рассказал Сплюху свою историю, а Сплюх поведал ему свою.

История Сплюха

Вообще-то, я — сплюх молодой еще, свежий совсем, — сказал, вздохнув, Сплюх, — мы, род сплюхов, живем очень долго. Мы вот — горные сплюхи, но, говорят, есть и морские, и пустынные. Не знаю. Никогда не видел.

Мы, горные сплюхи — это глаза и уши этих гор. Камни, они малоподвижные, любопытные, вот мы вместо них и ходим. Смотрим, слушаем, а потом им все и передаем. Зимой. Выбираем себе пещерку поуютней, вроде этой, и засыпаем. Камни своей силой плетут колыбельку. Наверно, это красиво — спящий сплюх. Мы, когда спим, поднимаемся немного вверх, чтобы не касаться ничего, кроме силы, и пушисто сияем. Но сам я, конечно, не видел. Сплюхи, когда спят, себя не видят. Мы видим сны. Все, что с нами происходило за весну, лето, осень, все видим во сне. И не просто видим — мы все сны камням и горам показываем. И горы смотрят. Иногда от смеха трясутся. И камни так и катятся. Иногда плачут. По разному бывает. А ближе к весне у Сплюха начинает спинка чесаться — это крылья прорастают. Сплюх трется об камни спинкой, они и проклевываются. И как только лед оттает, и зацветут первые цветочки — Сплюх вылетает из пещеры и летит, летит… Эх, до чего же хорошо! Кругом все цветет, все благоухает… А, мы, сплюхи, мы питаемся запахами. Цветы очень

любим. Камни тоже цветы очень любят, и горы тоже. Вот мы и сеем семена. Чтобы цветы были, и чтобы пахло. Камни, как и мы, живут долго. А цветок, он такой нежный, такой красивый, но вот он есть, а вот уже и отцвел. Жалко их. А сны у них хорошие, яркие. Потом мы летим в долины. Там все зацветает позже, а еще там есть Липа.

Ох, липа! О, этот липовый запах! Все сплюхи собираются над липами. Мы пьем, пьем этот запах, потом пьянеем, танцуем на ветру парами… А потом липа отцветает. Опадают цветы, и с ее цветом опадают наши крылья. Мы еще некоторое время держимся возле лип, а затем расходимся. Наш путь лежит к людям. Камни любят смотреть о них сны. Мы идем в гости к домовикам и лохматикам. Это наши родичи, правда, очень дальние. И здесь коты и кошки нам очень помогают. Без крыльев первое время очень непривычно: то, что раньше пролеталось за пять минут, теперь надо идти своими ножками. А коты нас понимают. Нет-нет, да уговоришь какого-нибудь подвезти. Да и в дом, иначе, как на коте, не попадешь. Вот так и путешествуем мы. То кому от гор приглашение незримое передадим, то камешкам придорожным поможем — потрогаем, да погладим.

И к началу сентября зовут нас горы обратно. Путь неблизкий и все своими лапами. Зато впечатлений — больше некуда. Как в предгорья попадем — так сразу легче — камни помогают. Вот тогда садимся мы на камешек и думу думаем. А как же? Надо все впечатления рассортировать, по полочкам разложить. Хороший сплюх и неделю сидеть думу думать может. Потом дальше пойдет, приветы передаст и опять думу думает. Осенние сплюхи — они все такие — задумчивые. Иной настолько задумается, что люди рядом идут, а он и накрыться или спрятаться забудет. Правда, и люди нас редко замечают — они, осенние постоянно, все время о чем-то думают, им и жить некогда.

Скажи вот, почему так? Если один человек — он ЧЕЛОВЕК, Ученик вечности, с большой буквы и звучит гордо. А если их двое, или больше, то уже все. Уже — люди. Они уже, кроме себя, ничего не видят, уже как осенние сплюхи. Не знаешь, в чем здесь загадка?

Ну, вернемся к сплюхам. К первому снегу все сплюхи стараются спрятаться. Мы, сплюхи, снега не любим. Мы от него зеленеем, а самая красивая шерстка — серо-голубая, как камешки. Зеленый сплюх заметен среди камней, как апельсин на снегу, куда же это годиться? Так вот, пробираемся мы к своим пещерам и в сон нас клонит все больше и больше. И вот свернешься, бывало, клубочком и дремлешь, пока вверх не поднимешься. А тогда уж засыпаешь надолго — до весны. И

маленькие сплюхи так во сне и появляются и тоже спят до весны. Для нас, сплюхов, это совсем не долго — как для вас проспать до утра. И готовы все лето потом путешествовать снова.

Сплюх рассказывал бы еще долго. Янеш начал клевать носом, пушистые уже откровенно дрыхли без задних лап.

И даже водяной поток, струящийся рядом, тоже казалось, стал засыпать — струился все медленней и медленней и вот совсем остановился, разгладился, зеркало, да и только. Зеркало Сплюха.

И как только оно стало зеркалом, раздался мелодичный звон, как будто колокольчик хрустальный прозвенел, и из него вышла Люсинда. Она была явно не в духе.

— Что это за безобразие? — с нажимом спросила она у сплюха. — Ты почему не в долине?

— Я еще молодой, — обиженно сказал Сплюх, — у меня еще крылышки не прорезались. И к липе меня не пускают.

— Ну, конечно! Поэтому ты сидишь здесь и проказничаешь? Зачем Янеша и пушистых усыпил? И это ведь не первый раз. Ты же знаешь, что люди от каменных снов не просыпаются! Или к лохматикам тебя отправить?

Сплюх стоял перед Люсиндой, понурив голову. При последних словах он прыгнул к ней, схватил ее за руку и, заглядывая в глаза, торопливо заговорил:

— Не отправляй меня к лохматикам! Нас, сплюхов, и так немного осталось. А у меня уже спинка весной чесалась, еще лет пять и крылышки прорежутся. Сделай что хочешь, только к лохматикам не отправляй. Я же горный сплюх, а не домовой.

Люсинда покачала головой.

— Горный сплюх, говоришь? А проказничаешь, как домовой. Ладно. Скажу горным, чтобы присматривали за тобой. Буди их, — и она кивнула на Янеша и пушистых.

Сплюх забормотал что-то, погладил лапкой по очереди всех троих. Друзья заворочались и проснулись. Люсинда внимательно оглядела всех троих.

— Время им верни, — сказала она наконец, — по неделе каждому. Сплюх завздыхал, потом подвел всех троих к зеркалу Сплюха и велел смотреть. Янеш смотрел, но ничего интересного с ним не происходило. Только немного трясло, как при ознобе.

— Готово, — сказал Сплюх гордо.

— Молодец, — похвалила Люсинда, еще раз внимательно осмотрев. — А почему зеркалом не пользуешься для путешествий?

Сплюх печально вздохнул.

— Равные мы. Я и поток. В одной силе.

— Ладно, — улыбнулась Люсинда. — Хочешь, помогу отправиться в долину? Но липа уже отцвела, — и она лукаво улыбнулась еще раз.

— Конечно, хочу, — оживился Сплюх.

— А силенок хватит вернуться?

— А я не далеко, ну, не очень, — отказываться от этой идеи ему явно не хотелось.

— Ну, вставай, смотри.

Сплюх встал лицом к потоку, лихо остановил его и принялся разглаживать. Да, силенки у него еще не слишком хватало. Впрочем, сплюхи через зеркало не ходят — у них своих дел хватает.

Люсинда взмахнула рукой, зеркало со звоном раскрылось, Сплюх шагнул, и вот вода сплошным потоком вновь падает вниз.

Янеш и пушистые с нескрываемым интересом следили за их действиями.

— А, что, — спросил Янеш, — Сплюхи для людей вредные?

— Как тебе сказать, — задумалась Люсинда, — Люди и сплюхи не пересекаются. Опасен ли дождь? Хочет ли он принести людям вред? Нет, конечно, он просто идет. Это его дело — идти. А наше дело — идти своей дорогой. И кстати, уже самое время это сделать.

— Ты пойдешь с нами? — с надеждой спросил Янеш.

Люсинда покачала головой и, видя его разочарование, добавила:

— Это ваша задача, ваше путешествие и ваш сон. Я тут только гостья.

— Ну, Люсинда, я тебе столько рассказать хотел! И про Хрустальный Глаз, и про Незримого, и про многое другое!

— Всему свое время, — улыбнулась Люсинда, — а вы и так тут много его потеряли. Сплюх вас на неделю усыпил, а вы и не заметили. Впрочем, время мы вернули. Но нужно поторапливаться.

Янеш вздохнул и надел свой мешок.

— Кстати, глаз держи поблизости. Он вам поможет найти Ухо. Эти предметы меж собою связаны — Глаз всегда глядит туда, где Ухо, — проговорив это, Люсинда исчезла. А наша троица побрела к противоположному выходу.

И не прошли они и десяти шагов, как тряпица, что раньше закрывала Янешу глаза, затрепетала, с треском разорвалась пополам и, мгновенно вползая вверх, заткнула Янешу уши. Янеш вздохнул.

Они вступили в Страну Слухачей.

Выбраться из-под водопада было делом куда более легким,

чем спуститься. Впрочем, все известно, что вверх лезть проще, чем вниз. Тем более что Янеш уже все видел и передвигался быстрее и легче.

Красота вокруг была неописуема. И охваченный бурным восторгом от возможности видеть все это великолепие, Янеш заорал во все горло:

— О-го-го! Горы! Небо! О-го-го!

Крик его был подхвачен ветром. Но Янеш не заметил этого. Он уже порядком соскучился по всему тому, что можно увидеть глазами.

И вдруг пушистые, как по команде подскочили, а затем припали к земле, зажав лапками уши, и в тот же момент Янеш ощутил некую вибрацию земли под ногами и резкое колебание воздуха. Продолжалось это недолго. Вскоре все затихло, сконфуженные пушистые поднялись, отряхиваясь. Торстур, сердито глядя на Янеша, покрутил лапами у виска. И видя полное недоумение, объяснил жестами, что бы Янеш не кричал, здесь очень сильное эхо.

Вам приходилось наблюдать, как толстые рыжие коты жестами показывают слово — эхо? Нет? Ну так поверьте на слово, видок у него был тот еще.

Янеш, не выдержав, рассмеялся. Громко рассмеялся. И вновь земля качнулась под ногами и значительно сильнее предыдущего.

Когда эхо улеглось, Торстур написал на дорожной пыли «ПРИДУРОК», и с сердитым видом пошел прочь. Пристыженный Янеш поплелся за ним. Да, здесь стоило бы помолчать. И наша троица в полном молчании шла по извилистой дороге, пока за очередным поворотом не показался лес. Потянуло дымком. Где-то рядом, не смотря на лето, топили печь. Друзья прибавили ходу.

Вечерело. И ноги, и лапы, натруженные за день, ужасно ныли. Но друзья упорно продвигались вперед. Еще немного и их терпение было вознаграждено — впереди, слева от дороги, показался хутор.

Мусьмочка побежала на разведку. Вернулась она довольно быстро, и вид у нее был озабоченный. Они о чем-то пошептались с Торстуром. В другой бы раз Янеш обиделся на такое явное пренебрежение, но не сейчас. Во-первых, уши у него все равно были заткнуты, а во-вторых, он так устал, что ему уже было все равно. И будь у него больше сил, дальнейшие действия пушистых еще больше бы взволновали его. Ведь вместо того, что бы идти к дому, они повернули левее и протиснулись в приоткрытую дверь сарая.

Внизу, где зимой держали скот, сейчас было пусто! А вся верхняя часть была забита свежим душистым сеном. Туда вела

лестница, к которой был подтолкнут Янеш.

Дважды объяснять ему нужды не было — Янеш проворно взобрался и, утопая в сене, отодвинулся подальше от края.

Помощники шустро взлетели следом и ловко втащили за собою лестницу. Янеш хотел было расспросить, что все это означает, но Мусьмочка положила мягкую лапку к нему на губы — тихо, мол. И Янеш, рассудительно решил, что утро вечера мудренее. Ночь обещала быть прохладной, поэтому троица зарылась поглубже в сено, прижались друг к другу, вытянув уставшие лапы и ноги. И, наконец, уснули.

Глава VIII

— Просыпаются зайчики, просыпаются мальчики, быстро поднимаются, в школу собираются.

Мамины руки тормошили Янеша, гладили и дергали за уши. Янеш перевернулся на живот.

— Ма, спинку почеши, — сказал он, не открывая глаз, и еще некоторое время руки бегали по спине, а затем прошлись по ребрам. Стало щекотно, и Янеш заерзал, смеясь и отбиваясь.

— Вставай, вставай, — сказала мама, — и посмотри на что-нибудь красное.

Янеш послушно встал и покрутил головой в поисках красного. Он знал, что понедельник — красный день, и умело настраивал себя на это.

Завтракал он один — отец еще спал, а мама занималась чем-то своим.

— Везучие, — подумал Янеш, — им утром в школу не нужно. И тут вспомнил.

— Ма, — позвал он, — про визуалов у тебя есть плакат, а про слухачей?

— Про аудиалов, — поправила мама, — тоже есть. Если быстро поешь, то успеешь посмотреть.

Янеш успел и вот, что увидел:

АУДИАЛЫ

Мыслят в проговариваемых словах (звуках). Вариант языка аудиальный. Примеры слов и выражений — говорят: послушай, скажи, созвучный, громкий, тихий, звук, спрашивать, ударение, монотонный, внятный, заявлять, замолкать, тишина, звучать, голос, неразговорчивый, слово за слово, пропускать мимо ушей, держать язык за зубами, давать аудиенцию.

В разговоре речь среднего темпа и тембра, умеет искусно пользоваться интонациями, развит музыкальный слух.

Жесты более сдержанные, на уровне груди и живота.

Одеваются так, как принято в их круге, следят за модой, но явно не в авангарде.

Дыхание полное, всей грудью.

Дистанцию предпочитают держать тоже среднюю,

часто поворачиваясь к говорящему немного боком, а точнее, ухом.

— Ага, — подумал про себя Янеш, — сегодня посмотрим, кто у нас в классе кто.

И побежал в школу. Сегодня, как ни странно, ему этого очень хотелось.

На уроках Янеш был весьма рассеян. Его голова была занята другим — он внимательно рассматривал и не менее внимательно слушал, но не то, что говорили, а то, как это делали.

Он искал знакомые слова, по которым можно определить, жителем какой страны является тот или иной человек. Он обращал внимание на любые жесты, на глаза и дыхание и даже на одежду, что его никогда не интересовало. Учителя обращали на него внимание, даже хвалили, но если бы кто-нибудь попросил Янеша повторить хоть фразу из темы урока, увы! Он был в классе, но учился совсем другим вещам. И его внимание было вознаграждено! Например, «англичанка» Алла Игоревна, которая носила яркие, броские платья, говорила много и быстро. И закатывала глаза, когда кто-то не мог ответить, была очень похожа на подданных Окотана IV и ее постоянное «Look at me, please!» стало сразу понятным и уместным.

А вот их классная, Татьяна Александровна, руками не размахивала, говорила спокойно, но слушать ее было одно удовольствие. Она все так объясняла, что слова сами раскладывались по полочкам. Янеш даже как бы слышал, как они шуршат, устраиваясь поудобней. У нее тоже была любимая фраза — она часто говорила: «А теперь тихо и слушаем внимательно».

И когда на перемене дети окружили ее, наперебой спрашивая о чем-то, Янеш тоже подошел и спросил:

— Татьяна Александровна, а мы поедем завтра на экскурсию?

Но Татьяна Александровна отвечала другим и вопроса не слышала. Тогда Янеш спросил по-другому:

— Скажите, мы завтра на экскурсию поедем?

Татьяна Александровна тут же прервала свои объяснения и посмотрела на Янеша.

— Да, поедем завтра. Я еще об этом объявлю.

— Вот так-то, — подумал Янеш, — у слухачей тоже есть свои пароли. Оказывается, они любят, когда к их ушам и… — замялся Янеш. — и ртам обращаются. А почему ко ртам — так ведь говорим-то мы ртами.

Эти наблюдения Янеша весьма устраивали. И более того, все это ему ужасно нравилось. И все давно знакомые — учителя, мальчишки и девчонки и даже родители, все вдруг стали совсем

не такими уж и знакомыми. И очень интересными.

— Вот так-то, — думал Янеш, — живешь, живешь, думаешь, что всех знаешь, а оказывается, что вовсе и нет.

Эта мысль его озадачила и в то же время подзадорила. И он с удвоенным вниманием принялся смотреть и слушать.

Уроки закончились как-то внезапно. Янеш даже слегка огорчился — он не успел рассмотреть еще многих. Но, резонно рассудив, что и завтра этим можно заняться, он вприпрыжку побежал домой. Возле перехода, на углу, он увидел маму — она тоже шла домой. Янеш прибавил хода. Ему хотелось догнать маму до того, как она дойдет до «сладкого» киоска.

— Мам, привет!

— Привет. У тебя шнурок развязался.

Пока Янеш завязывал шнурок, ему пришла в голову мысль еще раз потренироваться.

— Мам, — сказал он, — ты что больше любишь: «Марс» или «Сникерс»?

Мама задумалась.

— Наверное, «Баунти».

— Тогда давай его купим. Там как раз две половинки.

— Хитрый ты, Янеш, — засмеялась мама, направляясь к киоску.

— Почему же хитрый? — удивился хитрый Янеш, — я-то всякий шоколад люблю, а ты нет.

— Конечно, конечно, — сказала мама, протягивая Янешу половинку «Баунти», — но при этом ты забываешь сказать, что покупаю-то его я.

— Ну, да сказал Янеш с набитым ртом, — и хорошо, что мы встретились. Без меня ты бы не купила, тебе бы и в голову не пришло. Правда, и я бы без тебя не ел бы, хотя мне-то это в голову всегда приходит.

Покормив Янеша обедом, мама опять ушла на работу. А Янеш сел за уроки. Уроков было много, и Янеш провозился с ними до вечера.

Темнело. Хотелось есть, и Янеш побрел на кухню. Пара холодных котлет (риса ему не хотелось) на кусок хлеба, полить майонезом, кетчупом и веточку петрушки для красоты — получился классный бутерброд. А на десерт йогурт и яблоко. Свет включать не хотелось. И Янеш сидел, «сумерничал», как говорит бабушка, и ел. А еще думал. Мысли его вновь вернулись к ночным приключениям. В детстве он мечтал о том, что бы ночью не спать. Вот так и получилось — ночью он не спит. Или спит, а ему снится, что он не спит? А когда их Сплюх усыпил, то получается, что он спит и видит во сне, что он спит? Нет… Он не видел, что

он спит, он просто спал. Значит, он спал и наяву, и во сне? А ведь он даже сон там видел, только вот уже не помнил какой. А если бы ему тогда снился сон, что он ложится спать?

— То есть, — думал Янеш, — Вот я сплю и вижу сон, в котором я сплю и вижу сон. И в этом сне я тоже сплю и вижу сон, что я сплю…

Тут мысли у Янеша приняли другое направление — а если он проснется там, в самом дальнем сне, то, что будет? А если его начнут будить где-нибудь во сне, то как он узнает, где нужно просыпаться?

Все эти мысли его настолько взбудоражили, что когда зазвонил телефон, Янеш подпрыгнул на месте. Звонила мама. Она сказала, что они с папой уже едут, и попросила поставить чайник.

Янешу нравилось, когда мама звонила и просила о чем-то. Мама умела так просить, что ты начинал чувствовать себя взрослым, важным и нужным.

Чайник закипел быстро. Янеш вытряхнул старую заварку в цветок — мама всегда так делала — и заварил чай.

Он любил это делать. У бабушки на кухне целый шкаф был забит разными травами и в банках, и в мешочках, и в пакетиках. Она с удовольствием объясняла Янешу, какая травка от чего и как их смешивать. И уезжая от нее, Янеш всегда прихватывал кулечек-другой с этими душистыми листочками и веточками.

И, сейчас, засыпав в заварник пару ложек черного чая, Янеш добавил туда пару листочков смородины, земляники и чуть-чуть цветков чернобривца. В этот момент он казался себе великим магом, готовящим волшебный эликсир. Только заклинаний не хватает. И чтобы не портить впечатления, Янеш опять снял крышку, сделал пассы руками (это он в кино видел) и сурово произнес:

— Заклинаю, — и запнулся. Что именно заклинать он еще не придумал, потому закончил просто, — пусть будет вкусно.

И накрыл чайник Марусей. Мама говорила, что эта кукла-грелка такая старая, что была уже тогда, когда бабушка была маленькой.

За чаем Янеш сказал:

— Па, смотри! — папа тут же поднял голову.

— Вот смотри, — еще раз сказал Янеш, — если я сплю и вижу сон, в котором я сплю и тоже вижу сон, про то, что я сплю. Так где же я проснусь?

Папа некоторое время жевал молча, а потом ответил улыбаясь:

— Надеюсь, что в своей кровати.

Этот ответ Янеша не устраивал.

— Будь реалистом, папа, — сказал он серьезно, — твои надежды ничем не обоснованы.

Папа перевел взгляд на маму. Мама сдержала рвущийся наружу смех и сказала:

— Не волнуйся, Янеш. Ты можешь проснуться в любом из снов. Но, утром я разбужу тебя окончательно, и ты проснешься действительно в своей кровати. А теперь тебе не пора ли на боковую?

— Пора, — согласился Янеш и встал.

Теперь он уже не спорил с мамой, когда она отправляла его в постель — он сам стремился скорее попасть к пушистым. Поэтому, совершив все положенные процедуры, Янеш улегся и вскоре уснул.

Глава IX

Проснулся Янеш от того, что что-то ползало по носу. Не открывая глаз, Янеш отмахнулся рукой, рядом хихикнули, а по носу так и продолжало что-то ползать. И было очень тихо. Поэтому Янеш решил, что он еще спит и это ему снится. Но что-то щекотное продолжало елозить по носу. Изловчившись, Янеш пришлепнул себя по носу, надеясь прибить надоеду. Но под рукой оказалось что-то мягкое и пушистое. Янеш, все еще не открывая глаз, начал ощупывать дальше. Это мягкое и пушистое продолжалось еще и еще и очень напоминало кошачий хвост. Чем, собственно говоря, и было.

Янеш, наконец, открыл глаза и выпустил Торстуров хвост. Пушистые помощники, видимо, уже плотно позавтракали мышами, что водились здесь во множестве и тщательно вылизывались.

Что-то мешало ушам, и Янеш осторожно прикоснулся к ним. Каждое ухо было «зачехлено», как фары у джипа. И слышать Янеш ничего не мог. Зато мог видеть, и это очень радовало. А видел он деревянную перекладину лестницы, опущенной вниз.

Янеш потянулся, надел было мешок на плечи, но передумал, достал из него Хрустальный Глаз, который засиял, а затем стал тянуть Янеша к выходу. Держать его было неудобно, но отпустить Янеш боялся — вдруг улетит.

— Мусьмочка, — сказал Янеш, но голоса своего он не услышал, — если ты меня слышишь, то кивни.

Мусьма кивнула, хотя и подумала, что кивающая кошка — это полный бред. А, Янеш, поняв, что его слышать могут, сказал:

— Помогите мне эту штуку привязать.

Пушистые взяли полотенце, что было в мешке и, завернув в него Глаз, привязали Янешу на пояс. Получилось неплохо, как сумочка-кенгурушка.

А Янеш, словно подчиняясь какому-то внутреннему порыву, осторожно прорезал полотенце, что бы получилось окошко.

— Глаз, он видеть должен, — сообщил он пушистым.

Мусьма вспрыгнула на плечо, потерлась об ухо мордочкой и Янеш вдруг услышал внутри головы:

— Конечно, видеть должен.

Оказывается Мусьма, при необходимости, была и телепатом. Правда, она уверяла, что может это делать только при соприкосновении головами, но Янешу и этого было достаточно.

Глаз тянул и наша компания, выбравшись с хутора, пошла дальше по дороге к городу.

Мусьма ехала на плече, и Янеш решил порасспросить ее.

— Скажи, — сказал он, — а почему мы ночевали на сеновале, а не в доме?

— Видишь ли, — ответила кошка, и Янеш про себя отметил, что использует она визуальное слово, — этот хутор называется «Звенящий дом». Время от времени, что-то начинает там завывать на разные голоса так, что и стекла, и посуда звенит. Жители хутора знают о приближающимся звоне и уходят ночевать в город. Дом свой они любят, но когда он звенит — спать там невозможно. Поэтому и мы ночевали на сеновале.

— А я знаю, почему в доме воет, — сказал Янеш. — У маминых знакомых на даче тоже так было. А потом мой папа залез на чердак с дядей Сашей и нашли в трех местах бутылки, замурованные в трубу и в стену. Дядя Саша хотел их вытащить, а папа сказал, что их можно просто пробками заткнуть. И у них больше не выло.

— Наверное, хозяева об этом не знают, — сказал Торстур. Он тоже прислушивался к их разговору.

— А вот и они возвращаются, — сказала Мусьма, завидев идущих им навстречу людей.

Старший, остановившись, ждал, пока Янеш подойдет поближе.

— Это вы, слухарь Кверногий Волшебник? Наслышаны, наслышаны. В город идете? Это хорошо, вас уже ждут. Сам правитель, Ушан — III, хочет с вами поговорить.

— Спасибо, — ответил Янеш, и добавил, — послушайте, а вам не надоело ночевать в городе? Хотите, расскажу, как вам поступить, чтобы ваш дом перестал звенеть?

— Эге, слухарь волшебник! Все не так просто. Звенеть-то оно перестанет, оно, конечно, так. Но вот ведь беда — мы тогда о приходе Неслышимого не узнаем. А раз мы не узнаем, то и в город знать не дадим. Поэтому просим слухаря волшебника не убирать звон. Пусть себе звенит, — и добавил, — ну, пора нам. Дел много, а к ночи в город вернуться нужно, пока мосты не подняли.

И они торопливо пошли по дороге. Янеш с помощниками какое-то время еще смотрели им в след, и неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не Глаз. Почувствовав его напряжение, Янеш двинулся дальше. И чем ближе подходили они к мосту, что вел в город с красивым именем Созвучие, тем сильнее тянул Глаз. Уже дойдя до моста, Глаз «попросил» повернуть направо. Янеш сделал несколько шагов и вдруг ощутил присутствие Незримого. Хотя здесь его называли Неслышимым, сути это не меняло. Был Неслышимый не очень близко, но уже явно ощущался. Янеш

попятился. Больше всего ему хотелось перебежать на тот берег и крикнуть стражникам, чтобы поднимали мост.

Он бы так и сделал, но Глаз упорно тянул направо. Присутствие Неслышимого ощущалось все сильнее. И сильнее же тащил навстречу ему Глаз. Янеш сделал несколько шагов вперед, и неожиданно направление Глаза изменилось, и тогда Янеш понял, куда им нужно. Глаз тащил его под мост.

Ссадив Мусьму на мост и наказав обоим помощникам ждать его у моста на том берегу, Янеш нырнул под мост. Глаз толкал его в воду. Плавать Янеш не умел, но мост нависал достаточно низко над водой и Янеш, уйдя по плечи в воду и, перебирая по дну моста руками, мог перебираться дальше, повинуясь, зову Хрустального Глаза. Присутствие Неслышимого здесь, посреди реки, почти не ощущалось. Да, вода была для него непреодолимой преградой, а для людей — единственной защитой.

Янеш не совсем понимал, зачем было нужно лезть в воду, вместо того, чтобы просто спокойно перейти реку по мосту. Но он продолжал уверенно передвигаться все дальше и дальше. И вот, когда он был уже на середине, вода перед ним вдруг забурлила, огромные пузыри стали всплывать на поверхность. Янеш испугался. Но Глаз тащил его именно к этому месту! И в довершении всего, мост вдруг дернулся под руками, чуть не стряхнув Янеша вниз и стал медленно, но верно подниматься.

Вода продолжала бурлить, мост подниматься, Янеш судорожно вцепился в какую-то перекладину. Он вдруг почувствовал, что его правая нога зацепилась за что-то, за какую-то петлю и тянет эту петлю за собой.

А мост поднимался все быстрей и быстрей. И вместе с ним поднимался и Янеш. Вот вода уже доходит ему до пояса, потом — до колен, вот под водой остались только ботинки. Еще чуть-чуть и река осталась внизу.

Правую ногу что-то достаточно сильно оттягивало вниз. Янеш повернулся посмотреть и очень удивился, увидев, что именно он «поймал» своей правой ногой. Или, точнее, что его поймало. Но так или иначе, на его лодыжке, туго стягивая ее, была захлестнута веревочная петля, продетая через края рыболовной сети. А в самой сети трепыхалось пяток серебристый рыбок, пара зеленых лягушек. И зеленая борода водорослей тянулась вниз. Но самое главное, в сети была небольшая, позеленевшая от воды и времени шкатулка!

Мост закончил подниматься и остановился в тот самый момент, когда Янеш был готов разжать пальцы и брякнуться куда придется — в воду или на землю — ему уже было все равно. Хотя

падать было высоковато.

Янеш попробовал нащупать левой ногой хоть какую-нибудь опору. И ему это удалось! Чуть передохнув, он стал осторожно спускаться по вертикально стоящему мосту, как по лестнице, стараясь не стукать своим уловом.

Внизу его уже ждали пушистые, с вожделением поглядывая на бьющихся рыбешек. Торстур отцепил сетку и Янеш спрыгнул вниз.

Развязать сетку не получалось, ножа у них тоже не было, но зато был Торстур. Он рванул сеть своими мощными когтями, та тут же поддалась, лягушки прыгнули в воду почти синхронно. А Мусьмочка превзошла сама себя. Увидав, что рыбки, извиваясь и подпрыгивая, тоже направляются к воде, она прыгнула и о, чудо! В когтях каждой лапы трепетало по рыбке, а пятая зажата в зубах! Смотрелось это потрясающе. Впрочем, с рыбой было быстро покончено, чему активно помогал и проголодавшийся Торстур.

А Янеш тем временем безуспешно пытался раскрыть шкатулку. Увы, это было делом нелегким. Он пытался и так и эдак, но все напрасно.

В какой-то момент он нагнулся над ней, стремясь рассмотреть что-то, привлекшее его внимание на обратной стороне. При этом Глаз стукнулся о то место, где, по идее, должен был быть замок.

Раздался мелодичный звон, и шкатулка открылась. Сделана она была великим мастером, ибо внутри не было ни капли воды. А на черном мягком бархате лежало Хрустальное Ухо. Оно было исполнено с таким искусством, что по форме напоминало человеческое, только раза в два больше.

Полюбовавшись им некоторое время, Янеш вновь закрыл шкатулку и убрал в мешок. Потом, поколебавшись, отвязал Глаз и аккуратно уложил его в другую шкатулку.

Солнце светило вовсю, и одежда на Янеше быстро высыхала. Что бы ускорить процесс Янеш разделся и развесил штаны, футболку и куртку на кустах.

— Интересно, — подумалось ему, — ложился спать в пижаме, а здесь нахожусь в джинсах и футболке.

Янеш вылил из кроссовок воду и тоже поставил их на солнышко.

Тихо катились мимо Шепчущие воды канала, светило солнышко, щебетали о чем-то своем местные птички, похожие на воробьев. Еле слышно шевелились листочки на деревьях. Все это напоминало Янешу летний отдых в домиках на турбазе. Там тоже было хорошо сидеть на берегу и смотреть на воду. И Янеш, глядя на воду, сверкающую в солнечных лучах, тихонько дремал. Рядом

с ним так же дремали пушистые. И снился ему сон, что плывет он на лодке, лодочка покачивается, так все спокойно и вдруг становится совсем темно, как в подземелье и над головой свод совсем низко, и где-то там, в темноте есть ход, куда ему, Янешу и нужно. И вот идет Янеш по этому ходу и уже свет виден где-то там, вдалеке.

И вот добирается Янеш к этому свету. А свет льется откуда-то сверху и никак туда не добраться. Как будто со дна колодца смотришь. Неуютно стало Янешу, неуютно и холодно.

От этого холода и проснулся Янеш. Оказывается, солнце за тучку забежало и это его разбудило, ветерок подул, похолодало.

Одежда уже высохла, и спустя минуту мешок был уже на плечах, Мусьмочка — тоже и наша троица вошла в город.

Они успели пройти пару улочек и выйти на площадь прежде, чем на них обратили внимание. И не мудрено. На площади оркестр играл одну песню за другой. И чем бы не занимались жители этого города, они пели под его аккомпанемент. Пели и ткачи, и пекари, и сапожники. И даже старенький часовых дел мастер тоже напевал, задерживая иногда дыхание, что бы не сдуть какую-нибудь мелкую детальку. Пел весь город. Они пели не по принуждению и не под страхом наказания, нет. Они пели в свое удовольствие, хотя могли бы и не петь. Просто петь им очень нравилось. И получалось у них слаженно и красиво.

И только Янеш не мог слышать ни слова, ни нотки. Поэтому, когда они вышли на площадь, на них стали обращать внимание, ведь наша компания выпадала из общего темпоритма.

Новость о появлении чужестранцев быстро достигла дворца, и вот уже самые важные чиновники спешили на встречу к Янешу, хотя сомнения не покидали их. Мосты, не смотря на дневное время, были давно подняты, потому что Неслышный бродил совсем рядом. И попасть в город, окруженный со всех сторон водой, было делом весьма не простым. Знать, и волшебник этот тоже не прост, ох, не прост! Наверно, он просто прикидывается ребенком. А что все это означает, и куда мы придем — совсем не ясно.

Вот чем были заняты мысли чиновников, пока они шагали в ритме вальса в сторону площади.

А в это время народ на площади окружил Янеша, и все наперебой расспрашивали его о том, кто он, откуда взялся и куда направляется.

Янеш несколько остолбенело всматривался в лица, пытаясь понять, чего от него хотят. Потом это ему надоело, он набрал больше воздуха и как закричит: «Я вас не слышу!!» — и видя, что народ вздрогнул, улыбнулся и добавил уже спокойней.

— Попробуйте объяснить по-другому, что вы хотите.

— Он говорит!

— Ого! Вот это голосище!

— А как это по-другому?

И народ вновь загомонил. Стали обсуждаться разные способы, как все-таки объясниться с не слышащим. И пока взрослые спорили, обсуждали, прикидывали так и эдак, к Янешу подошла девочка. Была она небольшого росточка, круглолицая, рыжеволосая и вся в конопушках. Девчонка улыбнулась, ткнула в себя пальцем и сказала какое-то слово. Слово было короткое, из двух слогов. Янеш понял, что она назвала свое имя, но угадать его не смог. Но на всякий случай он решил тоже представиться:

— Меня зовут Янеш. А ты назвала мне свое имя, да?

Девочка что-то ответила, но видя, что Янеш не понял, закивала в знак согласия. И тут Янеша осенило:

— Ты напиши, как тебя зовут.

Девочка удивленно посмотрела на Янеша.

— Ты еще не умеешь, — догадался Янеш, — тогда позови свою маму или еще кого-то, кто умеет.

Девочка опять кивнула и убежала. Торстур разгладил своей лапой усы и что-то мурлыкнул Мусьме. «Та перевела» Янешу:

— Мы пойдем погуляем. А ты не говори им, что мы разговариваем, иначе они так и не научатся общаться другими способами. Не волнуйся, мы тебя найдем к вечеру.

И с этими словами Мусьма спрыгнула с плеча, и они с Торстуром скрылись в толпе.

Девочка вернулась вместе с молодой женщиной в белом фартуке. Народ расступался, пропуская их. И все с интересом наблюдали, что же будет дальше. Женщина улыбнулась и слегка поклонилась Янешу. Янеш тоже поклонился и сказал:

— Здравствуйте. Меня зовут Янеш. Вы можете написать, как зовут эту девочку?

Женщина задумалась. Янеш удивился, неужели она не помнит, как зовут ее дочку? В том, что это мама с дочкой, Янеш не сомневался — они были очень похожи, младшая — просто уменьшенная копия старшей. И тут Янеша пронзила ужасная догадка — они, наверное, вообще не умеют писать! И читать? Наверное, и читать. Янеш решил это проверить. И на площадной пыли, присев, написал пальцем слово: «ЯНЕШ» и повторил его, показывая на себя:

— Янеш. Это мое имя. А как пишется твое имя? — спросил он опять у девочки. Девочка подошла ближе, рассматривая написанное. Потом покачала головой.

— Вы вообще не умеете писать? — спросил Янеш ее. Девочка

кивнула. Янеш задумался, а потом спросил:

— Хочешь, научу?

Девочка заулыбалась, закивала и, взяв Янеша за руку, подошла ближе к маме и что-то сказала. От мамы вкусно пахло свежими булочками. И Янеш вспомнил, что он сегодня еще не завтракал.

— От твоей мамы вкусно пахнет — сказал он, сглатывая набежавшую слюну, — если захотите, я и вас научу писать, — добавил он, глядя уже на маму. Женщина улыбнулась и что-то спросила. Янеш, конечно же, не понял, но девочка погладила себя по животу и поднеся руку ко рту, показала, что ест. Янеш кивнул раз, и другой. Девчонка засмеялась, опять взяла его за руку, и они пошли прочь.

И вот тут-то появились, наконец, важные чиновники. Они о чем-то стали говорить с вкусно пахнувшей женщиной. И с каждой минутой разговор становился все громче. Было видно, что чиновники настаивали, а женщина спокойно, но твердо им отказывала. Страсти накалялись. Девочка, все еще державшая Янеша за руку, хотела тихонько уйти, но не тут-то было. Один из вновь пришедших схватил Янеша за руку и потянул к себе. Янеша это совсем не устраивало. Что он, вещь, что ли? И мама ему всегда говорила: «Не позволяй незнакомым взрослым прикасаться к тебе и особенно брать тебя за руки. Если это все же произошло — кричи как можно громче. От неожиданности тебя отпустят». Они с мамой даже потренировались кричать, как следует.

Поэтому и сейчас Янеш опять набрал больше воздуха и заорал:

— А — а — а — а!!!

Вопль получился, что надо! Конечно, чиновник сразу выпустил его руку. А Янеш уже спокойно сказал:

— Я вас не слышу. Сейчас мы с этой девочкой идем к ней, и будем обедать.

Девочка согласно кивала, еще крепче вцепившись в Янеша.

— Потом я научу ее и ее маму писать.

И глядя на озадаченно-кислые мины чиновников, Янеш добавил:

— Если хотите, можете идти с нами.

Произнеся это, Янеш вдруг понял, что приглашать их к этой девочке, даже не посоветовавшись, не вежливо, и он добавил:

— Если вас пригласят, конечно.

Вокруг заулыбались. Ловко мальчишка уел этих надутых чинуш. Впрочем, чиновники не были злы или надоедливы. Они знали свое дело и соблюдали все правила. Их уважали в городе. Но уж очень им нравилось напускать на себя деловой вид и

важничать. Один из них, говорят, даже сидя в туалете, был надут и деловит. Впрочем, это детали. Конечно же, их уважали, но никогда не упускали случая над ними же и посмеяться.

Поэтому неловкая оговорка Янеша оказалась весьма кстати.

Мама девочки улыбнулась и что-то сказала. Все засмеялись. Обстановка сразу разрядилась. Чиновники пожали плечами, и они все вместе куда-то пошли. Впереди шел Янеш с девочкой, за ними мама и самый высокий чиновник, и замыкали шествие еще двое. Четвертый же пошел к правителю сообщить о случившемся.

Обед у мамы рыжей девочки был на удивление вкусный, хотя Янеш так и не понял, что же он ел. Из всех четырех блюд узнаваемы были только очень маленькие булочки с сахаром и маком — плюшки.

После обеда все вышли в сад. Янеш огляделся в поисках, чем бы ему писать и на чем. Под ногами он увидел крупное птичье перо, а чуть дальше — кусочек угля.

— Сгодится, — подумал Янеш.

Он взял то и другое и огляделся еще раз. Можно было бы писать на белой стене дома. Он спросил об этом у хозяйки. Та кивнула, разрешая. Тогда Янеш написал крупными буквами: «МАМА» и прочитал медленно, тщательно проговаривая каждую букву. Женщина заулыбалась, взяла из рук Янеша уголек и тоже написала рядом: «МАМА». Тогда Янеш, глядя на хозяина, улыбчивого кудрявого мужчину, написал чуть ниже: «ПАПА» и потом еще: «ДОЧКА».

Девочка захлопала в ладоши и попросила писать еще. Тогда Янеш немного изменил тактику. Он написал все буквы, весь алфавит и сказал: «Из этих букв можно составить любое слово и записать его, попробуй сама».

Тогда к Янешу подошел вдруг чиновник, взял сильно уменьшившийся уголек и нарисовал букву «З», а потом букву «А». Дальше у него дело застопорилось, но не даром был он чиновником. Кого попало в чиновники не принимают. Поэтому и этот был парень не промах. Поняв, что запомнить все буквы сразу не удалось, он стал тыкать пальцем в одну букву за другой, а Янеш их называл. Так они нашли следующую букву — «Ч», затем — «Е», а потом уже Янеш догадался и сам дописал букву «М» и вопросительный знак. Чиновник кивнул.

— Зачем писать? — удивился Янеш и оглядел всех присутствующих. Их лица были сосредоточены и выражали полное внимание. Янеш вздохнул.

— Писать нужно, чтобы сохранять знания. У нас все дети любят читать сказки. А взрослые — другие книги, — и видя их недоумение, пояснил, — книги, это где много-много слов. Есть

разные книги. Есть для удовольствия, это сказки, приключения разные, детективы, фантастика. Мама говорит, что это тоже сказки, только для взрослых.

— А еще есть специальные книги, учебники, по которым учат уроки. А есть такие, где написано как шить или как готовить. Я однажды сам дома суп сварил. Смотрел в книгу, где было написано, сколько чего взять и что нужно сделать. И очень вкусно получилось.

Он замолчал. Да, столько, сколько он говорил здесь, ему доводилось говорить нечасто. Даже язык устал.

Но слушатели здесь были благодарные. Конечно, ведь не даром страна называлась Страной слухачей. Теперь же слушатели были явно взбудоражены. Они обсуждали сказанное Янешем, то и дело перебивая друг друга, то соглашаясь, то опять начиная отчаянно спорить.

И пока взрослые увлеченно дискутировали, девочка взяла совсем уже исписанный уголек и нарисовала на стене три буквы: «ЯСЯ».

— Яся, — прочитал Янеш и добавил, — тебя зовут Яся?

Девочка кивнула и покраснела. И Янеш вдруг понял, что ему очень нравится эта рыжая, смешно краснеющая девчонка. И внутри у него защемило так, что он был готов сделать для этой Яси все, что угодно. Готов совершить самое невероятное. Только вот никак не придумывалось, что именно.

Пауза непозволительно затягивалась. И чем дольше Янеш молчал, тем труднее было ему заговорить.

Положение спасли вернувшиеся, весьма кстати, пушистые. Мусьма сразу вспрыгнула Янешу на плечо, а Торстур провел пушистым боком по ногам Яси, дал себя погладить, а потом противным голосом сказал:

— Меня гладить мало. Меня кормить нужно, — и подумав, добавил, — много.

Яся засмеялась и повела его в дом. Туда же пошел и Янеш вместе с Мусьмой. Взрослые все еще продолжали обсуждать перспективы так нежданно-негаданно свалившегося на них умения.

Яся была похожа на свою маму не только внешне — зайдя в дом, она принялась так же сноровисто собирать на стол угощение для пушистых, предварительно осведомившись, где тем будет привычнее — за столом или все-таки на полу.

Торстур запросто ел из мисочки и на полу, но ему хотелось покрасоваться, и он ответил, что они не какие-то там коты, а пушистые помощники самого Кверхногого волшебника. И потому ВСЕГДА едят за столом. Насчет всегда Торстур, конечно, врал. И

при этом даже не краснел. Но, как известно, коты вообще не краснеют, даже когда врут. И пока пушистые ели, и Янеш на них глядя, тоже приложился к плюшечкам, Яся не замолкала.

Каких только вопросов не задавала эта рыжая! И правда ли, что есть книги, или это все выдумки, и легко ли научиться писать и читать. И еще сотни и тысячи вопросов. Хорошо, что Янеш ничего не слышал, а то Яся, наверное, ему разонравилась бы. А пока он с удовольствием объедался плюшками и любовался Ясиным курносым носом в конопушках, сияющими глазищами, какого-то прозрачно-зеленого цвета, ее ловкими сноровистыми движениями.

Но всему приходит конец. Идиллию оборвал зашедший чиновник, который что-то сказал. Янеш посадил на плечо Мусьму. Кошке это не понравилось — она не доела и не умылась. Но тем не менее, она коснулась мордочкой его головы.

— Повторите еще раз, — попросил Янеш чиновника и тот час услышал: — Нам пора идти. Правителей нельзя заставлять долго ждать, даже таких добрых и покладистых, как наш Ушан III.

— Пусть пушистые доедят, это быстро, — сказал в ответ Янеш, — минут через десять мы пойдем.

Чиновник удивился, что его так легко поняли, но он был очень воспитанный. Поэтому он только кивнул и, ничего не сказав, вышел.

Не прошло и десяти минут, как Янеш и чиновники распрощались с радушными хозяевами и рыжей Ясей, вышли на улицу и направились ко дворцу.

Сытая и чистенькая Мусьма восседала на правом плече, Торстур важно вышагивал рядом. Чиновники вновь приосанились и вид имели надутый, важный и очень деловой, что, впрочем, было свойственно чиновникам всех миров.

Вечерело. Жители города Созвучие все так же продолжали петь. Если их дневные песни были веселы, вселяли бодрость и поднимали настроение, то вечерние песни звучали более плавно и напевно. Наверно, они помогали лучше расслабиться, отдохнуть после дневной работы уставшим рукам и ногам. Кое-где слышались колыбельные, которые мамы напевали своим младенцам, укладывая их спать.

Когда наша процессия добралась до дворца, уже почти совсем стемнело. Во всех залах горели свечи, звучала красивая, торжественно-спокойная музыка. Чувствовалась атмосфера праздника. Янешу все это живо напоминало прошлое Рождество. Не хватало только запахов елки и мандаринов. Мусьма касалась Янеша своей головой, и он слышал все, правда не своими, а кошачьими ушами.

Правитель Ушан III был высоким, худым и очень ушастым. Уши у него были крупные, вытянутые в длину и слегка оттопырены. Он улыбнулся и поздоровался с вошедшими первым.

— Оставим церемонии, — добавил Правитель, — сегодня вечером вы все мои гости. По законам гостеприимства я должен предложить вам послушать пение лучших певцов королевства, но до меня уже донеслись отзвуки твоей, Янеш, странности. Ты на самом деле ничего не слышишь?

— На самом деле я слышу, — ответил чуть смущенный Янеш, — но для спасения вашего мира со мною что-то происходит в ваших странах. У глядачей я ничего не видел, здесь — ничего не слышу. Таковы условия, — и он пожал плечами.

— Как это наверно тяжело — ничего не слышать? — сказал Ушан III.

Янеш повернулся к Правителю и до него долетел тяжелый запах жженой ткани.

— Я, конечно, не слышу. Но зато вижу и чую. И мой нос говорит мне, что где-то рядом что-то горит.

Чиновники и Ушан на мгновение замерли, прислушиваясь. А потом все, как по команде, кинулись к висевшему на стене ковру, рядом с троном. И вовремя! Ковер вдруг заполыхал ярким пламенем. Поднялась суматоха. Кто-то тащил ведра с водой, кто-то срывал злосчастный ковер на пол и топтал ногами. Натертый мастикой паркет тоже задымился, и стало трудно дышать. Ушан подскочил к Янешу, схватил его за руку, и они быстро покинули горящую залу.

— Не волнуйся, — сказал Ушан, — его быстро потушат. И добавил, как бы про себя, — вот что может быть из-за одной упавшей свечи.

— А я люблю свечи, — отозвался Янеш, — Это так красиво. Только у нас дома их редко зажигают.

— Вы что же, в темноте сидите? — удивился Ушан.

— Нет, — засмеялся Янеш, — у нас электричество. Лампочки повсюду горят.

Ушан с сомнением покачал головой. Видно, про электричество здесь, тоже ничего не слыхали.

— В ваших странах есть много волшебного. — сказал он. — но давай начнем с чтения и писания.

— Давайте, — согласился Янеш.

— Надеюсь, ты погостишь у нас, пока мы не научимся?

Янеш задумался. Сам он научился читать давно, и какое это займет время, понять было сложно.

— Я не смогу у вас остаться надолго. Но читать — это не сложно. Главное выучить буквы.

— А сколько их? — спросил Ушан.

— Всего тридцать три, — успокоил его Янеш.

Правитель задумался. Букв было много. И если хотя бы одну забудешь — спросить будет не у кого.

Мусьма, сидящая на плече у Янеша, выразительно, во всю пасть зевнула. Торстур давно уже спал в соседнем кресле, и лапы его подрагивали во сне. Кошке уже надоели все эти разговоры, дым, суета и вообще, плечо у Янеша было щуплое и неудобное.

— Мусьмочка тоже хочет спать, — сказал Янеш. — а без нее я вас не услышу.

— Сейчас вас отведут в ваши комнаты, — чуть смущенно ответил Правитель. Ему было интересно беседовать с этим юным волшебником, и он совсем забыл, что уже поздно и пора на покой.

Янешу же спать еще не хотелось, но и говорить он уже устал. Поэтому, уходя, он спросил:

— Скажите, а можно сделать так, что бы мне принесли тридцать три небольшие дощечки и кусочек угля?

— Конечно можно. И если волшебник Янеш не возражает, к нему пригласят мастера краснодеревщика, чтобы Янеш сам объяснил, что именно ему необходимо.

Янеш не возражал. И Правитель Ушан сам проводил их в отведенные покои.

Пушистые, все осмотрев и обнюхав, свернулись клубочками в мягких креслах. Янеш оглядевшись, подошел к камину и стал вглядываться в его нутро в поисках подходящего уголька. И тут сверху раздался голос:

— Привет, Янеш!

Янеш вздрогнул и уронил кочергу, которой ворошил остатки в камине. Потом он поднял голову и взглянул вверх. Там, в каминной трубе, головою вниз, висел дративар Менг.

— Как ты там оказался? — спросил ошарашенный Янеш, — и чего там сидишь? Спускайся сюда!

— Не, туда мне нельзя, — ответил дративар, — мне на землю этого мира спускаться не велено. Меня послали тебя предупредить — ровно в полночь тебе нужно тихо выйти отсюда и сесть в лодку на пристани. Дальше тебя понесет река. Иначе тебя застанет, не к ночи будь помянут — сам знаешь, кто.

— Опять бежать и опять ночью, — уныло сказал Янеш, — а мне еще читать их научить.

— Мы им букварь пришлем.

— И детские сказки, — вспомнив про Ясю, добавил Янеш, — и еще книгу о том, как делают бумагу и чернила.

— Запросто, — ответил Менг, — вот уже мастер идет с помощниками. Кстати, можешь им буквы показать. Напиши их

сажей, ее тут валом. И главное, выпроводи их поскорее.

И Менг, зашуршав в трубе, исчез.

В тот же момент в дверь постучали. И действительно, это был мастер и шесть его помощников. Они принесли кучу досочек, размером с табуретную крышку. Янеш нерешительно посмотрел на них. Он не ожидал, что досочки будут такими крупными. Впрочем, это не меняло дело.

— Несите их сюда, к камину, — распорядился он и добавил, — Мусьма спит, и я вас не слышу.

Вошедшие переглянулись. Они совсем не поняли, как между собой связаны возможность слышать, и какая-то там Мусьма. Но, тем не менее, они осторожно сложили свою ношу у камина.

Янеш взял одну дощечку, пошарил пальцем по внутренней стороне дымохода. Да, сажи там было валом. И какой! Черной, жирной, в общем, что надо.

Нарисовав пальцем большую букву «А», он показал ее стоящим рядом и назвал;

— Вот это буква «А». Читается так — «А», — объяснил Янеш.

Мастер и все подмастерья смотрели во все глаза. Янеш взял одну за другой еще пять дощечек и нарисовал на них буквы Е С, М, Р, и Т.

— Одна буква мало что значит, — объяснял он, — но из нескольких букв можно составить слово. И вообще, всего букв тридцать три, а слов миллионы.

Говоря это, Янеш расположил на полу надписанные дощечки и прочитал полученное слово: получилось — «МАСТЕР» — и тут его осенило! Он вдруг придумал, как сделать так, чтобы буквы запомнились. И, посмотрев на мастера, он произнес:

— Вы, мастер, запомните все буквы этого слова, это будут ваши буквы.

И дело пошло веселее. Одному подмастерью досталось слово «ЕЛКИ», следующему — «ЦЕХ». Еще было слово «ПЬЮ» и все засмеялись, потому что подмастерье, которому оно досталось, был не дурак выпить. Другому подмастерью, самому маленькому, Янеш дал сразу два слова «НОВЫЙ ЗУБ». Предпоследнему достались пять букв «ГД», «ЧЩЯ». Янеш разделил их на две группы ГД и ЧЩЯ.

— Запомнить легко — это слова: «где чаща».

Последний получил три буквы «ШРФ», то есть слово «ШАРФ».

— Из этих букв можно составить все слова, какие есть в вашем мире, — сказал им напоследок Янош, и вдруг зевнул. Мастер, увидев это, заторопил своих помощников. Каждый собрал дощечки со своими буквами-словами и Янеш остался один.

В каминной трубе зашуршало, посыпалась сажа. Янеш понял,

что это опять появился дративар. Когда сажа перестала сыпаться, Яне осторожно заглянул наверх.

Дративар, а это был, конечно, он, протягивал ему три обещанные книги и пенал с ручками и карандашами.

— Клади на видное место и поторапливайся. Ты здесь всем так понравился, что Ушан тебя просто так не выпустит. Так что буди помощников и давай ко мне в камин. Будем уходить по крышам.

Да, на камины Янешу везло. И тут возникла еще одна проблема — пушистые. Если Янеш мог подняться по скобам, то для них это, увы! совсем непросто. Но и эту проблему удалось решить.

Мусьма, как обычно, вспрыгнула на плечи к Янешу, а Торстура подсадили к дративару. Впрочем, лезть пришлось недолго. Над головой показались звезды и вот уже наши друзья, кто осторожно, а кто и смело, идут по крыше. Дративар указывал направление и при необходимости переносил всех троих через промежутки между домами.

Янешу все это жутко нравилось. Год назад он прочитал книжку про Карлсона, который живет на крыше, и очень завидовал этому Малышу. Янешу тоже хотелось побродить по крышам ночью или даже днем. И что бы рядом был кто-то, с моторчиком. Хотя дративар его тоже устраивал. И вот последняя крыша.

— Лодка там, — дративар махнул лапой куда-то вниз и влево, затем, подхватив Янеша, снизился, опустил его на землю, звучно хлопнул ушами и исчез, даже не попрощавшись. Янеш с пушистыми пошли в указанном направлении. Лодка действительно была там.

Пушистым совсем не хотелось забираться в раскачивающуюся лодку, и Янешу пришлось потратить немало усилий на уговоры и увещевания, но это ни к чему не привело.

Тогда компания решила разделиться. Янеш поплывет на лодке, а пушистые побегут следом по берегу. Отмотав привязь, Янеш впрыгнул. От толчка лодка качнулась и отошла от пристани. Река плавно подхватила ее и понесла в ночь.

Приятно было сидеть и смотреть по сторонам, а особенно — на звезды. И что бы было удобней, Янеш осторожно опустился на дно лодки и лег. Теперь он видел все звездное небо прямо перед собой. Это было завораживающее зрелище. Звезды мерцали, отсвечивая то голубым, то зеленым, то каким-то красноватым светом. И месяц, тоненький серпик, добавлял всей картине какой-то необъяснимо трогательной прелести. У Янеша даже дух захватило от красоты и величия открывающейся перед ним

вечности.

Лодку несло течением все дальше и дальше. И если бы Янеш мог слышать, то он наверняка обратил бы внимание на нарастающий шум. Но Янеш смотрел на звезды, ему было легко и спокойно, а лодку тем временем, вынесло на середину реки. Течение здесь было гораздо быстрее. Янеш все продолжал смотреть вверх. Ему особенно понравилась вон та большая звезда, что слегка мерцала голубоватым цветом.

Шум между тем нарастал. А все дело было в том, что река Говоруша начиналась как бы из ниоткуда. Просто в горах Верхоглядья, немного выше водопада со сплюховым зеркалом, из-под камня вырывался водный поток и тек себе через всю страну Слухачей под названием реки Говоруши. И на границе с графством Лизунов поток заканчивался новым водопадом.

Вода с грохотом низвергалась в огромную каменную расщелину и исчезала под землей.

Всех этих подробностей Янеш, конечно же, не знал. Он мирно лежал на дне лодки и вглядывался в ночное звездное небо. Он всматривался в него так долго и пристально, что в какой-то момент показалось, что он падает туда, вверх, в эту черную звездную пустоту…

Впрочем, насчет падать, это ему уже не казалось. Лодка, почему-то вдруг встала на дыбы, и в этом положении заскользила вниз. Янеш, вздохнул, чтобы закричать, но не успел. Вода накрыла его и потянула все глубже и глубже. Янеш пытался брыкаться, грести руками и ногами, но вода обвивала его своими струями и утягивала в подземелье. Воздух заканчивался. Янеш из последних сил дернулся, замолотил руками по этим противным струям и вдруг отчетливо услышал мамин голос:

— Если ты будешь так брыкаться, то я тебя будить больше не приду.

— А если не буду брыкаться, то утону, — ответил ей Янеш.

— Тебя спасти? — спросил мамин голос участливо.

— Спаси и скорее, — закричал Янеш.

И Янеш почувствовал, как мамины руки пролезли в сон, бережно взяли его поперек туловища и потянули.

— Все, открывай глаза, — сказала мама, — ты уже дома и совсем проснулся.

Янеш осторожно открыл один глаз, потом второй. И вздохнул с облегчением. Он действительно проснулся.

Глава X

Янеш завтракал. Мама, проверяя его домашние задания, то удовлетворенно хмыкала, то беззвучно шевелила губами и пожимала плечами. Но вот брови ее удивленно поползли вверх. Янеш внутренне подобрался. Вообще-то, он учился хорошо. Но была одна проблема, с английским. Произношение у Янеша было классное, новые слова он запоминал легко, но правильно, грамотно написать, увы, не мог. Поэтому оценки у него были всякие — хорошие за устные ответы и совсем не хорошие — за письменные. На них-то и смотрела его мама сейчас.

— Давно это у тебя? — с интересом спросила она.

Янеш кивнул. Разговор этот был ему неприятен и поэтому он делал вид, что всецело занят булочкой.

— И что ты думаешь делать по этому поводу? — продолжала мама. Ей этот разговор тоже не нравился, но оставлять все так, как есть, она не собиралась.

— Я стараюсь, — удрученно ответил Янеш.

— А ты перестань стараться, — посоветовала мама, — Чем больше стараешься, тем труднее это становится.

— Почему? — от удивления Янеш даже жевать перестал.

— Потому, что на старание расходуется много энергии и еще, если надо постараться, значит перед тобой задача не из легких и, возможно, что ты и не справишься. Поэтому стараться и не нужно. Выбери кого-нибудь, кто пишет грамотно и попроси рассказать, как это получается. И сделай то же самое.

— А получится? — с сомнением спросил Янеш.

— Получится, — успокоила его мама, — не знаю как, но получится.

С тем Янеш и отправился. Английский был четвертым уроком. Алла Игоревна объявила оценки по диктанту, что писали уроком раньше. Янеш сидел понурившись. Опять двойка. И даже то, что за выученную дома тему он получил пять, его нисколько не радовало. Опять предстояло объяснение с мамой. Впрочем, может действительно попробовать кого-нибудь расспросить, как это делается? А кого? Кто лучше всех пишет диктанты? Катька Борисова. Но она жуткая задавака. Можно еще спросить у Жени Биржаковой. Но признавать в чем-то превосходство девчонок, Янешу совсем не хотелось. А мальчишки писали диктанты немногим лучше его самого. И тут его осенило. Лучше всех диктанты пишет, конечно же, Алла Игоревна.

И сразу, после урока Янеш подошел к ней и сказал:

— Алла Игоревна, а вы сами по-английски пишите без

ошибок?

Такая постановка вопроса просто ошарашила учительницу, и она хотела сказать что-то резкое, но сдержалась, ведь Янеш спросил спокойным, вежливым тоном.

— Без ошибок, Петровский. А почему ты об этом спрашиваешь? У тебя есть сомнения?

— Нет, — ответил Янеш и продолжил, — тогда покажите, как вы узнаете, что написали правильно?

Алла Игоревна еще больше удивилась. О таких вещах ее еще никогда не спрашивали. Но это было интересно. Как же, действительно, она узнает, что пишет правильно? Она взяла ручку и листок бумаги.

— Диктуй.

— Я хочу знать, как правильно писать слова, — продиктовал Янеш, во все глаза глядя на учительницу.

И в какой-то момент Янеш увидел, что она на мгновение подняла глаза в влево вверх, потом посмотрела вниз, на листок, написала слово, а затем вновь подняла глаза туда же, чуть помедлила и, опустив опять глаза к месту, быстро дописала остальное. И посмотрела на Янеша.

— Ты доволен?

— Да, а вот слово «правильно». Мне не совсем ясно, как вы узнали, что писать нужно так?

— Почему именно это слово? — спросила Алла Игоревна, а про себя подумала, что Янеш очень наблюдательный. Ведь именно на этом слове она слегка запнулась.

— Все остальные вы писали быстро, — пожал плечами Янеш, — а на этом остановились, посмотрели вот так, как будто что-то вспоминая, а потом написали и снова так же посмотрели.

Алла Игоревна подняла глаза влево вверх, как и показывал Янеш, и вдруг, совершенно неожиданно для себя, увидела это слово. Оно было как напечатанное жирными черными буквами. Это ее так поразило, что какое-то время ушло на то, что бы перестать разглядывать слово, которое стало совсем уже издевательски переливаться всеми красками. И тут зазвенел спасительный звонок.

— Иди, Петровский, иди, — сказала Алла Игоревна, вновь превращаясь в строгую «англичанку».

— Да, вы не бойтесь, Алла Игоревна, я никому не скажу, — сказал Янеш.

— Что не скажешь? — удивилась та.

— Что вы правильные слова внутри себя видите, а потом списываете.

Учительница вздрогнула. Откуда этот Петровский мог узнать,

что она увидела это чертово слово? Надо будет присмотреться к этому мальчику. Не прост, ох не прост. А все же интересно. Может быть, это и есть тот способ, которому можно обучить этих двоечников. Хорошо бы, а то опять на педсовете обращали внимание на низкую успеваемость. И с этими мыслями Алла Игоревна направилась на урок в 7 «Б».

А Янеш, сидя на уроке, думал только об одном: не забыть бы, постараться не забыть, как это делается, твердил он себе. И вспомнив мамины слова о старании, поправил сам себя — не стараться, а просто не забыть.

Затем он на минутку отвлекся, чтобы записать задание, и когда попытался вернуться к прежней мысли, обнаружил, что не помнит, что же нужно не забыть. И так горько ему стало, что аж в носу защипало. Как будто потерял что-то очень дорогое. И до конца дня настроение безвозвратно испорчено. Поэтому, когда Аня Синицина пригласила его вечером к себе на день рождения, Янеш, неожиданно для себя согласился. И тут же отказался пойти к Сереже Яковлеву смотреть марки, хотя это ему было куда интересней. Янеш давно напрашивался к этому Яковлеву, но тот важничал, говорил, что ему некогда или, что у мамы гости, в общем, набивал цену себе и своим маркам. А сегодня, надо же, сам предложил.

— Все потому, что его к Ане не пригласили, — мстительно думал Янеш, медленно пиная консервную банку. Домой идти совсем не хотелось. Но хотелось есть. Поэтому Янеш все же шел домой, но очень медленно.

Мамы еще не было. И тут Янеш вспомнил — День рожденья! А у него нет подарка и вообще не ясно, что дарить этим девчонкам.

Можно было бы подождать маму, но Янешу не терпелось. Он подсел к телефону и набрал папин номер.

— Привет, па! Ты занят?

— Да, у меня совещание.

— Тогда я быстро. Меня Анька на день рождения пригласила, а у меня нет подарка, и я не знаю, что девчонкам дарят.

Папа некоторое время молчал, а потом сказал:

— Я переключу тебя на Сергея, он поможет, — и отключился.

Сергея Янеш знал. Это был папин помощник, молодой парень в очках, длинный, нескладный, но очень умный и подающий надежды, как говорил папа. Янеш не очень понимал, кому он подает эти надежды, но Сергей ему нравился.

А в трубке, между тем, что-то щелкнуло и.

— Привет, Евгений, — Сергей был единственным, кто называл Янеша полным именем.

— Привет, — ответил Янеш.

— Какие проблемы, старик?

— Не знаю, что на день рождения Аньке подарить.

— Куклу подари. Девчонки кукол любят.

— Она же не маленькая, ей уже десять.

— Ну, тогда подари духи.

— Ты что! — закричал Янеш, — зачем ей духи?

— Тю, — сказал Сергей. Он всегда так говорил, когда удивлялся, — тогда остается — джентельменски набор — коробку конфет и цветы.

Янеш задумался, потом представил, как он будет выглядеть с конфетами и цветами. Получалось не плохо.

— Это подойдет, — сказал он примирительно, — но я у папы хотел еще денег на подарок взять.

— Нет проблем, — ответил Сергей, — сейчас я попрошу Светочку, она купит и цветы, и конфеты, а Толик минут через пятнадцать поедет с товаром в «Олесю» и завезет. Вопросы есть?

Вопросов у Янеша не было. Поэтому он поблагодарил и повесил трубку. И стал представлять, Вот Светочка, маленькая светловолосая курьерша идет в магазин напротив и выходит с большой коробкой конфет. Потом она направляется в переход метро и выбирает букет. Ого, какой выбрала! С меня ростом, думал Янеш.

Нет, с таким дурацким букетом я не пойду. О, ей он тоже не нравится. А какой же? Вот, если бы вон ту корзиночку с маленькими розочками. Точно. Вот Светочка считает розочки, и что-то говорит продавщице. Та смеется и добавляет в корзинку еще одну.

Янеш мечтал до тех пор, пока в дверь не позвонили. Это был Толик, он развозил товар по магазинам папиной фирмы. Кстати, папа Янеша отнюдь не был на фирме самым главным. Но его все любили и никогда не отказывали.

Янеш открыл дверь — Толик держал большую коробку конфет и ту самую корзинку с маленькими розовыми розочками.

— Спасибо, — сказал Янеш.

— На здоровье, — ответил Толик и махнул рукой, — желаю повеселиться, как следует.

И стал быстро спускаться вниз. Выбиваться из графика ему не хотелось. Янеш все еще любовался цветами, когда пришла мама.

— Откуда такая красота? — поинтересовалась она с порога.

— Это подарок для Аньки, она меня на день рождения пригласила.

— Достойный подарок, — сказала мама, — сам придумал?

— Сергей папин посоветовал. Он и организовал.

— Молодец, растешь, — сказала мама и поцеловала Янеша в макушку.

— Я — молодец? — удивился тот.

— Ты молодец, — повторила мама.

— Так это все Сергей придумал.

— Сергей тоже молодец. Молодец, что придумал, и что все организовал. А ты — молодец, что правильно обратился. Иногда, что бы достичь желаемого, необходимо правильно подключить других. И здесь — важно к кому обратиться. Если бы ты попросил Толика — он бы тебе отказал. Помогать тебе — это не в его компетенции. Если бы ты обратился, например, к Марку Алексеевичу, папиному начальнику, то мог бы запросто нарваться на грубость. И тоже бы ничего не получилось. А ты позвонил папе, тот отправил тебя к Сергею. Если бы ты заупрямился и решил иметь дело только с папой, то вообще бы ничего не получил. Папа, наверное, был занят и ему не до подарков.

Мама рассуждала правильно. Но Янешу показалось, что она все очень усложняет. Ведь было все просто. Просто позвонил, и все решилось. Хотя, наверное, мама права. Янеш на самом деле позвонил правильно.

— Что с английским? — спросила мама, наливая суп.

— Семь, — кратко ответил Янеш.

— По какой системе? — мама от удивления перестала наливать и капли супа падали в кастрюлю.

— По пятибалльной, — Янешу было жутко неловко, и он добавил, — за тему пять, а остальное за диктант.

Мама только вздохнула.

— А мое задание выполнил?

— Выполнил. Но теперь все забыл. Всю математику сидел и думал: «не забыть, не забыть», а потом вдруг раз и все забыл.

— Ты попался в ловушку «не», — задумчиво сказала мама.

— Как это — ловушка «не»?

— Набери полную ложку, — сказала мама, ставя суп перед Янешем, — и неси ее медленно. НЕ ПРОЛЕЙ!

И только она сказала «не пролей», как рука у Янеша дернулась, и суп из ложки пролился. Мама спокойно вытерла со стола.

— Понял? — спросила она.

Янеш пожал плечами.

— Хорошо, — сказала мама, — набери еще ложку и смотри НЕ ПРОЛЕЙ!

И суп снова пролился. Мама спокойно вытерла со стола.

— Не думай о супе, — посоветовала она, улыбаясь, — не думай о том, как он пахнет, не думай о том, что он вкусный…

И Янешу вдруг так запахло гороховым супом с копченостями и так вдруг его захотелось… Мама уже веселилась во всю. Она подмигнула Янешу и сказала:

— Сейчас прольешь.

— Не пролью, — ответил он и, конечно же, снова пролил на стол.

У мамы даже слезы по щекам покатились, так она смеялась. Янеш, глядя на нее, тоже смеялся, хотя не совсем понимал, в чем же тут дело. Отсмеявшись, мама вытерла со стола и принялась за свой суп.

— Не пролей, — съехидничал Янеш.

— Ну, что ты! Я осторожно, — ответила мама и не пролила ни капельки.

Янеш задумался. Когда мама говорила «не пролей», его как под руку кто толкал.

— Ма, это ты наколдовала, чтобы я проливал? — подозрительно спросил Янеш.

— Сидит чукча на дереве, — сказала мама вместо ответа, — и пилит ветку, на которой сидит. Мимо идет русский и говорит: «Чукча, свалишься!» Чукча пилит дальше. Пилил, пилил и свалился. Свалился и говорит: «МА, это ты наколдовала, чтобы я проливал?»

Янеш чуть супом не подавился от смеха, так неожиданна была концовка у знакомого анекдота.

Мама невозмутимо ела суп. Янеш еще подумал некоторое время, а потом сказал:

— Получается, если говорить «не пролей», то обязательно прольешь?

— Ну, — сказала мама, — не обязательно, но скорее всего.

— А почему?

— Потому, что наш мозг так устроен. Ему для того, что бы понять, что НЕ делать, нужно сначала начать делать, а потом уже НЕ делать, то есть перестать. Но перестать не всегда успеваешь. Вот и получается — говоришь «не пролей», а рука начинает дрожать, и все льется мимо.

— А как же быть?

— Скажи: «следи за супом» или «внимательно!», или «осторожно!». Что бы частица «не» отсутствовала. Даже правило такое есть: «Частица „Не“ не усваивается».

— Это получается, что когда я говорил себе: «не забудь», то мозг думал, что «забудь»?

— Примерно так. Нужно было сказать: «Я помню».

— И все? Просто: «Я помню»? — спросил Янеш, — и вдруг все вспомнил.

— Ма, я вспомнил! — закричал он и опять запачкал супом стол. Он проделывал это сегодня не впервой, и столу даже начало нравиться.

Мама улыбнулась.

— Я выбрал Аллу Игоревну. Она, когда сложное слово, смотрит влево вверх и видит его там. Видит, как оно написано, а потом опускает глаза вниз и пишет. Я тоже так смогу.

— Давай, попробуем, — сказала мама.

Янеш быстро достал бумагу и ручку.

— Диктуй.

— Праздник будет вечером, — сказала мама.

Слово «праздник» не было легким. Янеш поднял глаза вверх, посмотрел на появившееся слово и вдруг засомневался.

— Ма, а вдруг я его там, — и он показал рукой, — вижу не правильно?

— А ты проверь, — посоветовала мама, — опусти глаза вправо вниз и почувствуй.

Янеш так и сделал. Ощущения показали, что слово правильно. То есть Янеш внутренне с этим согласен. Он еще раз поднял глаза вверх, посмотреть. Мама, заметив это, спросила:

— Ты отчетливо видишь это слово?

— Вполне.

— Тогда прочитай его наоборот.

— Киндзарп, — без запинки ответил Янеш, — а зачем?

— Видишь ли, — сказала мама, — те, кто пишет правильно, всегда пользуются этой стратегией. То есть они смотрят, как слово пишется, а потом проверяют, согласны ли внутренне с этим или нет. И, если нет, то еще раз смотрят. Даже техника есть такая, «спеллинг» называется. Техника грамотного письма.

— А я как писал?

— А ты слово слышал, и писал так, как слышится, отсюда и ошибки. Кстати, произнести слово наоборот, если ты его не видишь, а слышишь, достаточно трудно.

— Интересно, — сказал Янеш, — я теперь всегда буду правильно писать?

— Если будешь пользоваться этой стратегией, — добавила мама.

— А я не забуду? — спросил Янеш и тут же, вспомнив про частицу «не», добавил, — а я буду об этом помнить?

— Сначала повспоминаешь, — пожала плечами мама, — а потом привыкнешь, и даже думать об этом не придется, само собой будет получаться.

И они потренировались еще немного. Получалось просто фантастически здорово! До праздника оставалось еще время, и

Янеш занялся уроками. Нельзя сказать, что этого ему так уж хотелось, но мама настояла, сказав, что вечером ему тем более делать их не захочется.

Вскоре с уроками было покончено, портфель собран и Янеш, умытый и приодетый, был готов. Мама, отправляясь на работу (она и так задержалась), подвезла его прямо к Анькиному дому, предупредив, что ровно в восемь за ним заедет.

Янеш поднялся на третий этаж и позвонил. Он вдруг понял, что совершенно не знает, что нужно говорить. И тут дверь открылась. На пороге стояла Анька. Но не та Анька, которую он знал, нет. Это была совсем другая девочка в красивом длинном голубом платье. И в тоже время, это была она, но язык бы не повернулся назвать ее Анькой. Это была Аня, Анечка, Анна на худой конец.

— Что ты стоишь, как столб, Петровский? — капризно спросила она, — заходи.

И все прошло очарование. Это была все та же Анька — капризная, вредная, и хорошенькая.

— Это тебе, — сказал Янеш, протягивая конфеты и цветы.

Он уже был не рад, что пришел.

Гости все приходили. Кроме него из их класса было совсем немного, и только девочки. Остальные же были постарше.

Последним пришел совсем взрослый мальчишка, лет эдак четырнадцати. Он тоже подарил Ане коробку конфет и цветы, тот самый огромный букет, что был в фантазиях Янеша. Впрочем, этот мальчик не чувствовал себя с ним по-дурацки.

Он ловко вручил букет Аньке, смело поцеловал ее в щеку и прошел к остальным.

То час же всех пригласили к столу, и было ясно, что ждали именно этого мальчика. Янешу он не понравился. Было в нем что-то такое, что Янеш вряд ли смог бы назвать, но, тем не менее, это было неприятно.

Все усаживались за стол. Именинница сидела во главе, по правую руку устроился этот противный Вова, по левую усадили Янеша.

Было подано много всяких вкусностей, пирожных, фруктов и даже мороженное. И на какое-то время Янеш отвлекся от Ани с ее взрослым кавалером. Рядом какой-то мальчик рассказывал о том, как он был в цирке на репетиции. Это было очень интересно. Особенно понравился Янешу момент, когда молодых зверят выводят на арену, и в совсем пустом зале включают запись оваций, криков, хохота. Что бы звери привыкали к шуму и вели себя спокойно и естественно.

Потом Янеш опять обратил внимание на Вову. Тот что-то

рассказывал Ане, размахивая длинными руками и все время поглядывая вправо вверх. У Янеша перед глазами вдруг встал мамин плакат про визуалов, потом изображение сместилось, и от плаката остался только кусочек с мордашкой и подписью внизу: «визуальное конструирование, фантазия в картинках». И Янеш понял, что все, что говорит Вова о своих подвигах, это не очень-то правда. Даже вовсе не правда. Но Аня слушала с восторгом, в нужных местах охала, и вообще, проявляла максимум внимания к этому Вове. Отправив в рот очередную ложку мороженного, Янеш сказал:

— Не слушай его, Синицына, он все придумывает. Красочно, в картинках и даже сам иногда верит. Но врет.

Оба: и Аня, и Вова, уставились на Янеша. Вова, тоже зачерпнув мороженного, спросил:

— Почему это я вру?

— Потому, что было не так, как ты говоришь. Не нападали на тебя трое, и ты их вовсе не раскидал. Так, что не вешай лапшу на уши, — и видя, что ложечка, с верхом наполненная мороженным, продолжила свой путь, Янеш ехидно добавил — Не капни!

Рука здоровяка дрогнула, и мороженное упало прямо на брюки. Аня услужливо протянула ему салфетку, но Вова взял со стола другую и стал ожесточенно размазывать липкое пятно.

Лицо его побагровело, было видно, что ему очень хочется треснуть Янеша, но он сдержался. Оттерев пятно, он сказал Ане:

— Спасибо, было очень вкусно. Еще раз поздравляю, был рад тебя видеть.

Анино личико вытянулось.

— Ты уходишь? Ну побудь с нами еще, — заканючила она.

Вова победоносно посмотрел на Янеша и, не отрывая от него взгляда, сказал:

— Я уже вышел из возраста второклашек.

— Да, — не растерялся Янеш, — а врешь, как дошкольник.

Вова стал выбираться из-за стола, Анька сидела с расстроенным видом и Янеш, желая приободрить ее, сказал:

— Пусть идет, одним конкурентом на торт будет меньше.

И, мальчик, что рассказывал про цирк, поддакнул:

— Да, нам больше достанется, — видно его тоже заело, что Аня, кроме Вовы, ни с кем не разговаривает.

— Раз так, Петровский, — сказала она, — то я тебя тоже видеть не желаю.

— Пожалуйста, — ответил Янеш и встал.

Его сосед тоже поднялся:

— Я, пожалуй, тоже пойду, — и они пошли в прихожую. Навстречу им из кухни вышла мама, она несла большой красивый

торт с зажженными свечами.

— Вы куда, мальчики? — спросила она.

— Нам пора, — за всех ответил «сосед».

— А торт? Нет, я вас так не отпущу, — решила мама, — держи и неси в комнату.

И она вручила «соседу» торт. Тот послушно понес его к столу. Оттуда донеслись восторженные крики.

— Ну, что вы, Вова, Янеш?

— У меня тренировка, теть Свет, — опять соврал Вова.

— А меня мама ждет, — ответил Янеш и быстро «перевел стрелки», — все было очень вкусно, особенно мороженное. Вы сами придумали добавлять туда ананас? Я тоже у мамы попрошу. И добавил:

— Мне пора, спасибо.

Тетя Света открыла им дверь. Вниз спускались молча. Янеш слегка опасался получить по шее, но вроде бы Вова уже успокоился.

— Тебя действительно мама ждет? — спросил он с усмешкой.

— Нет, она подъедет за мной к восьми, — ответил Янеш, — я соврал, как и ты.

— Ты, что мысли читаешь?

— Нет, просто знаю кое-что, — пожал плечами Янеш.

— К восьми, говоришь, мать подъедет? — спросил непонятно почему Вова и неожиданно добавил, — хочешь торта с лимонадом? Пошли.

Янеш остолбенел. Он вполне был готов получить по шее, но вот совсем не ожидал, что этот дылда будет угощать его лимонадом. Впрочем, сладкое Янеш всегда любил.

Они перешли через дорогу, и зашли в кондитерскую. Выбрав столик у окна, чтобы не пропустить маму Янеша, они уселись с бутылкой лимонада и двумя огромными кусками орехового торта.

— Есть такая страна, страна глядачей, — начал Янеш.

— Где это есть? — подозрительно спросил Вова.

— Не знаю, — честно признался Янеш, — во сне где-то, а попал я туда случайно; ткнул пальцем в карту Люсинды и еще пожелал, дурак, там оказаться.

Вова покачал головой.

— Не веришь — не надо, — обиделся Янеш, — я могу не рассказывать.

— Да ладно, — примирительно сказал тот и добавил, — вообще-то я с мелкотой не вожусь. Но у меня здесь в восемь свидание, так что время есть.

— С Анькой? — удивленно спросил Янеш.

Это его так поразило, что он даже «мелкотню» пропустил мимо ушей.

— Я же сказал, с мелкотой не вожусь, при чем тут Аня? Она, кстати, моя троюродная сестра, кузина значит.

— Понятно, — протянул Янеш. Он, почему-то, был рад этому.

— Так, что рассказывай сначала. Что это за карта, что за Люсинда такая?

— Только, чур, — сказал Янеш, — не перебивать и…

— Ладно, ладно, рассказывай, — снова перебил его Вова.

И Янеш стал рассказывать. Про дративара, и про Люсинду. Про пушистых помощников, про Незримого, бдящую стражу и про зеркало Сплюха. Про глядачей-визуалов, слухачей и даже про спеллинг и частицу «не».

Вова-Володя оказался внимательным слушателем. Где-то с недоверием, а где-то с детским любопытством слушал он рассказ Янеша. И когда повествование подошло к концу, он похлопал Янеша по плечу и сказал:

— Классный, ты парень, Ян.

— Я не Ян, я вообще-то Женя, — ответил Янеш.

— А почему Янеш?

— Понимаешь, у нас в классе четыре Жени, три пацана и девчонка. Чтобы отличаться, я и выбрал это имя. Женя, но наоборот.

— Ясно, — протянул Вова. — И что думаешь дальше делать?

— Не знаю, — ответил Янеш, и это было правдой. Даже мысль о том, что придется засыпать и вновь тонуть в том потоке, ему была весьма неприятна.

— Я, помню, как-то читал. — сказал, потягиваясь Вова, — что одному пацану приснился сон — забрался к нему маньяк, схватил прямо с кровати, закатал в ковер и вынес из квартиры. Засунул в машину, привез в лес. А там привязал его к дереву. Пацан трусится так, что зубы лязгают, но бодрится. И спрашивает:

— Что вы со мной будете делать?

На что маньяк отвечает:

— Не знаю, это же твой сон.

Янешу стало смешно, а потом он задумался, а Вова продолжал:

— Ты же в своем сне. Придумай, что ты в скафандре, или в подводной лодке. Нет, лучше, в батискафе.

И он достал ручку и начал рисовать на салфетке. Он нарисовал вид изнутри и снаружи. Было это непонятно, что. Сначала этот «батискаф» имел форму яйца, а потом Вова, увлекшись, добавил ему колеса, манипулятор (скрытый) и лебедку.

Что-то знакомое просматривалось в этом «батискафе». И Янеша вдруг осенило!

— Это же кокон с металлического диска, — сказал он, — можно, я возьму это себе?

— Возьми, — великодушно согласился Вова. Ему все больше нравился этот Янеш.

Даже подумалось, что жаль, у него нет такого братца. Забавный мальчуган. Вовка посмотрел на часы — было без пяти восемь.

— Сейчас твоя маман подъедет, — сказал он.

Янеш встал. Они попрощались, пожав друг другу руки.

Янеш успел дойти до нужного подъезда, когда из-за угла выехал красный «Тико», и мама, открыв дверцу, помахала ему рукой. Янеш сел сзади. Домой доехали быстро.

Перед сном мама зашла к Янешу расспросить, как прошел праздник. И Янеш не стал упоминать ни об инциденте, ни о новом знакомстве. Он любил тайны. Затем, еще раз внимательно рассмотрев рисунок на салфетке, он положил ее под подушку, и тут же уснул.

Глава XI

Вокруг грохотало. Янеша переворачивало, крутило. Но дышалось легко, и он понял, что не тонет. Хотя, вода продолжала тащить его куда-то в глубоком подземелье. Янеш открыл глаза. Ура! Их с Вовкой затея полностью удалась. Янеш сидел в весьма удобном кресле, вернее висел в этом самом кресле, потому что его «кокон» падал вниз прозрачной частью. Руки сами собой потянулись к рулю. Положение изменилось — Янеш летел вниз головой, но лицом в другую сторону. От этого неожиданного поворота Янеш выпустил руль и схватился за что попало. Попал какой-то рычаг и «кокон» изменил угол атаки. Янеш надавил сильнее и чуть не вывалился — теперь он падал животом вниз. Сдвинув рычажок еще дальше, Янеш наконец вернул телу привычное положение. И вовремя. Колеса «кокона» врезались во что-то с огромной силой, Янеша подкинуло так, что не будь ремня, он выбил бы «крышу» собственной головой.

Плюхнувшись обратно, Янеш случайно наступил ногой на педаль и «кокон» рванул вперед с весьма приличной скоростью. Сверху что-то упало прямо на них и перед самым носом, за стеклом Янеш увидел свой мешок с заветными вещами. Нажимая различные кнопки, он таки сумел захватить мешок манипулятором и втащить вовнутрь.

С мешка в кабинке сразу натекло, но Янеша это ничуть не смутило. Он продолжал экспериментировать с различными кнопками, рычагами и тумблерами. Вскоре Янеш совсем освоился с системой управления. Пора было выбираться отсюда. Разглядеть бы только куда — кругом была сплошная темнота, которая только усиливалась от освещенной кабинки.

Немного посидев в раздумье, Янеш решительно развязал мешок, достал Глаз и Ухо. И, о, чудо! Как только он взял в руки Глаз, тот как мощным лучом осветил все, что впереди. И что бы было лучше видно, Янеш погасил свет в батискафе. Пристроив Глаз на ремне, Янеш поднял с колен Ухо. Звуки вокруг стали куда громче, и Янеш убрал Ухо обратно.

Вода промыла под землей много туннелей. Янеш крутился, стараясь разобраться — какой именно выбрать. Потом махнул на это рукой и двинулся прямо. Уровень воды медленно спадал. Янеш полуехал-полуплыл в своем «коконе» и думал о пушистых.

А пушистые тем временем пребывали в совершенно расстроенных чувствах. Они бежали по берегу и, конечно же, слышали тот нарастающий шум. А вскоре и увидели причину. Лодка, несомая рекой, была хорошо видна, но мальчика в ней не

было! Это озадачило пушистых; ведь, если Янеш пристал к берегу и теперь идет пешком, то это опасно! Незримый бродит совсем рядом, а присутствие Уха и Глаза притягивает его, как мед притягивает мух.

— Нет, — сказал Толстур, — не такой он дурак, чтобы идти пешком. Наверно, он просто уснул в этой лодке.

Пушистые переглянулись — эта перспектива им казалась не менее страшной — лодку несло к водопаду, а водопад уходил под землю. И если Янеш спит, то непременно утонет.

Если бы они согласились сесть в лодку! Тогда бы все было хорошо — пушистые сразу бы предупредили Янеша, и лодка причалила бы к берегу. Если бы они только бы согласились! Но ведь всем известно, что коты не любят воду. И пушистые сидели напротив водопада с совершенно поникшим видом. Им было стыдно, что они бросили Янеша, совершенно беспомощного, глухого. И теперь он там, ему угрожает смертельная опасность, а они ничем не могут ему помочь. И так велика была сила их отчаяния, что над их головами стало сгущаться небольшое белое облачко. Потом кто-то сверху закашлял и люсиндиным голосом спросил:

— Что стряслось, что за срочный вызов? — и Люсинда вдруг появилась перед пушистыми.

Они наперебой стали рассказывать ей обо всем, но она остановила их жестом.

— Все понятно. Янеш справится. Ждите его у колодца, — и с этими словами она окуталась остатками облачка и исчезла.

Пушистые приободрились — опасность Янешу не грозит. Но у какого колодца его ждать?

— Пойдем в замок, — сказала Мусьма, — где бы что не произошло, в замке об этом сразу будет известно.

Так они и поступили. Пушистые шли долго, не останавливаясь даже поохотиться — так они торопились.

У ворот наша парочка оказалась с рассветом — запылившиеся, уставшие и голодные. Ворота только-только открылись, и коты легко прошмыгнули внутрь и забрались на крышу какого-то склада. Отсюда им было очень удобно наблюдать за всем двором замка, где суетилось уже не малое количество человек.

Каждый входящий предъявлял свой жетон, который стража пробовала на зуб. Затем стражник и входящий похлопывали друг друга по плечам, и только тогда можно было пройти. Эта процедура заинтересовала пушистых. И они удвоили свое внимание. За крепостной стеной им не было видно, как темная тень появилась со стороны страны слухачей. И приближаясь к

замку, тень делалась плотнее, и вот уже на пыльной дороге появились следы. Сначала легкие и еле видимые, а затем все более отчетливые. И если бы пушистые могли бы видеть, они обратили бы внимание на странную высокую фигуру в черном, что быстро приближалась к воротам замка.

Конечно, мало ли кто высокий может путешествовать в черном. Но была здесь одна пугающая особенность. По дороге то и дело проезжали телеги, груженные разными товарами, проходили группы мужчин и женщин из ближайших деревень. Все они весело переговаривались, узнавали знакомых, здоровались, обменивались новостями. И лишь фигуру в черном никто не замечал.

Дорога, как река, вносила в ворота все новых и новых посетителей. Настал черед и высокого в черном. Зайдя в ворота, он, не останавливаясь, пошел дальше. Стража, словно остолбенев от такой наглости, какое-то время оставалась неподвижной. И высокий уже успел дойти до середины площади, когда, наконец, двое стражников по команде старшего рысью двинулись за ним. Первый, догнав высокого, хотел похлопать его по плечу, но рука прошла сквозь него. И второй, и третий раз была предпринята эта попытка, пока, наконец, до усердного стражника не дошло, что высокий в черном — неосязаем. И тогда вопль ужаса вырвался из его могучей груди. И вопль этот разнесся эхом по всему замку, и вспугнутые вороны, что гнездились на ближних деревьях, взмыли всей стаей, еще больше усиливая поднявшуюся суматоху. И только одно слово повторялось то тут, то там во все усиливающемся шуме. И слово это было «Неосязаемый». Те, кто были во дворе, кинулись к воротам, что бы как можно скорее покинуть замок. Те же, кто был за воротами, торопились войти, чтобы присутствовать лично при непонятных ситуациях. Возникла давка. Истошно визжали прижатые женщины, кого-то, как водится, затоптали. Шум и суматоха, казалось, достигли своего пика, и только высокая фигура в черном все так же целеустремленно двигалась вперед.

Пушистые смотрели на всю эту суету сверху. И только когда Неосязаемый вошел в открытую кем-то дверь, они покинули свой наблюдательный пост и со всех лап помчались по крышам к замку.

А в это время Янеш продолжал себе плыть все дальше и дальше, никуда не сворачивая. И в какой-то момент, он увидел впереди какие-то проблески света. Янеш даже убрал Глаз, чтобы световое пятно было лучше видно. Ему так хотелось скорее выйти на поверхность, что он готов был мчаться на этот свет со всей

возможной скоростью, но добавить газу не решался — слишком неровным — и сверху и снизу, был этот проход. Да еще течение… А кабинка выглядела такой хрупкой, особенно в прозрачной своей части. Поэтому Янеш торопился, но медленно. А свет становился все ближе и ближе и…

И вдруг пропал. А «кокон» со всего маху врезался в стену.

— Ого, — сказал Янеш и обернулся. Свет был позади. И падал он сверху!

Янеш дал обратный ход. Теперь он находился как раз под колодцем, вернее на самом его дне.

Течение здесь было медленней, вода наполняла кругленький бассейнчик, а затем сливалась в небольшую трещину, ведущую куда-то дальше вниз.

Оставалось только подняться. Но это было не простым делом. Во-первых, у «кокона» не оказалось ни двери, ни каких-то других люков. Был, правда небольшой шлюз, но пролезть туда могла разве что Мусьма.

А подниматься по отвесным стенам колодца вместе с «кокономи»… Увы! Летать он не умел. Мог только ездить или плавать.

А что, если… И тут Янеша осенило. Если заткнуть чем-то щель, куда уходит вода, то вода будет набираться, набираться и в конце концов наполнит весь колодец доверху. И можно будет запросто всплыть.

Так Янеш и сделал. Он стал подталкивать своим манипулятором камень за камнем и закрывать им трещину. Пришлось повозиться, но скоро трещина была почти полностью перекрыта. Конечно, вода, она дырочку везде найдет, но прибывало ее значительно больше, чем убывало через оставшиеся отверстия. И медленно, но верно колодец начал наполняться. Оставалось только ждать. Янеш и ждал. Он устал и весьма проголодался. Что бы как-то отвлечься, Янеш достал Хрустальное Ухо и направил его прямо вверх.

А наверху в это время происходило вот что. В замке все готовились к большому приему — у его Вкусачества родилась славная маленькая малышка. Вкусанита, русоволосая пышечка, осыпала малютку поцелуями и приговаривала:

— Сладкое мое солнышко, вкусненькая моя…

Малышка смеялась, а Гурманий-II с умилением наблюдал за обеими… Прислуга сбивалась с ног. Замок не зря называли: «Замок объедалок». Поесть здесь любили. И повара славились на всю округу. Поэтому столы сегодня накрывались на неисчислимое количество приглашенных. Люд из окрестных деревень потянулся

в замок с самого утра, кто для помощи на кухне, кто еще по какой надобности и все — в надежде на щедрое угощение.

Тем более, в народе ходили слухи что, мол, в честь такого праздника, поварам выдадут главное сокровище страны — Хрустальный Язык. А всем известно, что если им прикоснуться к любой пище, то она станет в сто раз вкуснее. Правда, кое-кто злословил по этому поводу на счет мастерства поваров, но их мало кто слушал. И всеобщее ожидание подогревало страсти.

И вот утром, когда приглашенные и все остальные спешили к замку, появился Неосязаемый.

И поэтому или из-за другого какого волшебства, Неосязаемому (а высокий в черном им и был) удалось пройти не только в открытые ворота замка, но и двери на замовскую кухню тоже оказались открытыми для него настежь.

Повара и поварята выставляли готовые блюда на столы, а главный мастер, бережно держа Хрустальный Язык обеими руками, легонько касался им каждого кушанья. Освященное таким образом блюдо тут же уносилось наверх, а его место занимало следующее. Ритуал был в самом разгаре, все присутствующие в полном молчании сноровисто занимались каждый своим делом. Почему в полном молчании? Потому, говорил, бывало, главный мастер, что языком можно или пробовать, или трепать, но никак не все вместе.

Поэтому Янеш, как ни крутил Ухо, не слышал ни одного слова. Он, правда, не знал, что сидит на дне кухонного колодца. А наверху Неосязаемый, а за ним и запыхавшиеся пушистые уже вошли в замковую кухню.

Повара и поварята пытались остановить его, но чем остановить тень? Он легко ускользал, а стоило кому-то встретиться с ним глазами, как мысли начинали путаться, и человек останавливался, забыв, о том, что хотел сделать. И таких становилось все больше и больше. Они неловко топтались, трясли головами, стараясь стряхнуть морок.

И вот Неосязаемый остался с главным мастером один на один. Смекнувший, что к чему, мастер не поднимая глаз, продолжал обеими руками сжимать Хрустальный Язык.

Неосязаемый приблизился почти вплотную к мастеру и протягивая руку, прошипел:

— Дай сюда.

— Не давай, — сказал мастеру Торстур, — забрать силой он не может, не отдавай.

Неосязаемый затрясся от ярости, но кот был прав: отобрать силой Хрусталь он не мог, иначе Язык потеряет свою силу и превратится в простую безделушку.

Тогда Неосязаемый обратил свое внимание на зачарованных. Он усилил свое влияние и бывшие повара и поварята, а теперь послушные орудия в его руках, двинулись к мастеру — повару. Он пятился, не в силах оторвать взгляда от их тяжелых, механических движений. Было видно, что Неосязаемому с трудом удавалось контролировать сразу такое количество жертв. Кто-то запинался и падал, но продолжал движение вперед ползком. И эти ползущие еще больше усиливали общую картину кошмара. Они двигались, и глаза их были пусты.

Мастер пятился, пока не уперся в каменную кладку колодца. Дальше отступать было некуда. И силы начали покидать этого крепкого человека, а замороченные уже тянули к нему свои руки. Торстур и Мусьма отступали вместе с мастером. И тут, видя, что дело туго, Торстур шепнул:

— Бросай Хрусталь в колодец, потом достанем.

Но воля мастера уже была сломлена. Тогда Торстур, взглянув на Мусьму, с яростным мявом вцепился когтями мастеру в ногу. От неожиданности тот выпустил Язык, который неминуемо бы разбился, если бы не шустрая кошка. Она ловко перехватило его лапами и кинула Торстуру, который уже стоял на приступке колодца. Он поймал Язык и тут же бросил его в воду.

— Не удержал, — сказал он со смехом Неосязаемому, — прямо из лап вырвалась, такая скользкая вещица!

Неосязаемый зашипел от злости, а Торстур смотрел на него с победным видом.

Не надо, ах, не надо радоваться раньше времени! Крепок еще побежденный враг. Крепок, зол и хитер. И стоило только Торстуру взглянуть на Неосязаемого, как воля его была подавлена, и он сам шагнул в колодец.

Мусьмочка прыгнула следом. Она, как и Торстур, не умела плавать, но бросить его в таком беспомощном состоянии было выше ее сил.

Янеш продолжал сидеть на дне. Он слышал все звуки, что доносились сверху, но не мог понять, что же там происходит, и это его очень беспокоило.

И тут он услышал: «Бросай Хрусталь в колодец!» и через мгновение увидел, как что-то блеснуло, падая вниз, к нему. Янеш быстро вывел вперед манипулятор. Вода слегка замедлила падение того самого «Хрусталя», и Янеш смог аккуратно подхватить предмет железной рукой.

Раздались два сильных всплеска, один за другим, будто в воду бросили камни.

Янеш вскинул глаза. Нет, это были не камни. Это были его

друзья, пушистые помощники, которые камнем шли ко дну, пуская пузыри.

Янеш растерялся. Что делать? Бросить этот предмет и хватать… Но кого? Мусьму? Торстура? Ситуация не из легких. Нужно решать и действовать. И это было не легко. Сомневаетесь? Тогда представьте себя на его месте, как бы вы поступили?

Но Янеш думал недолго. Он быстро направлял Язык, хотя и не знал, что это такое, в шлюзовую камеру, и всплывал. Он решил всплывать под Торстуром, чтобы поднять его туда, где можно дышать. Но про Мусьму Янеш тоже не забыл. Выставив манипулятор в сторону, он хотел подцепить и ее. И ему это удалось. Но с Торстуром Янеш явно промахнулся. И запаниковал, но тут же взял себя в руки. Засунув обмякшую, как тряпочка, Мусьму в шлюзовую камеру, он опустился вниз и попытался подцепить манипулятором Торстура. Это было не легко, а время поджимало. Тогда Янеш, не мудрствуя, схватил «железной рукой» его за хвост, поднял над собой и рванул рычаг на всплытие. Скорость была такова, что «кокон» выпрыгнул из воды и, повисев какое-то мгновение в воздухе, гулко шлепнулся обратно.

Теперь можно было посмотреть на Мусьму. Она все еще лежала, не подавая никаких признаков жизни. Янеш поднял обмякшее тельце, прижал к себе, а потом, словно опомнившись, перевернул ее вниз головой и стал трясти. Из кошачьей пасти полилась вода, она чихнула и слабо пошевелилась.

— Мусьмочка, кошечка, ну оживай же скорей — ласково бормотал Янеш, все еще потряхивая ее, висящую как шкурка.

И тут кошка ожила окончательно. Янеш перевернул ее, прижал к себе и заплакал.

— Ты чего? — удивленно, слабым голосом спросила Мусьма.

— Я думал, ты утонула, я так рад, что ты живая, — продолжал всхлипывать Янеш.

И в этот момент откуда-то сверху раздался противный голос Торстура:

— Эй, вы, там! Хватит обниматься! Висеть за хвост больно.

— Ожил, утопленник, — с облегчением сказал Янеш и опустил кота на купол «кокона».

Вода все прибывала и вся компания медленно, но верно поднималась вместе с ней.

А наверху, обессилевший Неосязаемый, наконец, отпустил всех зачарованных. Они придут в себя еще не скоро. Но и ему нужно время, чтобы оправиться. Ловко же они его провели. И кто! Какие-то кошки!

В первый раз Неосязаемый совершенно не знал, что

предпринять. То, что собрал этот мальчишка — можно отобрать. А вот как быть с Языком? Вода являлась для Неосязаемого непреодолимой преградой.

А ему позарез были нужны все эти предметы. Ибо, только приобретя их все, он сможет окончательно, телесно проявиться в этом мире. Тогда он покажется им во всем своем великолепии и будет повелевать этими глупыми людишками. Как хорошо, что они не понимают друг друга и не могут договориться. И как некстати появился этот мальчишка, этот мнимый волшебник! И пока удача на его стороне. Ну, что же, подождем, пока он соберет все предметы, а затем отнимем все сразу. И уж я исхитрюсь достать этот Язык.

Вот каковы были мысли Неосязаемого. И решив пока удалиться, чтобы накопить побольше сил, он тихой тенью скользнул между остолбеневшими поварами, и был таков.

Постепенно остолбенелость проходила. Люди уже могли думать, шевелить головой, разговаривать, но пошевелить хотя бы пальцем были пока не в силах.

И когда Гурманий-II сам спустился на кухню, никто не мог оказать ему должных почестей, но зато все наперебой стали рассказывать о том, что здесь только что произошло.

Особенно все восхищались смелостью и сообразительностью кошек. И очень жалели о их гибели. И только теперь заметили, что поверженный мастер все еще лежит у колодца.

— Воды, нужно полить на него водой — сказал Гурманий.

Но никто не бросился выполнять его приказание, потому что остолбенение еще не прошло.

И вдруг, над краем колодца появились сначала рыжая башка Толстура, а затем медленно появился он весь. Морда у него была ужасно довольная. Он поднимался все выше, и вот стало видно, что сидит он на каком-то механизме с прозрачным верхом. Механизм поднимался все выше, и стало видно, что это нечто яйцевидное, а внутри находится мальчишка, который и управляет всем этим. А рядом с ним сидит та самая белая кошка.

И тут из колодца полилась вода. Она лилась прямо на мастера, и он вдруг пошевелился и встал, как ни в чем не бывало. «Яйцо» приблизилось к краю колодца и немного неуклюже спрыгнуло на землю. Вода перестала течь.

Все с огорчением вздохнули. Это был единственный колодец на всю округу, но и в нем воды было немного.

Яйцо на колесах двинулось вперед, и в тот же самый момент вода вновь полилась через край колодца. Все радостно закричали, и Гурманий-II спросил у Янеша:

— Это ты привел с собой воду?

Янеш кивнул, а вслух добавил:

— Я на ней поднялся из колодца.

А вода тем временем все прибывала и прибывала. Она залила весь пол замковой кухни и те, кому вода доходила до щиколоток, вдруг теряли свою неподвижность. И принимались плясать, поднимая кучу брызг. Потом кто-то догадался открыть дверь, и вода хлынула во двор.

Первое возбуждение уже прошло, и надо было думать о том, как сохранить эту воду. Гурманий-II объявил, что праздник переносится на вечер, а сейчас все отправляются на земляные работы. Народ, что скопился на площади, одобрительно загомонил.

Лопаты были розданы. И вскоре все уже направлялись туда, где придворные инженеры очерчивали место под пруд. Работа закипела. А вода все продолжала прибывать. Кузнецам и каменотесам было поручено приготовить желоб, чтобы вода не растекалась по двору. К вечеру все было готово. Умывшиеся гости рассаживались за столы.

— А в честь чего такой праздник? — тихонько спросил Янеш у Мусьмы.

— У Гурмания-II и Вкусаниты родилась дочка. Прошло положенное время, и сегодня ее покажут народу и выберут ей имя.

— Опять день рождения, — сказал Янеш, — и я опять без подарка.

— Вы уже сделали свой подарок, — сказал первый министр, который проходя мимо, услышал конец фразы.

— И лучше этого подарка вряд ли кто мог придумать. Воистину волшебный дар, — добавил он, качая головой.

А вокруг только и говорили, что о волшебнике, который чудесным образом вышел из колодца и привел с собой воду, о воде, что стала чище и во сто крат вкуснее. Еще говорили о малышке, которую было решено назвать Водицей. И никто ни единым словом не обмолвился об утреннем инциденте. Может потому, что мало кто что-то видел, а кто видел, тот держал язык за зубами. Да и о чем говорить, когда теперь против Неосязаемого есть прекрасная защита — вода. Ведь каждый знает, что для него даже маленький ручеек непреодолим.

И только мастер — повар думал о том, что теперь нет никакой возможности достать из колодца Хрустальный Язык. Но и он вскоре утешился тем, что Хрусталь в колодце будет всегда в безопасности, а готовить они будут на той воде, что его омывает.

Так что все были довольны. Даже Янеш, которого

приловчились кормить коты. Торстур подавал кушанья через шлюз, а Мусьма — непосредственно Янешу.

Малютку Водицу поднесли поближе. Она похлопала своими ручонками по куполу и даже попробовала лизнуть его. Янеш улыбнулся и помахал ей рукой. Когда ему было лет пять или шесть, он очень хотел иметь братика или сестричку. Но родители смеялись в ответ на его просьбы купить кого-нибудь. Теперь он уже был взрослый, уже давно знал, что детей не покупают, а… в общем, возьмите «Детскую сексологию», там все про это написано. Теперь он понимал, что с малышками столько возни и хлопот… Но, глядя на Водицу, ему опять захотелось братика или такую вот сестренку.

А Водица тем временем трогала Торстура за уши, и все пыталась лизнуть и его. Торстур жмурился, но терпел. Мусьма же, глядя на это, наотрез отказалась вылезать, сославшись на то, что наелась так, что просто не пролезет.

Янешу хотелось спать. Но было ясно, что праздник будет длиться всю ночь. Поэтому он, сославшись на то, что хочет проверить воду, выкатился из залы. Торстур нехотя поплелся за ним. Он шел и ворчал, что им там хорошо, едут себе и едут. А ему, Торстуру, приходится топать на своих четверых. А лапы у него устали. И вообще… Торстур любил иногда поворчать. Но и у него сегодня выдался тяжелый день и потому Янеш предложил ему устроиться на манипуляторе, что тот и сделал.

Они выехали за ворота. Вода, журча по желобу, бежала к пруду. Правда, пока это был не пруд, а так себе, лужа. Но это дело времени.

Смеркалось. Янешу хотелось уехать как можно дальше. И «кокон» ехал, не разбирая дороги по ровной степи. Да, воды здесь явно не хватало.

Они долго ехали, выжимая максимальную скорость из этого «яйца», как окрестили кокон вкусачи. Наконец, Торстур сказал, что у него уже затекли лапы сидеть на жестком. Но впереди замаячила какая-то роща, и Янеш решил заночевать там. Торстур ворчал, и ему было предложено пройтись лапками. На что он резонно ответил, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Но все когда-нибудь кончается. И этот день тоже закончился. С последними лучами солнца кокон въехал под защиту деревьев и остановился. Мусьма свернулась у Янеша на коленях, Торстур ворочался где-то рядом с коконом.

Янешу очень хотелось встать, потянуться, расправить затекшие от долгого сидения тело, но размеры кокона не позволяли. Тогда он просто закрыл глаза и тут же уснул.

Глава XII

Проснувшись, Янеш, обнаружил, что лежит на том же боку. Значит, он всю ночь проспал не пошевелившись. И теперь все тело было словно занемевшее. Янеш перевернулся на спину и с удовольствием потянулся. Потом потянулся еще и еще.

Пора вставать. А из головы никак не шли события минувшей ночи и вчерашнего дня. И в какой-то момент Янеш вдруг осознал, что уже не знает, что же ему снится — то, что он путешествует с пушистыми или то, что он сейчас дома.

За завтраком Янеш спросил у мамы:

— Ма, ты настоящая?

— Настоящая кто?

Этот вопрос поставил Янеша в тупик, и он повторил:

— Ну ты, сама, настоящая?

— Нет, я тебе приснилась, — со смехом ответила мама.

Янеш побледнел. Похоже, он еще спит и просто проснулся во сне. И совсем не у себя дома. Или у себя?

— Ну, блин! — подумал он, но вслух ничего не сказал.

Мама, видя его замешательство, участливо спросила:

— Что, заблудился?

— Ага, — все еще ошарашено ответил Янеш.

— Ничего, малыш, — сказала мама и потрепала его по волосам, — ты у меня умненький, ты справишься. Доедай, а то опоздаешь.

Первым уроком был английский. Все шло хорошо, и вдруг, когда до звонка осталось совсем немного, Алла Игоревна сказала:

— А теперь достаньте листочки, пишем диктант.

Все, конечно, сразу зашумели. Диктанты писать никто не любил, но у Аллы Игоревны особо не пошумишь. Размеренно и четко выговаривая слова, она начала диктовать.

Янеш писал, высунув кончик языка от старания. Каждое слово, длиннее четырех букв он проверял, пользуясь спеллингом. Получалось значительно медленней, но Янеш вскоре вошел во вкус и слова как бы сами выскакивали где-то левее и выше его головы. Оставалось только поднимать туда глаза, а затем переписывать на листок. Слова были хорошо знакомые, Янеш различал в них каждую буковку и мог запросто прочитать наоборот каждое из них. Алла Игоревна продолжала диктовать, все остальные — писать. И вдруг одно из слов, которое Янеш проверял вместе с прочими, высветилось с пробелами вместо отдельных букв. Янеш поднял руку.

— Что, Петровский?

— Повторите еще раз последнее слово.

Алла Игоревна с улыбкой посмотрела на него, думая, как видно, о чем-то своем.

— Это новое для вас слово, — сказала она, как бы извиняясь, и написала его на доске, — дописывайте и сдавайте.

Диктант был закончен. Ребята торопливо подписывали свои работы. Прозвенел звонок.

— Петровский, подойди ко мне, — попросила Алла Игоревна.

Янеш сложил свои вещи и подошел к столу. Учительница заканчивала проверять его листок. Ее рука на мгновение замерла над последней строчкой, а потом уверенно вывела жирную красную пятерку.

— Как это у тебя получилось? — спросила она.

— У меня теперь всегда будет получаться, — похвалился Янеш.

— И как ты это делаешь? — заинтересовалась Алла Игоревна.

— При помощи спеллинга, техники грамотного письма, — слегка удивленно ответил Янеш, — вы же тоже так пишете. Я пойду?

— Иди, Петровский, иди, — задумчиво проговорила она.

Надо будет разузнать, что это за спеллинг такой, думалось ей по дороге в учительскую.

— Девочки, кто знает, что такое спеллинг? — спросила она, закрывая за собой двери, — или техника грамотного письма?

Учительницы на мгновение оторвались от своих дел или разговоров и вопросительно посмотрели на Аллу Игоревну.

— А откуда ты это взяла? — спросила наконец Светлана Дмитриевна, преподаватель русского языка и литературы. Остальные с облегчением вернулись к своим делам и разговорам.

— От Петровского из пятого «Б». Он, кстати, сегодня диктант на «5» написал, — и видя недоумение «литераторши», «англичанка» добавила, — а предыдущий — на два. Он, вообще-то, у меня неплохо идет. По устным вопросам почти на отлично, но по письменным — одни двойки из-за грамматики.

— Не знаю, не знаю, — покачала головой Светлана Дмитриевна, — может спросить у этого Петровского?

— Не солидно как-то, — ответила Алла, — да и потом… И она рассказала вчерашнюю историю.

Уроки шли своим чередом. Аня Синицына продолжала дуться на Янеша. Девочки, что были приглашены к ней, шушукались, поглядывая на него. Но Янеш не обращал на них ни малейшего внимания. Он был занят делом.

Утром, уходя в школу, он прихватил толстую тетрадь для записей. Янеш решил записывать туда все свои наблюдения. Вот

он сейчас и занимался тем, что наблюдал.

Виктория Петровна, раздав каждому по листу, продолжала объяснять:

— Вы видите, что здесь у вас на листе нарисовано десять шаблонов. Это листья. Представьте, что это осенние листья, представьте, как они могут выглядеть. Вспомните, как вы гуляли по осенним аллеям и разноцветные листья: золотые, багряные, красные, однотонные или пятнистые осыпались на землю. Смотрите туда, в ту осеннюю картину и выбирайте самые интересные, самые красивые листочки.

А потом берите краски и изобразите все это на бумаге. Давайте попробуем взять только две краски — желтую и красную. Будем смешивать их в разных пропорциях и увидим разные оттенки. Рисуйте.

Янеш сидел на задней парте и ему хорошо был виден почти весь класс. Он обратил внимание, что несколько ребят, не раздумывая, сразу взялись за работу.

— Визуалы, наверное, — решил про себя Янеш, и на всякий случай запомнил их, чтобы потом проверить.

Еще часть сидела, размышляя и задавая Виктории Петровне вопросы. Вопросы были дурацкими, и было явно, что не важно, как на них ответят. Зато включаться в работу было легче, разговаривая.

— Слухачи-аудиалы, — подумал Янеш и тоже взял их на заметку.

Все уже начали работу, и Янеш успел сделать почти половину, когда Виктория Петровна спросила:

— Вадик, а ты почему еще не начал?

Вадик засопел, покраснел, потом медленно поднял голову на стоящую рядом художницу.

— Я, Виктория Петровна, ничего не вижу.

— Ну, представь осень, парк, деревья.

— Я представляю, — уныло ответил Вадик, чуть помедлив и опустив глаза, — вот парк, пахнет осенью. Вот дерево, кора гладкая, почти без трещин, я иду, под ногами много листьев, я их пинаю. А разглядеть, какие они — не могу.

— Что же мне с тобой делать, Вадик? — спросила Виктория Петровна.

— А можно, он ко мне пересядет, — спросил Янеш с места, — я попробую ему показать, как.

— Попробуй, — согласилась художница и добавила, — Вадик, пересядь к Петровскому.

Вадик медленно собрал все свои принадлежности. Он вообще делал все очень медленно, основательно. Наконец, он перебрался

к Янешу.

— Смотри, Вадимыч, — сказал ему Янеш и понял, что говорит не то. Он попробовал еще раз. Похлопал его по руке и сказал:

— Представь, что ты держишь в руке кленовый лист. Какой он на ощупь?

Вадим посмотрел на свою правую руку:

— У него стебель гладкий и твердый.

— Правильно, — одобрил его Янеш, — а теперь подними его вверх, выше, еще выше, выше головы и…какого он цвета?

— Кажется, желтый, теплый такой, а по краям еще теплее и краснее.

— Вот и срисовывай, — посоветовал Янеш.

Вадик взялся за кисть. Виктория Петровна прохаживалась меж рядов, посматривая на работы ребят., останавливаясь то тут, то там.

Вадик успел почувствовать-увидеть еще три листа, прежде, чем она подошла к ним. Она долго стояла рядом, потом сказала:

— Когда закончишь, подари мне этот рисунок. Я его возьму для выставки, — и пошла дальше.

— Молодец, Вадимыч, — сказал Янеш и хлопнул его по плечу, — классно рисуешь.

— Я вообще-то рисовать не умею, — застеснялся Вадик, — и не люблю. Я лепить люблю, из пластилина или глины.

— Ну ты даешь, — восхитился Янеш.

Вадика в классе не то, чтобы не любили, но… Он был ужасно медлительный, немного неуклюжий, и беседуя с кем-то, брал за пуговицу пиджака и крутил ее. Ребята над ним смеялись, он обижался, сопел, краснел. Янешу его было жалко, но и иметь дело с ним не очень хотелось. А тут оказывается, что Вадик-Вадимыч хорошо рисует.

— У него есть шансы, — подумал Янеш, не совсем, впрочем, понимая, на что именно эти шансы есть. Но это было не важно. Важно было то, что Вадик ясно мыслил не словами и не картинками.

— Ого! — подумал Янеш, — не забыть спросить у мамы. И тут же вспомнилось: «Частица „не“ не усваивается». И Янеш поправил сам себя — вспомнить спросить у мамы про этого Вадика.

В гардеробной, возле вешалки шушукались девчонки во главе с Аней Синицыной. Проходя мимо, Янеш услышал противное слово: «бойкот» и свою фамилию. Вообще-то Янеш не то чтобы сторонился девчонок, нет. Просто интересы их лежали пока что в разных направлениях. Так что он с ними почти не общался. Но и

бойкот ему совершенно был не нужен. Янеш предпочитал со всеми жить мирно. Поэтому он решил действовать первым. Забирая свою куртку, он сказал:

— Синицына, ты уже перестала злиться или перестанешь через пять минут?

Озадаченная таким вопросом, Синицына на мгновение замерла, а Янеш продолжал:

— Ты ведь вообще-то не злая, нет?

— Нет, — послушно ответила еще не пришедшая в себя Аня.

— Ну вот и хорошо, — заключил Янеш, — а то со злыми мне даже разговаривать противно.

— Со мной и разговаривать противно? — тут же заершилась Синицына.

— С тобой? — удивился Янеш, — нет, с тобой не противно, ты же не злая, — успокоил он ее. И добавил, — до завтра.

— До завтра, — машинально ответила Аня и тут же была окружена девочками.

— Ну, что, сказала, сказала? — наперебой загалдели они.

— Нет, не сказала, — ответила Аня.

— Почему?

— Не получилось как-то. Он так все ловко повернул.

— Да, странный этот Петровский.

Пообсуждав Янеша еще какое-то время, девчонки разошлись по домам.

Еще неделю — другую назад Янеш был обычным мальчишкой, на которого мало кто обращал внимание ни среди учителей, ни среди учеников.

Но теперь все изменилось и, как водится, первыми эти перемены заметили девочки, женщины, как более тонкие натуры. На ясном небе появились первые облачка внимания. Облака эти были белыми, пушистыми и очень мягкими и, наверное, поэтому Янеш ничего и не замечал.

Обедали с мамой вдвоем. Янеш, конечно же, вспомнил про эпизод с Вадиком, но прежде, чем рассказать об этом, он похвастался пятеркой:

— Ма, — сказал Янеш с набитым ртом, — у меня сегодня «пять» по английскому.

— Тебя же вчера спрашивали, — удивилась мама.

— Нет, ма, это не за ответ — это за диктант.

— Наконец-то, — улыбнулась мама, — теперь двоек больше не будет?

— Не должно, — успокоил ее Янеш, — но слова учить придется. Оказывается, если слово незнакомое, то я его не

полностью вижу.

— Да, со словами стоит поддерживать знакомство, — засмеялась мама и видя, что Янеш налил полную до самых краешков кружку компота, предупредила, — смотри, осторожней!

Янеш бережно поднес компот к губам, отхлебнул и заметил:

— Видишь, не пролил!

Мама улыбнулась. Янеш рассказал ей про Вадика и про то, как он рисовал.

— Молодей, — сказала мама, — а почему ты решил, что нужно сделать именно так?

Янеш пожал плечами, мол, сам не знаю. Затем он спросил:

— Ма, а ведь Вадик не глядач и не слухач, а кто?

— Наверно, кинестетик, — ответила мама. И видя его недоумение, добавила, — пойдем, я тебе плакат достану, а то мне уже пора бежать.

Порывшись на шкафу, она действительно достала плакат, отдала его Янешу, а сама отправилась на работу. Янеш развернул его. Там было написано вот что:

КИНЕСТЕТИКИ

В эту группу объединены те, кто воспринимает мир через осязание, обоняние и вкусовые рецепторы, то есть через ощущения.

Примеры слов и выражений: ощущать, чувствовать, хватать, улавливать, толкать, тереть, взяться, давить, напрягать, держать, задевать, жесткий, холодный, горячий, теплый, легкий, тяжелый, ощущение, чувства, гладкий, шершавый, твердый, мягкий, кислый, соленый, сладкий, горький, сочный, ароматный, свежий, душистый, благоухающий, вонючий и т. д. Руки чешутся, сладкая моя, жесткий человек, Я свяжусь с вами, толстокожий и хладнокровный, мягкий характер, вкус к жизни, горькая правда, загореться идеей, твердое основание и т. д.

При разговоре речь несколько замедленная, с длинными паузами. Голос достаточно низкий, жесты мелкие, в основном — движение пальцев.

Дыхание полное, животом.

Одеваются удобно, предпочитая пушистые вещи и натуральные ткани.

Стараются подойти к собеседнику вплотную,

прикасаться к нему, чтобы получить необходимую информацию.

Янеш внимательно прочитал. Да, действительно похоже на Вадика и еще на вкусачей из замка Объедалок. Теперь понятно, как к ним нужно обращаться. Их нужно трогать! Эта мысль, хоть и была верной, совсем не понравилась Янешу. Он-то сам обычно ни к кому не прикасался в разговоре. И не любил, когда его трогали. Бедные кинестетики, подумалось ему. Понятно, почему многие их сторонятся. Но тут Янеш вспомнил, что когда в зоопарке он выискивал визуалов-глядачей и общался с ними, руками он не размахивал. Он прямо говорил их языком и смотрел так же, как и они. И эти глядачи принимали его за своего. Значит и кинестетиков можно не трогать, а только говорить на их языке.

Решив так и поступать, Янеш с облегчением вздохнул. И отправился делать уроки.

Вскоре позвонила мама.

— Привет. Янеш. Ты уроки сделал? — спросила она.

— Делаю.

— Еще много осталось? — голос у мамы был необычайно взволнованным.

— Не очень. А что?

У папы встреча в ресторане и он нас берет с собой.

— Ура! — закричал Янеш в трубку. Он любил такие поездки. Любил послушать, о чем говорят взрослые. Правда, чаще всего они говорили о непонятных вещах, но иногда… И потом, Янешу просто нравилось бывать в таких местах.

— Тогда быстро одевайся, Сережа уже выехал за тобой.

— С галстуком? — спросил Янеш.

— Конечно.

— Ма, а ты где? — спросил вдруг Янеш.

— Я еще на работе, Сережа заберет тебя и заедет за мной. Все, одевайся, — и она положила трубку.

Янеш заметался по квартире. Во-первых — умыться и вымыть уши. Потом чистую рубашку, галстук, брюки. Вообще-то, джинсы и свитер нравились ему гораздо больше, но… Как говорит папа — есть определенные традиции, а мужчина должен всегда хорошо выглядеть.

Раздался звонок. Это приехал Сергей.

— Ну, как? — спросил Янеш, имея в виду свою одежду.

— Нормально, — ответил Сергей, оглядев его с ног до головы, и добавил, — ботинки почисти.

И вот они уже подъезжают к маминой работе. Мама уже их ждала.

— Приветик, — сказала она, садясь рядом, — поехали.

Надо сказать, что у Янеша с мамой была одна тайна. По маминому сигналу, Янеш просил папу отойти с ним на минуточку, якобы в туалет, а мама в это время продолжала работать с партнерами.

И когда папа возвращался — партнеры уже были согласны подписать нужные бумаги.

Папа ни о чем не подозревал, но считал, что присутствие жены и сына создает более дружественную обстановку. Он считал маму с Янешем своим счастливым талисманом и брал их с собой всегда, насколько это было удобно.

Папа ждал их у входа. Они уже бывали в этом ресторане, и Янешу здесь очень нравилось. Зал был небольшим и очень уютным. Бархатные шторы и скатерти, пальмы в кадках и везде позолоченные лепные цветы в виде орнамента. Мама смеялась, что не хватает только канарейки в клетке и еврея со скрипкой. И можно было бы сменить название «Славянский» на «Тоску по ностальгии».

Янеш не знал, что такое «ностальгия» и папа объяснил, что это — тоска по родине. Получалось, что мама предлагала назвать этот ресторанчик «Тоска по тоске по родине»? Это было странно, но Янешу здесь все равно нравилось.

Папины партнеры уже были здесь. Они поднялись, приветствуя Янеша и маму. Этот момент Янешу тоже всегда нравился. Было приятно, что взрослые мужчины поднимаются при встрече с ним, как ученики, когда входит учитель. Про маму в этот момент Янеш не думал. Он наполнялся гордостью, что у него такой отец, перед сыном которого все поднимаются со стула. Впрочем, всем нам свойственно иногда ошибаться на свой счет.

Принесли их заказ, и официант расставлял блюда на столе.

— Опять рыба, — подумал Янеш. Рыбу он не то, что бы не любил. Он ее есть красиво не умел. И поэтому, когда официант наклонился к нему, ставя тарелку, Янеш тихонько спросил:

— Эта рыба с костями?

— Нет, это шашлык из сома. Он совершенно без костей.

У Янеша отлегло от сердца и он начал наблюдать за папиными партнерами.

— Это выглядит аппетитно, — сказал один. Он был высокий, даже сидя он возвышался над всеми и худой. Руки его были длинны, и он ими размахивал, рассказывая о том, как они летом были на рыбалке и какого сома поймали. Рассказывал он здорово, с подробностями и описаниями. Так, что Янеш как бы видел, что там происходило.

— Сижу на берегу. Хорошо так, небо синее-синее, солнышко

только восходит, освещает все, красота, да и только.

— Ага, красота, — усмехнулся второй. Он был куда как ниже первого, но зато раза в три толще, — холодина была такая, что зуб на зуб не попадал, а потом еще комары налетели и кусались, как волки.

Янеш держал ушки на макушке. Длинный и Толстый, как про себя назвал их Янеш, продолжали про рыбалку.

— Смотрю на поплавок, а он ни с места, как нарисованный. А потом раз и пропал из вида. Хорошо, что леска была толстой, катушка все раскручивается. Вижу, плохо дело. Тогда я и побежал по берегу. Там рядом мелководье было и песочек, беленький такой, мелкий. Бегу, а под ноги не смотрю, зацепился за корягу, да и полетел. Картинка была та еще.

— Ага, — подхватил рассказ Толстый, — сижу, только укутался, везде подоткнул, чтобы не дуло, чувствую, засыпаю. А тут такой вопль, что у меня волосы на голове зашевелились. Встал, кручу головой, а Эдик лежит на песке и не шевелится. Я к нему подошел…

— Пока ты подошел, я уже пришел в себя, — перебил Длинный Эдик, — гляжу, а удилище за корягу зацепилось и леска, как линия, в воду уходит. Поднялся, смотрю, леска провисает. Я давай ее сматывать, а потом, как дерну! А сом уже близко был, хвостом целый фонтан взбил.

— Но, как не упирался, а мы его выволокли на бережок, — опять встрял Толстый. Он уже подчистил все, что было на тарелке, пока Эдик рассказывал.

— Огромный такой был, темно-зеленый, как мхом поросший, — продолжал Длинный Эдик. Он, наконец, наколол кусочек рыбы на вилку, но до рта не донес, а стал рассматривать, будто надеялся увидеть этот самый мох. Но мха не оказалось, и Длинный вернул кусок на тарелку.

— Интересно, — думал Янеш, — люди хоть иногда думают, как они смотрятся со стороны? Вряд ли… Зато за другими замечают.

И сообразив вдруг, что это относится и к нему, быстренько проверил, все ли у него в порядке.

— И вкусный, жирный такой, а мясо мягкое, сладкое, — и Толстый почмокал губами, опустив глаза вниз вправо, чтобы еще раз почувствовать вкус.

Ужин незаметно закончился. Официант убрал со стола. И был подан десерт и кофе. Началась деловая часть беседы.

Папа достал бумаги и подал некоторые из них Толстому со словами:

— Давай еще раз быстро просмотрим, хотя по-моему, и так

все ясно.

Толстый лениво полистал, потом положил бумаги на стол.

— Я не чувствую необходимости торопиться с этим договором. По-моему, тут кое-что не вяжется.

— Давайте рассмотрим по пунктам, что именно, — продолжал папа, отодвигаясь от него к спинке стула.

Янеш с удивлением слушал их, делая впрочем вид, что всецело занят мороженным. Оказывается, папа говорит с Толстым, как с визуалом! То есть, по своей системе. А ведь Толстый — кинестетик. И они так не договорятся! Они веь даже не понимают друг друга. Вот почему глядачи, слухачи и прочие постоянно воюют. И как это просто — слушай, смотри и говори со своим партнером на его языке.

Янеш так погрузился в свои мысли, что не сразу понял, что мама уже в третий раз толкает его под столом.

— Извините, — сказал Янеш, — папа, можно тебя на минуточку?

Недовольный тем, что их прерывают, папа встал:

— Пойдем.

Они шли к туалету. И Янеш решился:

— Пап, — сказал он, — этот Толстый, он ничего не видит, он чувствует. Поэтому он тебя не понимает. С ним нужно говорить медленней и еще касаться его. Расскажи ему, что он ощутит.

Папа аж остановился от неожиданности.

— Откуда ты знаешь?

Янеш пожал плечами. Он был слишком взволнован, чтобы объяснять.

— Яйца курицу учат, — проворчал папа.

— Ты, пап, не курица, — сказал Янеш из-за дверцы, — ты, наверное, петух.

Но папу и этот вариант не устроил. Положение было серьезным. Ему позарез был нужен этот договор, подписание которого откладывалось. Раз за разом. И папа пустил в ход «тяжелую артиллерию» — ужин с семьей. И опять все срывается.

Возвращаясь к столику, папа был заметно огорчен.

— С облегчением, — сказал Янешу Толстый.

— Спасибо, — смутился тот и вновь принялся за мороженное.

И папа решился.

— Знаете, — сказал он, обращаясь к Толстому и слегка касаясь его руки, — я чувствую, что мы можем легко разрешить все разногласия.

Толстый удивленно посмотрел на него и взял бумаги со стола.

Папа улыбнулся и придвинулся к нему ближе. Обговорив две-

три непонятные для Янеша вещи и почти ничего не изменив, они поставили свои подписи. Папа вздохнул с облегчением и искренне сказал:

— Ну вот, как гора с плеч.

— С облегчением, — как бы про себя произнес Янеш.

И все засмеялись. Атмосфера явно потеплела.

Прощаясь, мама сказала Толстому:

— Приятно провести вечер в такой теплой компании.

Толстый польщено улыбнулся:

— У вас чудесный мальчуган. И толковый муж. Терпеть не могу, когда на меня давят, но он, кажется, к каждому может подобрать ключик.

Мама улыбнулась. Она была довольна и вечером, и переговорами. Ее интересовал только один вопрос — как Олег догадался, что нужно говорить другими словами?

И пока Янеш умывался перед сном, она спросила:

— Дорогой, проясни для меня одну вещь. Как ты догадался, что нужно использовать другую систему в разговоре?

Папе ужасно не хотелось признаваться, что ему подсказали, и он ответил:

— Не знаю, как-то автоматически получилось.

Мама покачала головой, но ничего не сказала. Взрослые папы, они как мальчишки, только в костюмах. И делают вид, что они строгие, важные и все знают. И им ужасно не хочется признавать свои незнания или другие упущения. Не верите? Понаблюдайте за своим папой. Конечно, со временем и папы взрослеют и мудреют, но тогда они уже становятся дедушками. И в это не верите? Тогда сравните своего папу и дедушку.

Янеш уже лежал в постели, когда мама зашла поцеловать его на ночь.

— Ма, а правда у папы здорово вышло? — спросил он.

— Ты подсказал, — догадалась мама.

— Ну, немножко. Ма, а почему люди, когда разговаривают, то не обращают внимание, каким языком пользуются их собеседники?

Мама задумалась.

— Ну, во-первых, ты тоже так поступал, пока не узнал, как нужно. Вот и люди не знают.

— А папа? Папа знал?

— Вообще-то знал, но забыл. Это бывает и у тех, кто знает. Человек настолько занят тем, что сам говорит, и тем, что потом скажет, что почти не слушает другого.

— Я думал, так только у детей, — разочарованно сказал

Янеш.

— Увы! Взрослые в этом тоже дети. Люди предпочитают слышать то, что им слышится, а не то, что им говорят. Поэтому и ловятся на крючок.

— А как же быть?

— Просто будь. Ты — знаешь, я — знаю. Смотри, слушай, ощущай. И поступай в соответствии с твоими знаниями. Только помни — большие знания — большая власть. А большая власть — это всегда большой спрос. Ну, ты у меня умненький, разберешься, — и мама поцеловала Янеша; — спи спокойно, роднулька моя, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Янеш. И уснул.

Глава XIII

Проснулся он от того, что Мусьма, потягиваясь, запустила свои когти в его колени весьма ощутимо. Почувствовав, что Янеш вздрогнул, кошка тут же убрала когти и потерлась пушистой мордочкой о его подбородок, как бы извиняясь. Она спрыгнула на пол и шуршала сзади, выбираясь наружу.

Янеш решил немного прибраться. Весь пол кабинки был усеян крошками и кусочками от вчерашнего ужина. Янеш осторожно стал сметать все к шлюзу, а Мусьма — убирала мусор дальше. Янеш еще раз махнул веточкой, и что-то загремело. И тут у него душа ушла в пятки — этим «чем-то» был Хрустальный Язык. Янеш удивился, откуда он здесь, но поразмыслив, вспомнил, что там в колодце, перед тем, как спасать котов, он поймал манипулятором что-то сверкающее. Тогда было не до того, а вот теперь… Янеш осторожно протер Язык платком, очищая его от пыли и налипших крошек. Да, искуснейший мастер сотворил все эти вещи! Полюбовавшись еще не много, Янеш завернул Хрусталь в тот же платок. Потом, подумав, достал Глаз и Ухо и все три предмета разместил у себя на поясе. Пора было ехать. Коты уже позавтракали и закончили умываться. Мусьма влезла в кокон к Янешу, Торстур пристроился сзади, на манипуляторе, и кокон тронулся.

Они ехали через цветущий сад. Яблони сменялись сливами, сливы — вишнями, вишни — еще какими-то деревьями, а сад все не кончался. Янеш любовался его цветами и жалел лишь об одном — в коконе, увы! не чувствовался запах. Да, Янеш сетовал на это свойство кокона и не знал, что именно это когда-то спасет жизнь ему и его друзьям.

Вскоре сад кончился, и кокон въехал в долину, где, куда ни глянь, всюду цвели огромные розовые кусты. Розы были всякие: белые и желтые, розовые и багровые, всех возможных цветов и оттенков, попадались даже голубые и бледно-зеленые.

Осторожно объезжая куст за кустом, компания продолжала ехать вперед, туда, куда указывали хрустальные предметы.

Мусьма, устав от такого разнообразия, спала свернувшись в клубочек. Солнышко припекало и в коконе становилось все жарче и жарче. С Янеша пот катился градом и очень хотелось пить.

А цветочная долина ширилась во все стороны, куда хватало глаз. Янеш притормозил и стал крутить головой, желая определить направление. Дороги он не увидел, но что его поразило — Торстура сзади не было тоже. Не потерялся ли он?

Янеш разбудил Мусьму, и она отправилась на поиски рыжего друга.

Янеш, в ожидании пушистых, развернул карту. Сориентировался он легко. Но это его совсем не порадовало — он понял, где они сейчас находятся и понял, что грозит пушистым.

Это была Долина спящих роз. Запах их настолько силен, что усыпляет любого неосторожного путника. И если уснувших вовремя не разбудить — они могут уснуть насовсем.

Янеш развернул кокон и по своим следам поехал обратно. Ему хотелось нестись, а приходилось медленно ехать. Цветы были так прекрасны, что повредить им у Янеша рука не поднималась, и потом, разве они виноваты? Это их жизнь, их дело цвести и пахнуть. А уж дело других — не ходить в эту долину. Так размышлял Янеш, когда, объезжая очередной куст, увидел сладко спящую Мусьму. Запихивая ее в шлюзовую камеру, Янеш подумал, что нечто похожее уже было.

Растормошив сонную кошку, Янеш узнал, что Торстура она не нашла. Впрочем, поиски были недолги. Торстур спал под соседним кустом. Водрузив его на крышу и придерживая манипулятором, Янеш развернул кокон в сторону дороги, найденной на карте.

Добравшись, наконец, до дороги, Янеш развил максимальную скорость, надеясь, что Торстура обдует ветерком, и он проснется.

Ветерок действительно подул. Он дул с моря и становился все сильнее. Он пригнал целое стадо серых, тяжелых туч. И первые капли тяжело ударили по дороге, прибивая пыль. Вдали показался город Цветов — столица графства Нюхачей. Кокон продолжал катить во всю прыть по дороге, Янеш нервничал, Торстур дрых на крыше, прижатый манипулятором, дождь начинался, но все никак не мог начать лить по-настоящему. И только Мусьма тихонько сидела и думала свою думку, как осенний сплюх.

Наконец, небо словно прорвало, и дождь полил, как из ведра. Вода падала так плотно, что пришлось снизить скорость. Янеш даже заволновался, не захлебнется ли Толстур. Но рыжий кот только прикрыл нос лапой и даже не проснулся. Дорогу быстро размывало, и Янеш уже скорее плыл, а не ехал в своем коконе.

Ручей, а точнее, даже маленькая речка, внесла кокон в город. Дождь вдруг кончился. Это было так резко, что походило на огромный душ, который вдруг выключили.

Янеш огляделся. Кокон стоял на площади. И вокруг не было ни души.

— Что будем делать, а, Мусьмочка? Надо бы показать Торстура врачу, — озабоченно сказал Янеш.

— Я выйду, а ты езжай за мной, — ответила Мусьма.

— Давай сначала подъедем к башне, — предложил Янеш, — она вон какая высокая. Наверно, сторожевая, там должен кто-то быть.

Мусьма согласилась, и они подъехали к башне с огромными изображениями носа со всех сторон. Двери башни со скрипом распахнулись, и Янеш решительно въехал внутрь. Выпускать кошку ему не хотелось, то есть, он просто боялся, а вдруг она тоже уснет, или еще что-нибудь?

Внутри было темно, но Янеш заметил блики света и услышал тяжелые шаги чьих-то ног. Кто-то, очень грузный, спускался к нему сверху, держа в руке свечу.

— Ты и есть кверхногий волшебник? — раздался вдруг гулкий голос.

И Янеш увидел того, кто впустил их в башню. Он был невысокого роста, неимоверной ширины и поэтому казался квадратным. Его волосы и борода были тщательно расчесаны. И если бы Янеш мог чувствовать запах, он понял бы, что так пахнуть может только сам граф Цветочный. Но Янеш не чувствовал запахов в своем коконе, и поэтому просто смотрел на подошедшего.

— Я не представился, — сказал Квадратный, — Я — граф Цветочный, правитель графства Нюхачей, страны Кинестетии. Можешь звать меня просто Тонконюх Душистый. Тебе нравится мой запах? Правда, в нем ощущается мужественность, сила, стремительность? Заметь, этот запах — запах могучего ветра, был найден и приготовлен лучшими духинами из поселка Мастеров.

— Я сожалею, Ваше Нюхачество, — сказал Янеш, — но пока я в этом коконе, ни единый запах сюда не доносится.

— А как ты тогда сможешь отличать одного человека от другого?

Янеш удивился такому вопросу.

— Люди выглядят по-разному, и голоса у них тоже разные.

Теперь удивился Тонконюх:

— Не знаю, не замечал. По мне, так все одинаковы. И если бы не запахи, то наверно бы всех перепутал, — и он засмеялся.

— Что у вас тут происходит? — спросил Янеш — такое ощущение, что все вымерли.

Тонконюх нахмурился.

— Я и сам удивился, когда почуял вас на площади. Начался ветер с моря. У нас благодатная страна, но раз в год ветер меняется и дует с моря. Он приносит дождевые тучи и ливни смывают все, все запахи. Цветы погибают, замирают все работы, все нюхачи прячутся по домам. Ливни льют две недели, а потом

ветер снова меняется. И цветы расцветают, и новые запахи наполняют все вокруг.

Рассказывая, граф Цветочный ощупывал кончиками пальцев кокон, и вдруг рука его коснулась мокрого пушистого хвоста. Граф даже отпрыгнул от неожиданности.

— Ой! Что это у тебя? — он потянул носом, — зачем тебе дохлая кошка на крыше?

— Дохлая? Как дохлая? — губы Янеша предательски задрожали.

— Нет, не совсем дохлая, — успокоил его Граф.

— Это Торстур, мой друг и помощник, — сказал Янеш, еле сдерживая слезы, — он уснул в Долине роз.

— Ох, какая неосторожность! Перед сменой ветра эти розы так пахнут, что неподготовленному человеку или там, коту, могут показаться ядом.

— А противоядие есть? — спросил с надеждой Янеш.

— Есть. Но его знают только в Храме Богини Жизни. Только Жрицы этого храма могут собирать лепестки в этой долине в любое время.

— А нельзя ли послать за ними? — спросил Янеш.

— Сейчас сезон ливней и никто не рискнет решиться на такое безрассудство, — и граф покачал головой.

С улицы доносился шум падающей воды.

— Чуешь? — сказал граф, — опять льет.

Янеш развернул карту и нашел Храм, о котором упомянул граф. Да, ехать придется в гору, а еще и дорога размокла.

Между тем, Граф позвал прислугу. Торстур, при помощи Янеша и Мусьмы, был снят, насухо вытерт и положен у печки. Мусьма неотрывно следила за всеми манипуляциями, боясь, как бы это не повредило рыжему. Но вот и она успокоилась. Принесли чай с душистым медом и сдобными булочками. Подкрепляясь, Янеш напряженно думал.

Проблем было несколько — во-первых — укрытие для Торстура. Во-вторых — как увеличить скорость и устойчивость кокона. Этими размышлениями он поделился с Графом. Тот задумался, но вскоре вызвал корабельных мастеров. На манипулятор кокона был поставлен небольшой парус, которым можно управлять изнутри. Торстуру соорудили теплый мешок, и укрепили его сзади. На этом все приготовления закончились, и осталось только дождаться перерыва между ливнями. Все внимательно внюхивались, что бы не пропустить этот момент, ибо между дождями времени было совсем немного. Янеш напряженно вслушивался. Звук дождя, как и в прошлый раз, прекратился вдруг, мгновенно.

— Пора, — сказал Янеш и помахал рукой.

Ворота открылись, и кокон выехал наружу.

Да, с парусом было куда быстрее! Они помчались, подгоняемые ветром. Вот мелькнули последние дома, и дорога потянулась вверх, петляя меж огромных валунов. Выглянувшее было солнышко быстро затягивало серыми тяжелыми тучами. Еще чуть-чуть и вновь прольется ливень. Нужно было сворачивать и съезжать с дороги, чтобы их не смыло водой. Но это было не так-то просто. Дорога, вымытая за столетия дождями, проходило как по дну огромного, извилистого желоба. И выбраться из него было не под силу их маленькому кокону. Уже упали первые капли, а Янеш все еще вел свой «кораблик» вперед, озираясь в поисках убежища.

И тут его осенило!

— Мусьмочка, пожалуйста, — сказал Янеш, — выйди и закрепи трос лебедки вон за тот камень.

Кошке не хотелось идти под дождь, но и она понимала необходимость этого шага.

Ловко накинув трос на огромный валун, она закрепила крюк и нырнула обратно. И вовремя. С неба опять полило. Янеш поспешно убрал парус, прикрыв им мешок с Толстуром.

По дороге побежал ручеек, затем еще один и еще. И вот уже целый поток с ревом ста разъяренных быков несся по желобу, что раньше был дорогой.

Кокон оторвало от земли, и Янеш, пристегнувшись, взял Мусьму к себе. Их болтало в потоке, и камешки большие и поменьше бились в бока. Янеш крепко прижимал к себе кошку. Они оба беспокоились о Толстуре. Каково ему там, за бортом?

Как и в прошлый раз, ливень прекратился сразу, вдруг. Выждав еще какое-то время, пока схлынет вода, Янеш выпустил Мусьму наружу.

Первым делом она проверила Толстура. Рыжий продолжал спать. В мешке было по-прежнему тепло и сухо.

Лебедка отцеплена, парус поставлен, и кокон вновь понесся вверх по дороге. Янеш управлял парусом, стараясь все время ловить ветер так, как объяснял мастер корабелов. Навыков у него пока было маловато и приходилось помогать рулем. И даже не смотря на это, пару раз они чуть не врезались в придорожные валуны.

Мусьма сидела рядом. Шкурка ее намокла, и лапы были в грязи. Это ей совсем не нравилось, но выбора не было.

Еще трижды пришлось им пережидать ливень, пока впереди не показались стены Храма. Янеш вздохнул с облегчением. Но он рано радовался. На землю вновь упали первые капли. Ворота

были заперты, и вряд ли кто рискнет выйти под ливень, чтобы впустить неизвестных.

Нужно было опять укрепляться и ждать. Янеш покрутил головой. Рядом не было ни одного валуна, который мог бы послужить им якорем. Стены Храма столь высоки, что и думать нечего лезть на них. А дождь готов был превратиться в ливень. И тут у Янеша мелькнула идея.

— Мусьма, ты сможешь пролезть под воротами? — спросил он.

Мусьмочка устало кивнула. Она уже еле шевелила лапами. Но все-таки вновь вышла из кокона, пролезла под воротами и затащила туда трос лебедки. Янеш убрал парус. И небеса разверзлись. Этот ливень был гораздо сильней, а может быть, Янешу так казалось. Он сидел пристегнувшись и смотрел, как ручейки превращаются в бурный поток. На душе было смутно. Успела ли Мусьма закрепить трос? Нашла ли за что? Он усмехнулся. Сейчас это будет ясно. Если кокон удержится — значит успела. Как она там сама? Нашла ли, где спрятаться? Ему было неловко, что маленькой кошке приходиться столько работать, но помочь он ей ничем не мог. Да что там! Он даже вылезти не мог из этого кокона.

Кстати, о коконе. Поток уже полностью поглотил его, но пока трос еще держит. У Янеша отлегло от сердца. Значит, Мусьма успела. И вновь тревога за пушистых навалилась на него.

Янешу было очень одиноко и страшно. Страшно слышать, как песок и камни скребутся, ударяются в хрупкие стены кокона. Страшно даже думать о том, как там, в легком мешке, за бортом, совершенно беспомощный кот. И успела ли спрятаться Мусьма…

В какой-то момент Янешу показалось, что в коконе стало светлее. Оказывается, ливень уже закончился, солнце светило вовсю, и поток быстро мелел. Янеш с облегчением вздохнул. Кокон, исцарапанный и грязный, уже стоял на колесах.

Янеш подъехал ближе и принялся манипулятором стучать в ворота. Грохот стоял такой, что казалось, мог разбудить даже Торстура.

Наконец, ворота приоткрылись, и Янеш въехал во двор. Снова тучи затянули все небо и вот-вот поглотят солнце. Янеш отметил, что промежутки между ливнями стали заметно короче.

Трос лебедки был обмотан вокруг огромного дерева, что росло посреди двора. Какая-то девушка в простом белом платье отцепила крюк, и Янеш быстро смотал лебедку. Девушка сделала ему знак следовать за ней и быстро побежала к входной арке высокого белого строения. Янеш покатил за ней. Вода вновь хлынула с неба потоком. Обернувшись, Янеш улыбнулся. Он

чувствовал себя как в пещере сплюха. И дождь, стоявший стеной, напоминал водопад.

Девушка ввела его в просторную комнату, где горело множество свечей. Старая женщина, в таком же белом платье, держала запеленатую, как младенца, Мусьму.

— Приблизься ко мне, — сказала она голосом, исполненным силы.

Янеш подъехал к ней ближе. Девушка взяла со стола свечу и поставила ее в проходе, замыкая круг, в который въехал Янеш.

— Закрой глаза, — вновь сказала Старая женщина, — и выходи. Представь, что ты просто встал со стула и идешь.

Янеш так и сделал. И вышел из кокона. Вышел прямо через стену.

Янеш с недоверием потрогал бок своей машины. Старая женщина улыбнулась:

— Я, чувствую, что ты удивлен. Ты действительно выбрался из своего кокона. Но только в пределах светлого круга.

Эти слова напомнили Янешу о Толстуре, и он быстро развязал мешок. Там все еще было сухо.

Янеш достал спящего кота и вместе с ним подошел к женщине. Вид у нее был строгий и вместе с тем доброжелательный.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказал Янеш, слегка поклонившись, — меня называют Янеш, здесь я кверхногий волшебник. В Цветочном городе мне сказали, что в Храме могут помочь моему другу. Он случайно заснул в Долине роз перед самым дождем.

Женщина улыбнулась:

— Зови меня Стажена. Я — старшая жрица Богини Жизни, то есть Берегиня. Давай посмотрим, что с твоим пушистым.

С этими словами она отдала сладко зевнувшую Мусьму подошедшей девушке и взялась за Торстура.

Ощупав его от носа до последнего когтя, Стажена велела девушкам принести медный чан, молоко и кучу остро пахнувших мешочков с травами. Чан был установлен на треногу над жаровней, молоко грелось, а девушки ритмично постукивали пестиками, растирая в пыль нужные травы.

Янешу досталось крошить огромным стеклянным ножом какие-то корешки, подозрительного синего цвета. Работа была несложной, но весьма нудной. И чтобы как-то отвлечься, Янеш стал напевать в такт ударам:

Раз и два, и три, и пять,
Мы поехали гулять

Но не просто гулять,
А Хрусталики искать.
Глаз нашли, Язык и Ухо
Нос найдем, как станет сухо
Только кот не стал искать,
Он лентяй и хочет спать.

Песенка складывалась сама собой и вдохновленный этим, Янеш не замечал, что поет все громче и громче. О художественной ценности этой песни можно было бы поспорить, но размер и рифма сохранялись. Впрочем, Янеш об этом не думал. Он просто пел, постукивая в такт ногой:

Тра-та-та, тра-та-та,
Бросили мы в котел кота.
Молока напьется,
И сразу же проснется.

Девушки, разминающие снадобья, захихикали, и Янеш смутился. Стажена с удивлением посмотрела на него:

— У вас принято заклинать еще до начала действия?

— Это не заклятья, — сказал Янеш, — это я так, песню пою.

— Что такое песня? — опять спросила Стажена.

— Это такой рассказ, где все складно. И не говориться, а поется, — пояснил Янеш.

Стажена покачала головой.

— Есть разные песни, — продолжил Янеш, — одна заставляет грустить, от другой люди веселятся, от третьей — маршируют и идут на войну. В общем, разные песни.

— Спой что-нибудь, — предложила Стажена.

И Янешу ничего лучшего не пришло в голову, как запеть колыбельную:

Баю-баюшки баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок.

Он пел старательно, с чувством и вдруг, на четвертом куплете, услышал, что кроме песни нет никаких звуков. Девушки дремали, опустив пестики, Стажена сидела, не шевелясь и даже огонь под медным чаном замер.

Это Янеша удивило и озадачило. Он ведь пришел сюда, чтобы разбудить Толстура. А вместо этого усыпил всех. Тогда, перебрав в уме возможные варианты, он тихонько запел:

Встань пораньше, встань пораньше,
Встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот.
Ты услышишь, ты услышишь,
Как веселый барабанщик
В руки палочки кленовые берет.

Янеш отбивал ритм ножом и пел все громче и воодушевленнее. И, девушки, одна за другой просыпались, и огонь затрещал сильнее, и даже Стажена, вздрогнув, открыла глаза. Янеш допел до конца.

— Хорошие песни, — похвалила Стажена и добавила, — мы займемся этим позже.

Она высыпала в молоко содержимое всех ступок. Молоко вспенилось, порозовело. Стажена велела девушкам снять котел с огня. Затем она взяла Торстура за задние лапы и полностью погрузила его в котел. Янеш заволновался, ведь молоко только что закипело. Он хотел было вмешаться, но тут раздался какой-то звук. Янеш прислушался. Звуки доносились из чана. Как будто кто-то огромный лакал молоко. Янеш подбежал ближе. Поздно. Звуки прекратились, и Янеш несмело заглянул внутрь. В совершенно пустом котле сидел довольный Торстур и умывался.

— Вкусное молочко было, — сказал он, выпрыгивая, — а что больше не осталось?

— Торстур, поросенок, ты и так выпил целый котел. И куда только влезло? — засмеялся Янеш.

Кот потерся об его ноги пушистым боком, потом важно приблизился к Стажене.

— Благодарю вас, сударыня. Весьма признателен. Весьма.

Стажена улыбнулась. Уж очень потешно выглядел рыжий. Бока его были раздуты, брюшко чуть не волочилось по полу. В общем, не кот, а пародия. Она наклонилась и погладила рыжую шерстку.

— Только, чур, без нежностей, — сварливо сказал кот, — и не тискать. А то я, кажется, лопну.

Все засмеялись.

— Спасибо вам, Берегиня Стажена, — отсмеявшись, поблагодарил Янеш, — а теперь нам пора.

Стажена покачала головой.

— Вы не сможете уйти сейчас, — сказала она, — сюда вы

добрались в первый день ливней. Тогда еще были небольшие промежутки между потоками. Но сейчас, в самый разгар сезона, перерывов нет вообще.

— А долго нам ждать?

— По внешнему времени — неделю или около того, — пожала плечами Стажена.

Янеш усиленно размышлял. Получалось, что здесь они целую неделю? Если уже сильный разгар ливней, сезон которых всего-то две недели. Что-то тут не так.

— А что, здесь время другое?

— Везде время другое. У каждого — свое. Вот ты знаешь ведь свою линию времени? — полуспросила, полуутвердила Стажена.

Янеш отрицательно покачал головой:

— Я еще не волшебник, я только учусь. И про время мы с Люсиндой не говорили.

Стажена вздохнула и хлопнула в ладоши. Девушки в белом принесли ей большую книгу в кожаном переплете. Торстур, свернувшись клубком, спал у ее ног крепким сном. Его усы время от времени шевелились, а лапы мелко подрагивали. Наверно, ему снились вкусные мыши.

Стажена листала свой фолиант, стараясь найти нужное место. Наконец она подала книгу мальчику:

— Читай отсюда, — и указала пальцем.

— Чтобы уметь пользоваться (по волшебному — структурировать) временем по своему разумению, сначала нужно определить течение собственной линии времени, — читал слегка дрожащим от волнения голосом Янеш, — для этого необходимо взять какое-то действие, которое ты делал раньше, делаешь теперь, и будешь делать потом.

— Как это, взять действие? — перебил сам себя Янеш.

— Это означает вспомнить, придумать.

— А какое действие?

— Ну, не знаю, какое ты выберешь, — сказала Стажена, — может быть умывание, может быть пробуждение, может быть, как ты ешь конфету… То, что тебе приходится часто делать и потому хорошо знакомо.

Янеш думал недолго. Умываться он, конечно, умывался, но нельзя сказать, чтобы это ему нравилось. Так же, как и просыпаться по утрам — всегда хочется еще немножечко поваляться. А вот конфеты он любил.

— Про конфеты, — сказал он.

— Тогда представь, как ты ешь конфету, ну, скажем год назад, — попросила Берегиня.

И Янеш представил, как он вот берет конфету, разворачивает

и откусывает. На зубах хрустнула вафелька, во рту стало сладко. Пока жевал — фантик разглядывал. Это у него привычка такая — сначала конфету быстрее в рот сунуть, а уж потом рассматривать. Это чтобы не отобрали или чтоб не делиться. Янеш вообще-то не жадный, но конфеты очень любит.

— Представил? — спросила Стажена, — а теперь представь, как это было бы неделю назад.

Потом Янеш представлял, как это было бы сегодня, как могло бы быть через неделю и через год. И все у него получалось.

А у кого бы не получилось? Если бы вы попробовали, у вас бы тоже получилось.

И получилось у Янеша целых пять как бы маленьких фильмов и волшебница, прикоснувшись рукой к его голове, вывела все пять наружу, чтобы и ей было хорошо видно.

А если у вас нет рядом волшебницы, то попросите рассказать, что же нарисовано, того, кто эти фильмы себе представил. Только, чур, самим придумывать.

И вот все пять фильмов повисли перед ними в воздухе, и волшебница попросила Янеша расположить их в каком-то порядке на большом белом экране, который вдруг тоже появился и повис рядом с ними.

— Это легко, — сказал Янеш и расположил их вот так.

— А как бы вы расположили?

И тогда Стажена продолжила:

— Такой расклад твоих фильмов говорит о том, что Линия твоего времени тянется справа сверху (из будущего), через прямо перед собою (настоящее), кверху налево (это прошлое).

И пока она это произносила, вдруг возникла мерцающая нежным голубым светом струя — линия времени.

— Ого! — сказал Янеш, — Она теперь будет всегда?

— Она и была всегда, — засмеялась Стажена, — редко кто ее видит, но каждый может почувствовать. И даже изменить ее конфигурацию.

— А что, разве не у всех такая?

— Конечно, нет. Помнишь? У каждого своя карта мира и Линия времени тоже своя. Но интересно не только какая она, эта линия, но и что с ней можно делать.

— Вот покажи, например, где находится то время, когда тебе нужно уходить?

Янеш показал. Местечко это было чуть правее того, где находилось его настоящее.

Волшебница улыбнулась:

— Конечно, тебе кажется, что уже пора. Но давай отодвинем этот момент подальше направо. И договоримся, что утро еще не

скоро, и пройдет несколько дней по твоему времени, прежде чем в общем времени займется рассвет.

И глядя на недоумевающего Янеша, добавила:

— Мы, волшебники, всегда так делаем, если необходимо отдохнуть или подумать — намечаем себе точное время и отодвигаем его по своей Линии времени подальше. Бывало, пройдут годы, пока общее время отсчитывает час. Это очень удобно.

— А что время можно только отодвигать?

— Ну, во-первых, не время, а момент во времени, а во-вторых не только отодвигать, — ответила Стажена, — при необходимости ты можешь его и придвигать, и выстраивать новые линии, и закладывать себе в будущее или в прошлое различные события.

— Ни фига себе, — подумал Янеш, — вот это возможности!

И вдруг ему вспомнилась сказка. Там принцесса вместе со всем королевством уснула на сто лет. А когда какой-то бродячий принц ее разбудил, то оказалось, что она совсем не постарела.

Об этой сказке он и спросил у Стажены.

— Да, — кивнула та, — фея, что спасла твою принцессу, заложила большую временную петлю во внешнем мире, а их внутреннее время — сжала.

И на том месте, где был экран со сладкими фильмами Янеша, появилась такая картина.

— Это как в реке. Есть струи, которые мчатся быстро, сжато, а есть такие, которые омывают дно, все его ямы и изгибы. Они более медленные, неторопливые. А река у них одна.

— А как это сделать? — зачарованно спросил Янеш.

— Читай дальше, — предложила ему Стажена.

— Для того, чтобы сократить внутреннее время, ускорить начало любого события, надо сделать следующее, — читал Янеш, — Первое. Определить нахождения линии будущего в пространстве. Второе. Найти на этой линии местонахождение начала события — место-А. (см. рисунок). Третье. На этой же линии найти желаемое время начала события, место — В. Подтянуть событие из места А в место В, сократив внутреннее время ожидания.

Янеш внимательно рассмотрел рисунок.

— Попробуй сам, — предложила Стажена.

Янеш представил свою линию будущего, на ней где-то в метрах трех от него нашлось место для того времени, когда Янеш надумал бы уснуть.

Потом он представил, что неплохо бы уснуть минут через пять. Место для времени «через пять минут» было почти рядом. Тогда Янеш взял и переместил событие засыпания из места, что

было где-то метрах трех от него, туда, в место, которое было совсем рядом.

Сначала ему показалось, что ничего не произошло. Только какая-то мягкая слабость разлилась по ногам, потом по рукам, потом захватило спину, живот. Янеш зевнул сладко — сладко, так, что аж глаза зажмурились. И открывать их потом совсем не хотелось.

Так, с закрытыми глазами, он протянул Стажене фолиант в коже и спросил сонным голосом:

— Где тут у вас можно прилечь?

— Янеш, верни обратно время, — услышал он сквозь наступающий сон, встревоженный голос Стажены.

Потом он еще чувствовал, как его куда-то ведут, тормошат, но проваливался в сон все глубже и глубже.

Глава XIV

— Янеш, пришло время подниматься, — услышал он над собой. Его опять тормошили чьи-то руки.

— Откуда пришло? — спросил он, не открывая глаз.

Руки на секунду остановились.

— Время — то откуда? Из будущего, наверно, — и руки вновь стали его тормошить. Пальцы прошлись по ребрам, и Янеш засмеялся.

Но глаз упорно не открывал. Вставать ничуть не хотелось. И тут Янеш вспомнил о том, как недавно манипулировал со временем. Он представил момент вставания на своей линии. Н да, выходило весьма далековато. Тогда Янеш переместил этот момент к себе так, что увидел его прямо перед собой.

И тут же ощутил какое-то непонятное беспокойство, даже в животе похолоднело. Янеш открыл глаза и быстренько встал. Беспокойство сразу улеглось.

— Так вот как это делается, — подумал Янеш про себя, — надо еще поэкспериментировать.

Из-за вчерашнего похода в ресторан, Янеш не успел сделать задания по математике. Надо сказать, что математику он не любил, и она ему платила тем же. Янеш чистил зубы и думал:

— У меня есть минут пятнадцать. А математику я делаю не меньше часа. Значит, есть два места. Одно, назовем его А — это где кончаются пятнадцать минут, а другое, — где кончается час. Значит, событие из места А нужно отодвинуть в место В. Попробуем.

И Янеш засел за уроки. Через какое-то время к нему подошла мама и с удивлением наблюдала, как Янеш с огромной скоростью строчит в тетради. Делал он это уверенно, почти не останавливаясь на размышления. Постояв еще немного, мама ушла.

Но если бы она осталась, она бы увидела, что Янеш вдруг остановился и медленно, с обычной для него скоростью, еще пять минут дописывал один-единственный пример. Этот резкий контраст непременно бы ее поразил. Но мама, к счастью, ушла.

А объяснялось все просто. Янеш ошибся в своих расчетах. Ему нужен был не час времени, а чуть больше. Поэтому последний пример был им записан уже в общем времени.

Дожевывая на ходу, Янеш натянул куртку и отправился в школу. Он был весьма доволен собой.

Четвертым уроком была физкультура. Янеш ее не очень любил, особенно, когда бегали кросс. Ему еще ни разу не

удавалось прибежать первым. Впрочем и смысла в том, чтобы просто так бегать вокруг стадиона, он не видел. Другое дело, в футбол поиграть или еще во что. Тут Янеш всегда бегал с энтузиазмом.

Вот и сегодня они должны бежать целых три круга и на время. Сан Саныч, их физкультурник, бодро крутил в руках секундомер, разбивая класс на четверки.

Янешу досталось бежать с Яковлевым, Синицыной Аней и Элкой Ушаковой. Ее Янеш определенно не любил. Была она самой высокой, длинноногой и бегала так, что не угонишься. Да к тому же еще противно дразнилась.

Видя, что Янеш не в восторге от предстоящего, Элка высокомерно оглядела его и сказала:

— Ты, Петровский, смотри, под ногами не путайся на старте.

— А почему только на старте? — заинтересовался Яковлев.

— А потом он все равно отстанет, — презрительно усмехнулась Элка.

— Да я вперед тебя прибегу, — сказал вдруг Янеш, неожиданно для себя. Сказал и сам удивился.

Элкины брови поползли вверх. Обычно Янеш отмалчивался.

— Свистун, — сказал Яковлев и сплюнул.

— Не ссорьтесь, мальчики, уже на старт, — попыталась успокоить их Синицына.

Янеш лихорадочно соображал. С математикой у него не слишком ладилось и он никак не мог представить, какое время ему нужно.

— Ладно, — решил он для себя и подошел к Сан Санычу.

— Скажите, а какой мировой рекорд на этой дистанции?

Сан Саныч задумался. С чувством юмора у него было нормально, и его любили. Янеш ждал, серьезный и собранный. Назвав примерное время, Сан Саныч поинтересовался:

— Что, собираешься рекорд побить?

Янеш серьезно кивнул. Он примерно вычислил, куда необходимо сместить время.

И вот старт. И Янеш понесся так, как будто бежал стометровку. Ребята пробовали удержать этот темп, да где там! Янеш уверенно вырывался вперед. Даже длинноногая Элка скоро отстала. Пока ребята заканчивали первый круг, Янеш вышел на последний поворот. Осталась финишная прямая. Янеш летел как на крыльях. Финиш!!!

Пробежав по инерции какое-то расстояние, он сошел с дорожки и вернулся к Сан Санычу. Тот изумленно чесал затылок.

— Что, получилось побить рекорд? — спросил Янеш. Он был куда как доволен собой.

— Получилось, получилось, — все еще изумленно подтвердил Сан Саныч и подозрительно спросил, — как это у тебя получилось?

— Время структурировал, — пожал плечами Янеш.

Тут финишировали остальные из его четверки, Сан Саныч защелкал секундомером и разговор к вящем удовольствию Янеша, был прерван.

На перемене Сан Саныч сам занес журнал в учительскую. Заходил он сюда ой, как редко и поэтому его появление не прошло незамеченным.

Поздоровавшись, он сказал:

— Ну-ка физики-лирики, кто знает, что такое структурирование времени?

Большинство учительниц пожало плечами и занялось своим делами. И лишь Валентина Ивановна, что преподавала физику, заинтересовалась:

— Откуда вы это взяли?

— У меня сегодня Петровский пробежал вот какое расстояние за вот это количество времени, — и он показал «физичке» цифры, записанные на листочке, — и если это перемножить, то получается, что он бежал со средней скоростью около… километров. А так даже лошади не бегают.

— Ну, сейчас такие акселераты, — улыбнулась «физичка», — такие лоси по школе ходят…

— Он — пятиклассник, — перебил ее Сан Саныч.

— Ого, — только и смогла сказать Валентина Ивановна, — и как это у него получилось?

— Я ему тоже этот вопрос задал. И знаете, что он ответил? Что структурировал время! Объясните мне, как он это сделал.

— Может, лучше у него спросить? — осторожно предложила физичка.

— Да не солидно как-то, — ответил Сан Саныч и отправился к себе, в спортзал.

Янеш шел домой. И даже не шел, а плелся. Все тело болело. Ныли ноги. И он машинально переставлял их одну за другой, желая скорей добраться домой. И чтобы мама оказалась дома. Она бы ему помогла бы.

Янеш тащился по улице, жалея себя все сильнее и сильнее.

Мама оказалась дома. Увидев, что Янеш находится в киселеподобном состоянии, она принялась за расспросы. Выяснив же в чем проблема, мама наполнила ванну горячей водой, и затем кормила отмокающего в воде Янеша, поставив тарелку на подставку для стиральной машины.

Господи, какое это блаженство, лежать в теплой воде,

поглощая горячие бутерброды с чаем, и беседовать с мамой, что присела на краешек ванной!

У Янеша сразу поднялось настроение. А когда, вытащив его из ванной, она размяла нужные мышцы — всю усталость и боль как рукой сняло.

Вскоре мама убежала на работу.

Из всего произошедшего Янеш сделал два вывода: Во-первых, за все приходится платить. И на одном структурировании времени далеко не уедешь. Мама объяснила ему, что если много пробежать без тренировки, а потом долго посидеть без движения, то мышцы как бы застывают и весьма неприятно ноют. Так, что на время надейся, а на тренировки ходи. А второй вывод — горячая ванна — это класс!!

Янеш занялся уроками. Он вновь и вновь структурировал время, растягивая его. И не прошло и получаса, как все уроки были готовы. Янеш даже рюкзак собрал на завтра.

До вечера еще оставалось уйма времени, и Янеш решительно не знал, чем себя занять. Посидев некоторое время просто так, Янеш, наконец, определился и быстро набрал мамин номер.

— Ма, это я. Можно я к бабушке съезжу?

— Чего вдруг? — подозрительно спросила мама.

— Просто так. Уроки я уже сделал, — доложил Янеш.

— Ну езжай. Деньги в столе, купи чего-нибудь к чаю. Вечером заеду, — маме явно было некогда, и она положила трубку.

Янеш с радостью запрыгал по комнате. Ноги уже ничуть не болели. Времени было завались, денег — хватит на торт, если ехать зайцем.

Именно так он и поехал. Когда к нему подошла толстая тетка, что продает билеты, Янеш, глядя прямо на нее, сказал:

— Извините, я все деньги потратил на торт для бабушки, — и улыбнулся.

— Тоже мне, Красная Шапочка, — проворчала тетка и тут же распорядилась, — гражданин, подержите торт у мальчика, а то еще уронит.

Гражданин с неохотой поставил трот на колени. Янеш благодарно улыбнулся ему и еще раз — специально для билетерши. Ему это ничего не стоило, а действовало безотказно.

Бабушка была приятно удивлена и весьма обрадована. Она любила Янеша, любила разговаривать с ним и с удовольствием слушала его рассказы.

Впрочем, Янешу везло на взрослых. Его принимали всерьез и общались с ним на равных. Правда, капризничать он уже не мог и выкидывать всякие «дурные младенческие шалости», тоже.

Но тут уже приходилось выбирать: или вести себя как взрослый, чтобы быть с ними на равных, или оставаться «дурным младенцем», которому многое позволительно, но которого никто не принимает всерьез. Янеш уже давно выбрал первое, и поэтому проблем с общением у него не возникало.

Вот и теперь, уминая свой любимый торт «для бабушки», Янеш рассказывал про свои приключения в школе. Потом, незаметно для себя, перешел на совсем другие темы. Бабушка умела слушать с интересом. И Янеш сам не заметил, как выложил ей все и про Долину спящих роз, и про Храм Башни Жизни, и про Стажену и ее девушек в Белых платьях.

— Они нам так помогли, Торстура вылечили, как структурировать время показали, — говорил Янеш, — мне бы хотелось им что-то подарить на память.

Бабушка задумалась.

— И все в белых платьях, говоришь? — она покачала головой, — попробуй научить их наносить рисунок на ткань.

— А как это? Я и сам не умею.

— Пойдем, покажу.

Бабушка достала с полочки старый белый лоскут, затем из картошки вырезала формочкой для теста сердечко, звездочку и цветок.

— А дальше просто. Закрепляешь ткань, натягиваешь ее, — и бабушка ловко приколола кнопками лоскут к разделочной доске, — затем готовишь краску, не слишком жидкую, макаешь туда печать, и отпечатываешь на ткани.

У бабушки получалось ловко.

— Я тоже хочу, дай и я, — заторопился Янеш. Он взял печать с сердечком и по рассеянности ткнул не в блюдечко с краской, а в блюдечко с вишневым вареньем.

Отпечаток получился другого цвета, но не чуть не хуже. Янешу так это понравилось, что он «испечатал» весь лоскут, а кое в каких местах — даже дважды.

— Классный подарок, — сказал он наконец.

За этим делом они с бабушкой не заметили, как пролетело время.

Забежала, торопящаяся как всегда, мама. Расцеловавшись с бабушкой и обменявшись новостями, пока Янеш одевался, она подхватила сына за руку, и они торопливо побежали вниз по ступенькам.

— Ма, ты такая быстрая — сказал Янеш уже в машине. И тут в его голову пришла мысль, что мама, наверное, тоже растягивает свое время, поэтому со стороны кажется, что она постоянно куда-

то бежит. Мысль эта пришла так внезапно и так ошарашила Янеша, что замолчав на полуслове, он какое-то время сидел с открытым ртом, хлопая глазами.

— Что, привидение увидел? — насмешливо спросила мама.

— Нет, мам. Просто я понял, почему ты такая быстрая. Ты время структурируешь.

Теперь настал мамин черед хлопать глазами.

— Что, привидение увидела? — с деланным испугом спросил Янеш и они оба рассмеялись. Потом мама потрепала его по щеке:

— Растешь, сынок! Скоро сам побежишь по эскалатору…

— По какому эскалатору?

— Видишь ли, солнце мое, к каждой цели, какую бы ты перед собой не поставил, ведет лестница. Ступенек может быть очень много, а может быть только две-три. И тебе нужно подняться по ним, чтобы добраться туда, к своей цели, к своей мечте.

Но это не простые ступеньки. Это эскалатор и он все время спускается вниз. И тебе приходится двигаться быстро, энергично, чтобы подниматься вверх. Если ты будешь лениться, то все твои усилия будут напрасны — ты передвигаешь ноги вперед, а эскалатор двигается вниз, и ты топчешься на месте.

А если ты вообще перестанешь двигаться, то эскалатор просто снесет тебя обратно, вниз.

И так происходит всю жизнь. Сначала родители помогают своим детям, держат их за руку, а то и несут. И при такой ноше взрослый замедляет свой темп. Поэтому и говорят, что дети и семья — большая обуза.

Но бывает и по-другому. Если помогать друг другу, поддерживать и идти вместе к одной цели, то тогда семья и дети — это не только не обуза, а наоборот — помощь и поддержка.

— Ма, а все люди идут по эскалатору?

Мама задумалась.

— Нет, не все. Но большинство. Есть, конечно, есть такие, кто отказывается мечтать о чем-то и идти к своей мечте. Или такие, кто достиг уже всего, чего хотел. И такие люди или полностью счастливы, или весьма несчастны и сеют такое же несчастье вокруг себя.

Они разговаривали долго. В машине было тепло, уютно урчал мотор. И Янеш вдруг заметил, что они не проехали еще и половины пути.

— Ма, ты опять время структурируешь?

Мама кивнула и засмеялась.

— Значит, это можно всегда делать?

— Можно, — согласилась мама, — все волшебники так и делают, поэтому и жизнь у них интересная, очень насыщенная.

— А остальные люди тоже так могут?

— Конечно, могут. Только не делают. Во-первых, потому что не знают как. Во-вторых, время не ценят. Даже выражение такое есть — «убить время». А в третьих, чтобы жить, как живут волшебники, нужно иметь много силы, энергии.

— Зачем?

— Затем, чтобы хватало сил. Вот представь — ты за день можешь пройти, ну скажем, двадцать километров. Ты структурировал время и прошел эти километры за полдня. Казалось бы, тогда за вторую половину ты можешь пройти еще столько же. Но не тут-то было.

— Почему?

— Потому, что за полдня ты устал, как за целый день! Еще есть время, целых полдня, но сил идти уже нет. Понимаешь?

— А у волшебников откуда сила?

— Они знают, как ее добывать и накапливать, — пожала плечами мама, — и никогда не ленятся это делать.

Они, наконец, доехали. Поднимаясь по лестнице, Янеш вдруг ощутил, как он сегодня устал.

И едва коснувшись подушки, он крепко уснул.

Глава XV

Проснулся Янеш вдруг, как от толчка. Свечи продолжали гореть, образуя Светлый Круг. Янеш потянулся. Он лежал на огромном мешке, набитом чем-то шелестящим и очень пахучим. Янеш потянулся еще раз, и его руки коснулись чего-то мягкого и пушистого. Это были помощники. Они тоже проснулись и потягивались.

Появилась Стажена со своими девушками.

— Как спалось путешественникам?

— Спасибо, — за всех ответил Янеш. И тут вспомнив, что они делали у бабушки и добавил, — мне во сне приснился подарок для вас.

И он попросил лоскут ткани, пару картошин и прочие необходимые предметы.

— У вас растут такие красивые цветы, все такое яркое и цветущее. И только ваши платья совсем белые, бесцветные.

Янеш говорил, а сам аккуратно вырезал ножиком картофельные печати. Девушки, да и сама Стажена глядели во все глаза. А Янеш, напевая, укрепил ткань, как учила бабушка, и взялся за краски. Краски были что надо. И вот он обмакнул первую печать и слегка задумался. Девушки затаили дыхание. Печать коснулась ткани, потом отодвинулась, и вздох восхищения пронесся по Светлому Кругу. А Янеш смело ставил печати одну за другой.

Получалось очень интересно. По лоскуту прошла кайма с лилиями, затем с васильками, потом были еще какие-то цветы.

Девушки были в восторге. А Янеш просто фонтанировал идеями.

— А еще можно красить всю ткань, вырезать из нее цветы и пришивать на платье.

— А еще можно рисовать цветы цветными нитками. Это называется вышивка.

— А еще можно вышивать бисером. Это такие маленькие круглые камушки с дырочкой.

Слушали его очень внимательно. Храм Богини Жизни был не только огромной лечебницей и аптекой. Этот Храм был еще и школой, в которой обучались девочки от двенадцати до пятнадцати лет.

Взять такую девицу в жены считалось большой удачей. Поэтому Храм, поддерживая свой престиж и авторитет, всегда был рад новым ремеслам. Особенно для женщин. И подарок Янеша пришелся как нельзя более кстати.

Стажена шепнула что-то одной из девушек и вскоре та подала ей небольшую шкатулку темного дерева. Янеш отдал девушкам свои «инструменты» и они убежали, смеясь и щебеча. Каждой самой хотелось попробовать сделать такую кайму.

Стажена поманила Янеша. Он подошел. Старая женщина открыла шкатулку, и Янеш увидел Хрустальный Нос. Он был тонкий, с аккуратно очерченными ноздрями. Стожена закрыла шкатулку и подала ее Янешу.

— Я знаю, что ты ищешь это. Ты добрый и смелый мальчик. Мы очень дорожим этим предметом. И все-таки я отдаю его тебе. А теперь прощай. Вам нужно покинуть Храм прямо сейчас.

Янеш кивнул. Обычно его приглашали остаться, погостить, даже выставляли караулы, чтобы задержать его подольше. А тут — уже попрощались.

И как бы понимая его мысли, Стажена сказала:

— Пока льет дождь, я могу помочь вам уйти через поток.

— Через зеркало Сплюха? — оживился Янеш.

Берегиня кивнула. Она как бы прислушивалась к чему-то еще неслышимому.

Девушка в белом платье, по вороту и подолу которого уже проходила цветочная кайма, перенесла запирающую Круг свечу на стол. Янеш закрыл глаза и представил, что он просто садится на свое сиденье. Метод сработал и в обратную сторону — он опять оказался сидящим в коконе, продолжая держать в руках шкатулку с Хрусталем.

Вслед за Стаженой кокон покатил по коридору к выходу. Дождь все еще лил стеной. Мусьма залезла к Янешу в кокон, Торстур, ворча, ворочался в наружном мешке, устраиваясь поудобней.

И вот поток остановился. Стажена продолжала работать. Сзади из коридора раздался шум и топот. Янеш оглянулся — толпа охранников, которых он здесь ни разу не видел, спешила к ним. Янеш удивленно взглянул на Стажену.

Остановленный поток раскололся со звоном.

— Уходите, — сказала Стажена.

— Зачем они? — спросил Янеш, имея в виду стражей.

— Это стражи Носа. Они все-таки почуяли неладное, — ответила Стажена, — уходите быстрей.

И, видя колебания Янеша, она устало улыбнулась:

— Езжай. Они мне ничего не сделают.

Открытый поток продолжал звенеть все выше. Янеш понял, что еще секунда и будет поздно. У Стажены не хватит сил структурировать время, удерживая стражу на расстоянии и держать открытой «дверь». И он решительно въехал в проход.

Сначала Янешу показалось, что они не успели, и поток закрылся. Потом он понял, что ошибается. Они попали не под воду дождя. Это была река. И кокон, то выныривая, то опускаясь глубже, мчался по течению вниз.

И вода эта была бы вполне обычной, если бы не была такой теплой. Можно было даже сказать, не теплой, а откровенно горячей.

Янеш достал карту. Так вот они где! Стажене удалось переслать их через Скользкие Горки и плывут они сейчас по Теплой реке. И скоро будет поселок Рукотворный. Они находились в стране Щупачей.

Кокон продолжал плыть все дальше и дальше вниз по течению, а поселок по правому берегу все не появлялся. Наконец, впереди замаячило что-то высокое. Янеш всматривался, напрягая глаза, и не верил сам себе. К ним приближался, вырастая из брызг, мост. Красивый. Ажурный. Арочный.

— Вот тебе раз! — подумал Янеш.

Проскочить Рукотворный поселок они не могли. Значит, Стажена «высадила» их ниже по течению.

Кокон проплыл под мостом, и Янеш повернул к правому берегу. Выбраться из воды труда не составляло. И Янеш вновь взялся за карту. Впереди, а вернее, справа и слева располагались города Правой и Левой руки. Вопрос был в том, какой город выбрать. Мысли метались. Хотелось и направо, и налево. Янеш пытался даже обратиться к своему внутреннему голосу. Но голос этот противоречил не только Янешу, но и сам себе, что помогло запутаться окончательно.

И тут Янеш вспомнил! Выбор должен быть как минимум из трех сторон. Какая же сторона будет третьей? Конечно же, Рукотворный поселок!

И сразу стало легко и даже подумалось, что можно вытащить хрустальные вещи и они наверняка укажут, куда нужно. Янеш хлопнул себя по лбу. Как у него голова заморочилась с этим выбором. Конечно же, Хрусталь сам найдет то, что осталось.

Янеш аккуратно снял спящую Мусьму с мешка, где хранились шкатулки. Разместив Хрустальные вещицы под ремнем, Янеш тут же почувствовал нужное направление. Кокон двинулся, стремясь выехать на дорогу.

Пушистые продолжали спать. И Янешу было немного одиноко. Хотелось с кем-нибудь болтать, шутить, прикалываться. Он досадовал на пушистых, но будить не торопился.

Вместо этого Янеш поднял парус. Кокон, подгоняемый попутным ветром и тягой Хрусталя, несся с невиданной здесь скоростью. Редкие прохожие, конные и пешие, с удивлением

оборачивались вослед удаляющемуся непонятному предмету, но рассмотреть его не успевали — кокон катил все дальше и дальше.

Впереди показался город Правой руки. Янеш было обрадовался, но город быстро остался позади. Кокон опять мчался по пустынной дороге.

— Ого, какие мы быстрые — раздалось у Янеша над ухом. Он аж подскочил от неожиданности, стукнувшись головой об потолок. И успокоился, поняв, что это никто иной, как Торстур. Рыжий высунул голову из мешка и щурился от встречного ветра.

Вскоре показались какие-то странные строения. Даже Янеш, уже привыкший к разнообразию местной архитектуры, был удивлен. Больше всего это походило на огромный комплекс для развлечения малышей. Янеш такой видел летом в парке. Ну, знаете, где надутые стенки, пол и можно прыгать?

Вот и этот поселок был такой же. Только серый цвет его указывал на серьезность строений.

Янеш ехал по улице. У этих строений дверей как таковых не было. Зато были горки, по которым с верхних, видимо, этажей стремительно съезжали все новые и новые люди.

Они здоровались друг с другом, обнимались так, будто сто лет не виделись или, наоборот, прощались на века.

Янеш остановил было кокон на небольшой площади посреди поселка. Но Хрусталь продолжал тянуть дальше. И кокон медленно катился по направлению к самой широкой «горке», которая вела в хитросплетение каких-то коридоров, переходов. У местных строений и так углы были уютно закругленными, а это так просто выглядело как запутанный моток гигантских канатов.

Кокон осторожно въехал вовнутрь и ловко пробирался по хитросплетению круглых коридоров. Янеш сидел, сложа руки. Мусьма, тревожно оглядываясь, сидела рядом. Торстур то прятался в мешок, то вновь высовывался. Он был не только рыжим, и любопытным, но и весьма осторожным котом. Кокон же катил все дальше, подгоняемый Хрусталем.

Обитатели Рукотворного поселка были не на шутку взбудоражены. Они ощутили легчайшее сотрясение земли и высыпали наружу. Их взорам представилось чудное зрелище — в металлическом яйце с прозрачным верхом сидел мальчик и белая кошечка. Здоровенная рыжая морда высовывалась из притороченного сзади мешка. И эта конструкция катила себе все дальше вперед, не издавая почти никакого шума. Прокатив по центральной улице это яйцо, не останавливаясь, последовало в зал для собраний так уверенно, что жители поселка невольно отправились за ним.

А кокон пробирался себе все дальше и Янеш понял, самому

ему отсюда не выбраться. И вот, наконец, последний поворот, спуск и они выехали в большой круглый зал. Хрустальные предметы все, как один, переместились и оказались у Янеша над головой. Кокон слегка подрожал, но не взлетел. И Янеша это порадовало. Он посмотрел в указанном направлении и увидел огромную хрустальную люстру с множеством подвесок. Где-то среди них была и Хрустальная рука. Янеш решил, что этим займется позже. А пока, выпустив котов, он осторожно, предмет за предметом, убрал Хрустальные вещи в мешок.

Один за другим появлялись жители в зале собраний, и уже скоро народу набралось столько, что яблоку было негде упасть. Всем хотелось потрогать кокон. Кто-то постукивал пальцем, кто-то пробовал отколупнуть кусочек и, будь их воля, кокон просто разобрали бы по винтику.

Янешу было ужасно неудобно сидеть — как в заточении. Видеть он почти ничего не мог, так плотно обступили его машинку жители поселка. Задние напирали, желая пробраться поближе, те, кто был впереди, рады были бы уступить им свое место, но уже не могли даже пошевелиться.

— Нужно срочно что-то придумать, — подумал про себя Янеш. Но в голову ничего не приходило. И не мудрено. Вот вам в такой ситуации, что бы пришло в голову?

Янеш напряженно думал. Стенки кокона начали угрожающе потрескивать.

— Стойте! — закричал Янеш. — Почувствуйте, как вам тяжело дышать, когда вас так стеснили!

И все присутствующие сразу же замолчали и прислушались к себе — действительно ли им тяжело дышать? А Янеш продолжал:

— Вы можете ощутить, как ваши ноги с силой упираются в пол и с интересом заметите, что они начинают нести вас назад, к стенам этого зала.

Люди все еще молчали, прислушиваясь к своим ощущениям. Они казались странно задумчивыми, но все-таки медленно отхлынули от кокона.

— Вам приятно ощущать что-нибудь своими пальцами, — продолжил Янеш, заметив, что руки все еще тянутся к его кокону, — поэтому вы возьмете за руки тех, кто стоит рядом с вами. И вместе с ними продвинетесь еще ближе к стенам. И у нас получится тесный круг добрых друзей… Где так легко дышится, где приятная, теплая атмосфера. И держась за руки, мы будем понимать друг друга легко и точно.

Янеш не знал, что же еще сказать. Красноречие его, так неожиданно появившееся, так же внезапно иссякло.

Но его услышали! И хотя Янеш уже замолчал, люди все еще

отходили все дальше к стенам, берясь за руки и образуя большой круг.

Янеш с облегчением вздохнул. Получилось. И ему вспомнилась одна история, где кошка бежала за мышкой. Мышка нырнула в норку. Тогда кошка залаяла. Мышка удивилась и выглянула. Кошка ее тут же схватила, облизнулась и говорит: «Хорошо знать хотя бы один иностранный язык!!!»

Янеш улыбнулся своим мыслям. И люди вокруг стали улыбаться ему в ответ.

— Я чувствую, что вы хотите меня расспросить о многом, — сказал Янеш. Он тщательно подбирал слова, и поэтому речь его была неторопливой. Ему вспомнилось, что темп речи у кинестетиков слегка замедлен и он совсем успокоился.

— И еще я чувствую, как пахнет жареной рыбой и сладкими булочками, — вдохновенно продолжал Янеш.

В животе у него громко заурчало.

— И мой живот громко подтверждает, что пахнет вкусно, а в животе пусто.

Все засмеялись. Весь поселок как раз ужинал, когда появление Янеша навело такой переполох.

Деловито посовещавшись, собрание решило продолжить трапезу прямо здесь. Все приготовления заняли немного времени. Столы были расставлены, и все расселись, сохраняя все тот же круг.

Вернулись помощники. Янеш отметил про себя, что они чем-то удручены, но круговерть общей беседы затягивала все глубже, и он решил выяснить причину в более удобное время.

А беседа меж тем продолжалась. Особенно собравшихся интересовал вопрос, почему же Янеш сидит в коконе и не выходит?

— Выйти я не могу, — сказал Янеш, — таковы условия. В стране глядачей я был с завязанными глазами, и там всем это тоже казалось странным. У слухачей я ничего не мог слышать, а вот у вас, в Кинестетии, приходится быть в коконе. И я не могу ничего почуять носом, попробовать на вкус или потрогать руками.

Все заохали, заахали, поднялся шум. И пока присутствующие обсуждали услышанное, Янеш спокойно подкреплялся жареной рыбой и сладкими булочками.

— А вот скажи, уважаемый волшебник, как же ты можешь узнавать о мире, ничего не ощущая?

Янеш дожевал последний кусок и сказал:

— Вы знаете, что я здесь. Но пощупать меня не можете. А как вы тогда узнаете? Вы видите меня. Вот и я, когда не могу

пощупать — смотрю и слушаю.

Вопросы лились рекой, и Янеш понял, что здесь ему придется говорить не меньше, чем у слухачей.

На улице постепенно темнело, и в зале зажглась люстра. Мягкое сияние, усиленное тысячами крохотных зайчиков-отблесков, залило все вокруг. И Янеш вспомнил о действительной причине, приведшей его сюда.

— Я знаю, что главная драгоценность щупачей, Хрустальная Рука, хранится у вас. Для того, чтобы изменить ваш мир, она мне очень нужна, — сказал он.

В зале поднялся невообразимый шум. Когда он слегка улегся, один из старших мастеров сказал, задумчиво качая головой:

— Кроме нас прикоснуться к Руке может только тот, у кого есть Хрустальный Язык.

Янеш молча порылся в мешке и достал требуемый Язык. Зал удивленно вздохнул.

— А взять в руки Хрустальную Руку может только тот, кто имеет и Язык, и Нос.

Янеш вздохнул и достал Нос. Все ахнули еще раз и вытянули шеи, стремясь получше разглядеть.

— А уж забрать с собой Руку дозволено только тому, кто владеет всем остальным Хрусталем.

Янеш предъявил Ухо и Глаз.

— Я не владею ими, — сказал он чуть смущенно, — но по условию весь Хрусталь необходимо собрать в Святом месте, чтобы чудо совершилось.

— А ты не хочешь оставить это себе? — подозрительно спросил один из присутствующих.

— Зачем? Я знаю его тайну, — пожал плечами Янеш, — и потом, я здесь во сне. То есть весь этот мир мне только снится. А на самом деле я живу в другом мире, и там Хрусталь будет всего лишь красивыми безделушками.

— Ну, что, отдаете мне Руку? — Спросил Янеш, глядя на примолкших мастеров.

— Отдать-то легко, — ответил один из них, — и право на владение у тебя есть. Найди ее — и она твоя.

— А что ее искать, — удивился Янеш, — вон она, в люстре.

Зал удивленно зашумел. И пока добровольцы снимали свою драгоценность, старший мастер сказал:

— Нам очень понравился твой кокон. Не мог бы ты оставить его нам как образец?

— Пожалуйста, — ответил Янеш, — только я не знаю, как выйти из него.

Тут принесли Хрустальную Руку, мастер бережно взял ее и

провел по кокону в том месте, где прозрачный колпак прикреплялся к нижней части кабинки. Раздался щелчок и колпак откинулся, позволяя Янешу выйти наружу.

Пушистые сноровисто упаковали Хрусталь в мешок. Мусьма шепнула Янешу:

— Попроси их не покидать зал хотя бы полчаса. В поселке Незримый. Нам он ничего не сделает, пока в округе пусто.

Янеш кивнул.

Надев мешок и попрощавшись, он сказал:

— Кокон останется у вас совсем на короткое время. Как только я проснусь, он исчезнет. Поэтому, пусть его разберут прямо сейчас.

А мастеру Янеш добавил:

— Мастер, в поселке Неощутимый. Пожалуйста, оставайтесь в зале в течение часа. А там он уйдет.

Мастер с сомнением покачал головой.

— Уйдет, — уверенно сказал Янеш, — ему нужно только это.

И Янеш похлопал по мешку.

Мастер пообещал удержать всех в зале. Потом он обнял Янеша, похлопал его по плечу и пожелал удачи.

Помощники в нетерпении «били копытами». Янеш вздохнул, и вся компания поднялась по пандусу под самую крышу. Затем, выбрав нужное отверстие, Торстур усадил Янеша, впрыгнул ему на колени. Мусьма с разбега вскочила на плечи. От толчка Янеш, который и так еле держался, скользнул вперед, и вся компания понеслась вниз, как с горы на санках. Правда, санками на этот раз оказался Янеш, но это никого не смущало.

Скорость все нарастала. А туннель, по которому они мчались, поворачивал то направо, то налево, то вдруг нырял почти отвесно вниз, то поднимался наверх.

От стремительного полета у Янеша дух захватывало раз за разом. На особенно крутых участках они пару раз чуть было не перевернулись, но Торстур, как заправский бобслеист, перепрыгивал с одного колена на другое, и равновесие сохранялось.

Вот кампания в очередной раз взлетела на подъем, и, сбросив таким образом скорость, мягко выехала в ночь.

Светила луна, озаряя все вокруг серебристым призрачным светом. В этом свете очертания домов, деревья, все казалось нереальным. Янеш улыбнулся. Опять ночь. И опять они куда-то идут. Но теперь Янеш может и видеть, и слышать, и ощущать. Хотя последнее могло бы и подождать. В коконе он чувствовал себя куда как уютней. И потом — лучше плохо ехать, чем хорошо идти, как сказал Торстур.

— Ты, что опять не слышишь? — удивился Торстур.

И Янеш понял, что кот давно ему что-то говорит.

— Прости, задумался, — извинился Янеш.

— Так вот, главное, не смотреть Незримому в глаза, — продолжал кот, — отнять силой он не может. Так что, не так уж он и страшен.

Мусьма ехала на наполнившемся мешке, охраняя его сзади, Торстур вышагивал рядом, и Янеш шел все дальше от Рукотворного поселка. Они направлялись к Святому месту.

Слева вырастала, приближаясь, темная масса Беспросветного леса. Правда, здесь он назывался Непролазными чащами, но сути это не меняло.

Чем ближе подходили они к лесу, тем тревожнее становилось Янешу. Да и Торстур, до того болтавший без умолку, как-то притих. Незримый уже ждал их где-то там, за поворотом.

— Хочешь, сказку расскажу? — неожиданно спросила Мусьма.

— Расскажи, — оживился Янеш.

Сказка, рассказанная Мусьмой.

Это было давным-давно, — начала кошка, — в замке, где обучаются мальчики и девочки, чтобы стать волшебными принцами и принцессами. Ну, об этом замке ты, конечно, знаешь.

— Нет, не знаю, — растерянно ответил Янеш.

— Ну, значит, скоро узнаешь. Так вот.

В том замке однажды закончились деньги. Казна совсем опустела, и платья принцесс истрепались. И на обед им уже не подавали всякие яства. На обед теперь у них была только жидкая похлебка. И учитель танцев, видя такое положение, покинул замок. За ним последовали учителя музыки и рисования. И даже учитель фехтования, и тот уехал, так и не дождавшись положенной платы за последние пол- года. Все приходило в упадок. И вскоре в замке остались только старый привратник и принцы с принцессами. Привратник прожил здесь всю жизнь, и ему некуда было идти. А принцы с принцессами по уговору не могли покинуть замок без экзаменов.

И вот однажды собрались они в главной зале, совещаясь, что бы предпринять. И привратника тоже позвали — он человек старый, опытный. Может, что и присоветует.

И сказал им привратник:

— В подвалах замка видимо-невидимо сокровищ. Есть и

золото, и камни драгоценные.

Обрадовались принцы и принцессы, стали спрашивать, почему же он раньше им не сказал об этом.

— Тайну эту можно доверить только принцу или принцессе, — пожал плечами старый привратник, — и все не так просто, как вы думаете. Охраняют те сокровища голодные чудовища.

— А может быть их покормить? — спросила одна принцесса.

— Можно и покормить, — согласился привратник, — да только едят они пищу неосязаемую. И пойти туда может только очень храбрый человек.

Один из принцев тут же сказал:

— Я самый храбрый и самый смелый. Я пойду.

На самом-то деле он был самый хвастливый, но привратник кивнул головой и повел принца к заветной двери в подвал. Там он вручил принцу несколько свечей и, велел идти не сворачивая, пока не попадет в большой зал с сундуками. А там пусть открывает любой и берет, сколько унести сможет. И подал ему котомку.

Взял принц свечи, взял котомку и пошел. Идет себе прямо, а поворотов и коридоров боковых видимо-невидимо. Принц прямо идет, никуда не сворачивает.

И вдруг сзади голосок раздался. Тоненький такой:

— Скажи, что это? Оно боится.

И голос грубее ответил:

— Тихо! Страх — это еда.

— А куда оно идет? — опять спросил голосок.

— Пусть идет, — успокоил грубый.

Принц, слыша это, вжал голову в плечи и прибавил шагу.

— И вправду еда! Я уже ем, — сказал, чавкая, тонкий голосок.

— Ешь, не болтай, — ответил грубый.

Принц еле сдерживался, чтобы не побежать. И тут прямо перед его носом что-то пронеслось из одного бокового хода в другой. Но принц шел все дальше. Он уже жалел о том, что вызвался. Пусть бы кто другой шел. Из следующего коридора на него смотрели два зеленых глаза. Принц хотел было пройти мимо, но тут над его ухом кто-то зачавкал. И принц с воплем отпрянул в сторону.

— Еда, еда! — раздавалось со всех сторон. И принц увидел спешащих к нему каких-то странных небольших существ. Напоминали они осьминогов и ростом были принцу по пояс. Но приближаясь ближе, они выросли до таких размеров, что присоски на щупальцах, почти невидимые раньше, стали размером с блюдце. И щупальца с этими присосками, на которых

подрагивали капли чего-то липкого, тянулись к нему. Медленно и неотвратимо.

Принц заорал от ужаса…

Напрасно ждал его у дверей привратник, напрасно ждали голодные принцы и принцессы. День близился к вечеру, и стало ясно, что с принцем что-то случилось.

Тогда вызвалась пойти одна принцесса. Ее долго отговаривали, но принцесса настаивала на своем. И вскоре привратник отвел ее к заветной двери, дал ей котомку и свечей, и ушел.

Долго стояла девочка, собираясь с духом.

— Если меня там съедят, — говорила она чуть слышно, — значит, я умру. Но когда-нибудь я все равно умру. И уж лучше быстро, чем медленно умирать от голода.

— Боюсь ли я? — спросила она сама себя и ответила, — нет, не боюсь. Страшнее смерти ничего нет, а к ней я готова.

И она открыла тяжелую дубовую дверь. Весь проем был заполнен толстыми переплетенными шлангами. Девочка задумчиво потрогала один из них. Пройти во внутрь было невозможно. В сердцах она пнула эти шланги ногой.

— Ой, мама! — донесся тоненький голосок из подвала и «шланги» вдруг зашевелились, а один даже стал заметно потоньше. Принцесса помотала головой, думая, что это ей привиделось. Но тут щупальце потолще мягко отодвинуло принцессу назад и, нащупав дверь, захлопнуло ее у девочки перед носом.

— Ничего себе! — подумала Принцесса, она опять открыла дверь и сказала, — с принцессами так не обращаются, вы дурно воспитаны.

Щупальца втянулись куда-то вглубь, но девочка заметила, что они стали еще чуть-чуть тоньше.

Принцесса зажгла свечу и пошла прямо по коридору. Над ее ухом раздалось смачное чавканье.

— Прекратите чавкать, — сказала она, даже не обернувшись, — чавкать за столом — это дурной тон.

— Можно подумать, ты никогда не чавкаешь, — обиженно ответил голос сзади.

— Я? — удивилась принцесса. — Я никогда не чавкаю. Принцессы не чавкают.

— А что, тебе совсем не страшно?

— Когда чавкают, то противно, а не страшно, — ответила Принцесса.

Она шла все дальше и дальше, никуда не сворачивая. И вот свеча осветила впереди чьи-то ноги. Девочка подошла ближе.

Принц лежал на грязном полу. Принцесса зажгла все свои свечи, но не нашла ни одной раны. Тогда она наклонилась и приложила ухо к груди.

Принц был жив. Сердце билось. Слабо, но билось.

— Кто это натворил? — строго спросила она у темноты.

Темнота завздыхала, и что-то там зашевелилось. Видно, тем, в темноте, было стыдно.

— Он сам виноват, — запальчиво сказал грубый голос.

— Прекратите пререкаться и исправьте… — девочка слегка запнулась, не зная, что же тут случилось, но все же нашлась, — и исправьте то, что натворили.

Говорила она строго и без тени страха. И ее послушались. Огромное щупальце дотянулось до принца и потрепало его по плечу, мол, просыпайся. Принц потянулся и открыл глаза. Увидев склонившуюся над ним принцессу, он принял независимый вид.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Конечно, в порядке. Просто задремал — самоуверенно ответил Принц.

Из темноты донеслось грозное рычание. И принц подпрыгнул от неожиданности и побледнел так, что это было заметно даже в темноте. Он дрожал, и его зубы выбивали барабанную дробь. Принцесса с удивлением смотрела на него. Рычание стало еще более грозным.

— Прекратите немедленно, — строго приказала она и взяла принца за руку, — пойдем, ты тут так долго спал, что мы начали волноваться.

Мусьма замолчала, переводя дух.

— А дальше? — нетерпеливо спросил Янеш. Его очень увлек рассказ. И он даже представлял себе все, как будто он сам был там, рядом со смелой принцессой и незадачливым принцем.

— А дальше…

А дальше они пошли все прямо и прямо, никуда не сворачивая. И вскоре вышли в огромную залу, где сундуки ломились от золота и драгоценных камней. Взяв столько, сколько можно унести, принц с принцессой повернули обратно.

В замок вернулись учитель музыки и учитель танцев. И прочие учителя. Принцессам сшили новые платья, а принцы получили по крутому мотоциклу. Все были довольны и счастливы, даже старый привратник.

Слушая Мусьмин рассказ, компания незаметно для себя добралась до Святого места.

Все устали, и хотелось спать. Но это было опасно — Незримый бродил где-то рядом.

Тогда Янеш нашел границу границ, очертил вокруг себя большой круг, а затем, внутри его, еще один, поменьше. Затем поднял голову вверх и сказал, глядя на луну:

— Хочу, чтобы промежуток между линиями наполнился водой.

— Заказ принят.

И тут же большой круг превратился в чашу фонтана, а малый — в круглую площадку посреди. И вовремя. Сзади раздался вопль отчаяния и злости.

Янеш обернулся — позади фонтана стоял Незримый. Впрочем, здесь он был достаточно видим и даже слышен.

— Не смотри на него, — дернул Янеша Толстур.

— Пусть смотрит, — махнула лапой Мусьма, — его чары через воду не подействуют.

Незримый скрежетал зубами, но добраться до заветных вещей не мог. И, поскрипев еще немного, он исчез. Видно, отправился подыскивать себе другой, более подходящий мир.

Янеш вызвал пару одеял, подушку, и вскоре вся компания уснула крепким сном под журчание фонтанных струй.

Глава XVI

Проснулся Янеш от жуткого желания. Видно, журчанье фонтана навеяло.

Завтракал он сегодня один и поделиться своими мыслями ни с кем не удалось. Тогда он справедливо решил отложить эти мысли до вечера и отправился в школу.

Первым уроком был английский. Янеш раньше испытывал к английскому весьма неоднозначные чувства: язык ему нравился, слова легко запоминались и сами складывались в предложения, что тоже доставляло удовольствие. Но эти диктанты! Они добавляли ту ложку дегтя, что портит любую бочку меда. Хотя теперь Янеш чувствовал себя гораздо уверенней. Ему был не страшен любой диктант.

И диктант не заставил себя ждать. Янеш торжествующе улыбнулся и написал его легко и не задумываясь.

Конечно, он помнил про технику грамотного письма, про спеллинг.

Окрыленный полученной пятеркой, Янеш чуть было не опоздал на следующий урок.

И сидя в классе, он еще какое-то время сохранял это настроение. И постоянно тянул руку, желая отвечать. Но вы же знаете, как это бывает? Стоит только начать активно поднимать руку, как тебя ни за что не спросят. К доске вызвали Димку по кличке Слон. Он топтался на месте, что-то бубнил и просто тянул время. И постепенно мысли Янеша направились в другую сторону. Он рассматривал ребят, сидящих в классе, размышляя о том, кого он уже «откалибровал», и на кого нужно еще обратить внимание. Кстати, слово «калибровка» он услышал однажды от родителей. Папа говорил о курьерше Светочке, которая маленькая и шустрая, как колибри. А мама тогда, смеясь, сказала, что эта колибри не того калибра. Потом, конечно, Янеш выяснил, что означает это слово. Но звучание от этого меньше нравиться не стало.

Он сидел и представлял себе эдакую калибровочную машину, в которой стоят разные сита — калибры, и сверху сыпятся ребята из его класса. На верхнем сите остаются кинестетики — они самые медлительные и кажутся самыми крупными. Даже Валерка Демин, который в классе самый маленький и худой, и тот кажется широким и неуклюжим.

На следующем сите остались слухачи — аудиалы. Они тоньше и шустрей. А в самый низ просочились верткие быстрые визуалы — глядачи. Они в этой калибровке были как маленькие блестящие змейки.

Эта картина настолько увлекла Янеша, что он перестал и видеть, и слышать то, что происходило вокруг него. Он думал. И продолжал, глядя на картинку, рассуждать. Вот Анька Синицына, она внизу, у визуалов. Вот Элка Ушакова, вот Сережка Яковлев, вот Димка-Слон. Стоп, а где же я? Янеш поискал себя глазами, но не нашел. И это его не на шутку взбудоражило.

— Где же я, — продолжал он спрашивать сам себя, — и кто я такой? Кто я?

Из этой тревожной задумчивости его вывел толчок соседа. И сразу, как будто нажали на кнопку, вернулись звуки и…

— Петровский, я тебя третий раз спрашиваю. О чем это ты так задумался? — с ехидцей произнес Владимир Сергеевич, их историк.

— О чем? — переспросил Янеш.

— Вот именно, о чем. Поведай классу, — Владимир Сергеевич сделал широкий жест. Был он еще молод, но уже разочаровался в выбранной профессии и отрабатывал свои часы, скорее по необходимости. Он пробовал внедрять различные новшества и новаторские методы, но со стороны коллег и начальства ни поддержки, ни одобрения не получил. Его вольнодумство и инакомыслие, молодой задор и творческие замыслы оказались никому не нужны. С учениками же он держался на приличной дистанции, и искра взаимного интереса не возникала и здесь. Поэтому Князь Владимир, как звали его за глаза школьники, откровенно маялся, и иногда позволял себе такие вещи, за которые ему самому потом было стыдно.

Вот и сейчас был именно такой момент, и Князь Владимир уже начал испытывать жалость и отвращение к самому себе.

Янеш вздохнул. Из размышлений его выдернули настолько внезапно, что в голову ничего не приходило. И он сказал:

— Я думал о том, кто я такой, — и боясь, что его не поймут, добавил, — кто я.

Класс замер. Ребята ожидали реакции учителя, чтобы подхватить ее. В этом возрасте «стадный» инстинкт еще очень силен.

Князь Владимир снял очки, молча протер их и снова надел. Потом посмотрел на Янеша:

— Силен, бродяга. И что ты решил?

Янеш пожал плечами:

— Пока ничего, я только начал. И это не легко.

— Да, брат, — сказал историк, — над этим вопросом бились лучшие умы, великие мыслители и философы.

— И что? — заинтересовался Янеш.

И тут прозвенел звонок. Все повскакивали с мест, поднялся

обычный шум. И Янеш вдруг подумал, что в последнее время звонок звенит совсем не вовремя. Но вихрь перемены подхватил и его. И Янеш вместе с Димкой — Слоном и Сережкой Яковлевым помчались сломя голову в школьный буфет.

А в это время Владимир Сергеевич с жаром рассказывал в учительской:

— Представляете, я его спрашиваю, о чем, дескать, задумался? А он и отвечает, думаю о том, кто я.

— Ну, нынче и не такое услышишь, — отозвалась Валентина Ивановна, физичка, — вот мне вчера в десятом «А», знаете, что сказали?

— Петровский — из пятого «Б», — в запале перебил ее Князь Владимир, и тут же добавил, — извините, я вас перебил.

— Что там про пятый «Б»? — вмешалась в разговор Татьяна Александровна, которая была классным руководителем этого самого пятого «Б».

— Я о Петровском. Сидит и, смотрю, совсем не слушает. Спрашиваю, о чем задумался? Говорит, думаю о том, кто я такой, — уже спокойнее поделился Владимир Сергеевич.

— И что здесь такого? — защищая Петровского, спросила Татьяна.

— Да ничего, в принципе. Но необычно.

— Вы про Петровского из пятого «Б»? — спросила только что зашедшая Алла Игоревна, — действительно, необычный мальчик. Он у меня спросил, как я знаю, что написано правильно. Я и сама объяснить не могу, просто знаю, что это так и все. Но он что-то там понял и теперь диктанты пишет только отлично.

— А раньше? — поинтересовался Князь Владимир.

— Исключительно на двойки.

— Кстати, этот ваш Петровский что-то там у Сан Саныча вчера начудил, — сказала Валентина Ивановна, выходя из учительской. Вслед за ней ушли и историк с англичанкой.

Татьяна Александровна проверяла тетради, когда к ней подошла «художница», у которой тоже было «окно».

— Посмотрите, вот это ваш Вадик Рыжиков нарисовал.

Работа была действительно интересной. Особенно хорош кленовый лист. Совсем как живой.

— Интересно, — ответила польщенная учительница. Ей всегда было приятно, когда хвалили ее учеников.

— А помог ему Янеш Петровский. Уж не знаю, что он ему сказал, но пока Рыжиков сидел один, ему не работалось.

И художница вернулась к своему столу.

— И тут Петровский, — с легкой тревогой подумала Татьяна Александровна. Она помнила Янеша как одного из многих. Не

хуже других, но особенно ничем и не отличался. А тут не прошло и недели, как все о нем только и говорят. С ребенком что-то творится. Надо позвонить родителям и поговорить, не откладывая.

А Янеш даже не подозревал о том, что беспокоит его учителей. Он внимательно или не очень слушал объяснения на уроках, старательно или не слишком делал задания, бегал на переменках. В общем, вел себя так, как и тысячи других мальчишек и девчонок.

Дома, с удовольствием поедая жареную картошку, Янеш спросил у мамы:

— Ма, вот есть глядачи, слухачи, там, кинестетики. А я кто?

— А как ты думаешь?

— Не знаю, мам, — и тут его осенило. — а бывает так, что всего понемножку?

— Бывает и так, — кивнула мама, — ведь и кинестетики видят, и визуалы слышат. Все могут все. Но пользуются чаще чем-то одним или двумя. Вот ты, например, из слухачей. Но визуальной системой тоже пользуешься часто.

— Ма, а что лучше, пользоваться одной системой или двумя?

— Лучше всеми сразу — получишь больше информации. Но часто такое напряжение излишне, достаточно одной системы.

— А какой именно?

— Любой. В зависимости от ситуации.

Вскоре мама ушла. А Янеш сел в мамино любимое кресло и стал думать о том, что сказала ему мама. И незаметно для себя задремал.

Глава XVII

И во сне ему послышалось журчанье фонтана. Янеш открыл глаза. Над ним голубело утреннее небо. И сквозь нежный отзвук бегущей воды доносился гул многочисленных голосов. Янеш приподнялся на локте. Через водные струи разглядеть, что делается вокруг, было не так легко.

— Ну, так и будем лежать? — раздался сзади насмешливый голос Люсинды.

Янеш обернулся. Да, это была Люсинда, собственной персоной.

— Слышишь гул? Сейчас жители всех королевств спешат сюда.

Янеш вскочил на ноги, наспех ополоснул лицо, прогоняя сон. Люсинда взмахом руки отослала одеяла.

— Помнишь, что сказано в пророчестве?

Янеш кивнул:

— «Сложи нас в чашу, долей воды, и силу нашу, перемешав, умножишь ты», — прочитал он на память. — А в какую чашу?

Люсинда пожала плечами, решай, мол, сам.

Тогда Янеш, глядя в небо, сказал:

— Хочу нужную чашу.

— Заказ принят, — ответили ему сверху.

И в небе появилась маленькая сверкающая точка. Она росла, приближаясь. Люсинда, Янеш и пушистые расступились. Огромная чаша, выточенная из цельного хрусталя, мягко приземлилась в центр площадки.

Фонтан, как по команде, стих. И Янеш увидел, что множество людей наполнило долину Святого места, и пришли они в ожидании долгожданного чуда.

Янеш обвел глазами собравшихся. Он был несколько смущен взглядами, направленными на него.

— Начинай, — шепнула Люсинда, — напомни им, кто ты, а потом…

Она говорила что-то еще, но Янеш уже не слушал. Он собирался с духом.

— Понял? — услышал он вдруг Люсинду, — теперь говори.

И Янеш сказал:

— Уважаемые глядачи, слухачи, вкусачи, нюхачи и щупачи! Я оказался у вас случайно. Просто ткнул пальцем в карту и появился здесь. Я не волшебник, вот Люсинда — она волшебница, а я только ученик.

Гул голосов был ему ответом. Люди зашумели,

переговариваясь.

Тогда заговорила Люсинда:

— Слушайте меня, люди, — сказала она, — смотрите и вы услышите, слушайте и ощутите. Да, Янеш пока только ученик. Но появление его здесь как кверхногого волшебника было предсказано в ваших легендах и мифах. И он смог обойти ваши страны и собрать вместе все хрустальные предметы. Я обращаюсь к вам, люди. Все ли условия были соблюдены Янешем? Отдавая ему свою драгоценность, каждый получил что-то взамен. Все ли довольны обменом?

— Довольны! — закричали более шустрые глядачи, — мы теперь знаем, что такое музыка.

— И мы довольны, — сказали слухачи, — мы теперь умеем читать и писать. К тому же, последние десять лет, после внезапной смерти Хранителя, мы не могли найти Хрустальное Ухо.

— Мы, вкусачи, тоже довольны, — веско сказали вкусачи, — у нас теперь есть вода, целый пруд чистой, вкусной, холодной воды.

— Мы рады, что наши женщины могут украсить свои платья. Правда, они увлеклись и теперь рисуют не только на ткани, но и на всем, что попадется под руку, — сказали нюхачи и все засмеялись.

— А у нас появилась возможность делать весьма любопытные механизмы, которые облегчают жизнь многим, — не торопясь произнес Старший мастер щупачей.

Янеш обвел толпу глазами. Люди улыбались ему. И от их взглядов становилось теплее на душе.

Янеш взял поданную Толстуром шкатулку. Вокруг смолкли разговоры, все затаили дыхание. Янеш осторожно достал Хрустальный Глаз и поднял его над головой, показывая всем. Солнечный луч отразился в Хрустале, нестерпимо сверкая. Янеш осторожно положил Глаз в чашу. Слухачи негромко запели что-то торжественное.

Вскоре за Глазом последовало Ухо, Язык, Нос и Рука. И с каждым предметом пение слухачей крепло и становилось все громче и увереннее. И вместе с ними запели жители остальных стран.

Янеш зачерпнул воды поданным Люсиндой ведерком. Пение смолкло. Мальчик осторожно вылил воду в чашу.

Какое-то время ничего не происходило, и он испугался, что сделал что-то не так. Все продолжали ждать, но ничего не происходило.

Янеш посмотрел на Люсинду. Она улыбалась.

— Люсинда, почему ничего не происходит? — шепотом спросил Янеш.

— А что ты хочешь, чтобы произошло? — лукаво в ответ спросила волшебница.

И Янеш понял. Он набрал побольше воздуха и крикнул:

— Хочу, чтобы чудо свершилось!

И невидимый голос ответил:

— Заказ принят.

Янеш с облегчением вздохнул. Люди, которым было непонятно, почему же ничего не происходит, тревожно топтались на месте, вытягивая шею, чтобы первыми увидеть начало чуда.

И чудо началось!

Вода забурлила в чаше, Хрусталь то появлялся, сверкая в лучах, то вновь исчезал в глубине. И края чаши вдруг стали вытягиваться, менять очертание, вырастая во что-то невыразимо прекрасное.

Ведерко, которое держал Янеш, потянуло его к воде, зачерпнулось полным-полнехонько. Дальше Янеш догадался сам. Он вылил воду в то, что было чашей. Процесс, было остановившийся, закипел с новой силою.

Еще трижды подливал Янеш воду, и вот все завершилось. Перед ними стояла прекрасная девушка. Она была хрустальной, от маленьких туфель до макушки. И она была живой. Ветерок мягко шевелил ее хрустальные волосы, и они звенели щемящей нежностью. От ветра же колыхалось и ее платье, хрустальное, переливающееся немыслимыми цветами.

Все присутствующие потрясенно молчали, сраженные Красотой. А Хрустальная девушка протянула к людям руки и заговорила нежным мелодичным голосом:

— Спасибо вам, люди. Вы позволили мне появиться и вернули мне мои части. Все это время я наблюдала за вами и помогала, как могла. Но части мои были разрозненны. И помощь была неполной. А теперь я с вами. И все изменится.

Она медленно развела руки в стороны, и солнечные зайчики искрами побежали по собравшимся. Девушка двигалась по кругу, как в танце.

Люсинда прикоснулась к Янешу, пойдем, мол. Мусьма привычно впрыгнула на плечи. Торстур взобрался к Люсинде на руки.

Волшебница прикоснулась палочкой к воде, и она мгновенно заледенела. Вся компания перешла по льду через фонтан, и лед тут же растаял.

А девушка все танцевала под аккомпанемент звенящих на ветру волос. Хрустальные отблески пробегали по лицам

смотрящих, открывая им дивные тайны и возможности. И разглаживались морщины, мир наполнялся красками, звуками, прикосновениями.

Танец становился все медленней, круги — все меньше. И вот девушка оказалась в самом центре. Последний взмах руки и она застыла, прекрасная и неподвижная.

И все вздохнули, наполненные этим танцем и сиянием. Вновь забил фонтан, смягчая водными струями переливы Хрусталя.

Люсинда пригласила всех правителей на короткий совет. Теперь они понимали друг друга и могли договориться. И они договорились построить город. И назвать его Хрустальным.

— Раз в году, в этот день, статуя вновь оживет и будет танцевать для вас, и отблески Хрусталя помогут вам решить любые проблемы, — сказала на прощанье Люсинда. И добавила, — нам пора. Прощайся, Янеш.

Янеш церемонно попрощался с каждым правителем.

Из фонтана донеслось бульканье и показалось рыльце дративара:

— Тебе не велено вступать на эту землю, — строго сказала Люсинда.

Правители глядели на Менга, разинув рты.

— А я вовсе не на земле, — обиделся дративар, — мокну тут, в фонтане, и все из-за вас. Министр Внутреннего королевства уже заждался.

Правители, наконец, по очереди закрыли рты и с уважением взирали на посланника..

— Бедный, я бедный, — продолжал причитать тот, — мокну тут. Холодный, голодный, как заяц в разливе.

Он хитро посмотрел на Янеша и совсем спокойным тоном спросил:

— Ну, готовы?

И туманная дымка начала окутывать их, и Мусьма прыгнула по привычке на плечи.

Глава XVIII

От этого прикосновения Янеш и проснулся. Но это была не Мусьма, это мама тормошила его. Янеш встряхнул головой.

— Ма, у меня все-таки получилось!

Мама кивнула, будто зная, что имеет в виду ее сын.

— Если в твоей карте мира указано, что у тебя все получится, то по-другому и быть не может.

— Ма, а если не указано?

— Тогда даже простые вещи будут проблемой. Как будто на тебе очки, а на стеклах надпись: «Не получится!». И на что бы ты ни смотрел — на всем будет эта надпись.

— Ух ты! И как же тогда быть?

— Просто снять эти очки и надеть другие.

— С надписью: «получится»?

— Или: «я смогу», или «это возможно», — продолжила мама.

— Мам, но ведь на самом же деле никаких очков нет, — подозрительно спросил Янеш.

— На самом-то деле есть. Только очки эти не снаружи, а внутри, в твоей голове.

— И как же их тогда снять? — забеспокоился Янеш.

— Свои карты мы выбираем сами, — пожала плечами мама, — только нужно их иногда менять.

— А если карта подходящая, зачем же ее менять?

— В наш зоопарк привезли большого белого медведя, — вместо ответа начала мама, — медведя привезли, а вольер для него еще не был готов и медведь сидел в маленькой клетке, где можно было сделать три шага назад и три вперед. Прошел месяц, пока наконец вольер подготовили. В нем был бассейн для купания, уютная лежанка, куча разных медвежьих развлечений. Просто сказка, а не вольер. Но когда медведя перевели туда, он продолжал делать три шага назад и три шага вперед. И заметь, его карта была действительно подходящей, но в других условиях.

— Значит, когда меняются условия, нужно менять и карту?

— Скорее не нужно, а можно.

— То есть — необязательно, если тебе хочется?

— Ты можешь делать все, что тебе хочется, — заверила его мама, — только к каким результатам это приведет? Если к нужным, то прекрасно.

— А если нет?

— Тогда стоит задуматься. Ты же человек разумный.

— Мам, а взрослые все так поступают?

Мама на секунду задумалась, но все-таки решила сказать так,

как есть.

— К сожалению, нет. Многие взрослые цепляются за старые карты, даже когда они уже не годятся.

— Почему?

— Ну, видишь ли, им так привычнее. Они уже знают, как вести себя, когда им плохо. И даже не задумываются о том, какими они станут, когда все будет хорошо. Поэтому хорошо им и не становится.

— И у детей тоже так?

— У детей по-другому. Дети гибче, они часто меняют свои карты. Правда, часто невпопад, — и мама улыбнулась.

Разговор, столь для Янеша интересный, был прерван телефонным звонком.

Звонила Татьяна Александровна, их классная. Она что-то долго говорила. Мама улыбалась и кивала.

— Интересно, — подумал Янеш, — зачем она кивает? По телефону же не видно…

— Да, я знаю, — сказала вдруг мама. — Да, и рада этому. Да, так может и быть, если вы это выбираете. Нет, это не колдовство. Это чистейшей воды НЛПи. Что такое? Нейро-лингвистическое программирование. Другими словами — программирование мозга словесным путем. В некоторых случаях это можно назвать и гипнозом. Нет, это не вредно. И безопасно. Да, этому можно научиться. Нет, не сложно. Даже дети могут. Да, наверно придется. Хорошо.

Дальше были сплошные «да» и «хорошо» и Янешу совсем не интересно. Он любил иногда слушать, как мама говорит по телефону. Он пытался отвечать мысленно за маминого собеседника и по новым маминым репликам проверял, насколько он точен. Иногда получались очень забавные вещи. Мама, кстати, об этом знала и была совсем не против.

Наконец она положила трубку.

— Твои учителя не на шутку разволновались.

— Ма, у меня все нормально, — с недоумением ответил Янеш.

— Ты не вписываешься в их карту, — продолжила мама, качая головой. — В той карте учитель всегда знает больше ученика.

— И что теперь?

— Теперь им придется научиться и этому.

— Мам, разве взрослые учатся волшебству?

Мама потрепала Янеша по волосам:

— В твоей карте это называется волшебство, а в моей это НЛПи. И учатся ему именно взрослые.

— Почему?

— По-моему, это заговор, — и мама засмеялась. — Дети обучаются этому гораздо легче. Зато, пока не знают дети, взрослые могут этому и не учиться.

— А если дети знают?

— Тогда их учителям и родителям просто необходимо научиться этому тоже. Хотя бы для того, чтобы быть наравне и держать ситуацию под контролем.

Мама еще раз взъерошила Янешу волосы.

— Пошли на кухню. Я буду готовить ужин, а ты мне расскажешь о школе.

Так прошел вечер.

И когда Янеш, наконец, уснул, к нему пришла Люсинда.

— Здравствуй, Янеш, — сказала она, — ты все еще хочешь быть учеником волшебника?

— Конечно, хочу. Здорово, что ты пришла, — обрадовался Янеш.

— Тогда пойдем.

Люсинда взяла его за руку, и они помчались сквозь сверкающую тьму.

И вскоре оказались в том самом Замке, где жили принцы и принцессы и старый привратник. Кстати, он и был волшебником, но об этом никто не знал.

Не знала и беленькая Мусьмочка.

Но это уже совсем другая история.